

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
НИЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, ВУГЕН-
ВЕИЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРАКСТО,
БЕЛЛОСОНА, БОДЕНА, ФИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
БЕННИТТА, ФРЕЙСЕНЕ, БИЛЛИНГСТАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ,
МАУРЕНТА, БИЧЕЯ, ЛЮТКЕ, ДИЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА.

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

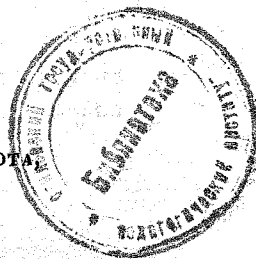
картъ, плановъ, портретовъ и изображеній замѣчатель-
нѣйшихъ предметовъ природы и общечинія во всѣхъ частяхъ
свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-
Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по ошпечаташи представлено было
въ Цензурный Комитетъ надлежащее количество экзем-
пляровъ. Москва, Мая 9-го дня, 1837 года.

Цензоръ Д. Первозииковъ.

**ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ.**

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

ОКЕАНИЯ: (МАЛЕЗИЯ) ОСТРОВА ТИМОРЪ, БОРНЕО, ЯВА; АУСТРАЛИЯ (НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ), НОВЫЙ ЮЖНЫЙ ВАЛЛИСЪ.

ГЛАВА LXXXVI.

МАЛЕЗИЯ. — ОСТРОВЪ ТИМОРЪ.

Сива наша оспавила Амбоинскую гавань 10-го Сентября. Послѣ нѣсколькихъ успесовъ и низкихъ оспировковъ, копорыми успяно здѣшнее море, мы пошли около оспрова *Тимора*, и на слѣдующій день оспановились въ главномъ его заливѣ, *Купангскомъ*, извъспномъ шакже подѣ именемъ *Бабаоскаго*. Эпо обширная виадина, кажется, неменѣе 5, или 6 льѣ углубленія, при 3-хъ, или 4-хъ ширины. Опкрышая къ западу, она безопасна шолько съ начала Мая до конца Октября. По мѣрѣ шого, какъ углубляешесь во внутренность эпого бассейна, земля выспя и выдвигаетсь амфипеапромъ. Берегъ развиваетсь по немногу очеркомъ зеленѣющихъ приморьевъ, покрытыхъ куспарниками, изъ коихъ выспавляющся куны великолѣпныхъ кокосовъ. Голландская крѣпость *Конкордія*, съ своими спѣнами, и нальво небольшое Малайское селеніе, раздѣляемое рѣчкою,

дополняютъ картину, удовлетворяющую зрѣніе общностью и подробностями. По срединѣ залива находился низкій оспровъ, именуемый *Кеа*, окруженный подводными каменьями; онъ необитаемъ, какъ равно и два другіе оспрова, *Тикуръ* и *Буру*, находящіеся на В. отъ мыса *Пакула*, въ Ю. В. части залива.

Должно еще замѣтить широкую груду коралловъ, извѣстную у Малайцовъ подъ именемъ *Меники*. Черезъ полчаса послѣ нашего прибытія, ялъ бригга былъ уже у приспани Конкордійской крѣпости. Со стороны моря крѣпость эта имѣетъ природную ограду утесовъ, а съ сухаго пуши у нея спѣна, защищающая ее отъ всякихъ нападеній туземцовъ. Но расположеніе мѣстное легко можеть покорить ее высадкѣ хорошо устроенаго войска. При большомъ приливѣ можно выйдти подлѣ самой крѣпости, въ бухтѣ, находящейся у входа въ заливъ. При маломъ приливѣ надобно приспастъ къ приморью. Раздѣляемый на двѣ части рѣкою, черезъ него протекающею, Малайскій посадъ имѣетъ сообщеніе между двумя рѣчными берегами по мосту, деревянному, но прочно построенному. Голландская крѣпость отъ него на западъ, а Кипайскій посадъ на востокъ. Сопни съ двѣ домовъ, памъ и сямъ, безъ порядка, безъ всякаго плана разбросанныхъ, составляють Малайское отдѣленіе. Почти всѣ они построены изъ дерева, либо изъ пласпинъ бамбука, и состоятъ изъ одного этажа, возвышеннаго двумя ступеньками отъ земли. Внутренность посада такъ же въ зелени, какъ будто лѣсъ и поле. Манглеры и

огромныя Баніанскія фиговыя деревья образуютъ сверхъ каждой улицы непроницаемыя листващыя своды. Оптъ этого происходишь для домовъ по обѣимъ сторонамъ улицы усладительная свѣжесть, неоцѣненная благодать въ экваторной полосѣ земель.

Два дня могли мы посвятить на обозрѣніе Тимора. Нашъ эскадренный бригъ едва давалъ время пассажирамъ своимъдохнуть береговымъ воздухомъ. Надлежало довольствоваться тѣмъ, что Купангъ и его побережье представляли самаго любопытнаго, а въ остальномъ ограничиться описаніями, какія одинъ за другимъ составляли Перонъ, Гогендорфъ, Фрейсине. Съ первой прогулки нашей во внутренность земли, мы должны были сожалѣть, что у насъ мало времени для обозрѣнія областей, столь богатыхъ прекрасною расписательностью. Величественныя пальмы, кольчатые ареки, съ ихъ красивыми плюмажами, только въ промежуткахъ позволяли видѣть весь ландшафтъ, но что успѣвали мы разглядывать, то состояло изъ восхищительныхъ и различныхъ положеній. Въ самыхъ окрестностяхъ посада, на долинѣ болѣе открытой, замѣтили мы Малайское кладбище, составленное изъ маленькихъ каменныхъ памятниковъ, въ родѣ Римскихъ *тумуловъ*. Форма ихъ, казалось, различается смотря по важности покойника. Тутъ составляла она чепыреугольную, сверху срезанную пирамиду, съ внутреннимъ сводомъ и съ чепырьми пирамидками (*pyramidions*) по угламъ; здѣсь памятникомъ былъ проспо камень, съ кольцомъ посрединѣ; далѣе являлся родъ площадки, составленной изъ двухъ

успуповъ, съ какимъ-то украшеніемъ сверху, изъ камней, загибаясь на углы; индъ просная хижинка, съ дверью по срединѣ, возвышала свои наклоненныя кровельки, а еще опдѣльно, на холмѣ, объемля большое пространство, предспавлялся взорамъ квадратный голбецъ, изъ камней, съ огромными конпрофорсами, чптобы придать ему нѣмъ большую прочноссть.

Всѣ окреспноссти Купанга украшены огородами и садами, большею часпью расположенными по берегамъ рѣки. Сюда богатые жишели Купанга удаляющся для скрыпнія себя опъ прибрежныхъ жаровъ. Принятые въ одномъ изъ такихъ убъжищъ, мы долго удивлялись всему, чпо шупъ собрано прелеспей природы и прихотливыхъ удобспвъ роскоши. Мъспечко это находилось въ прелеспной долинь, около мѣ разспояннѣмъ опъ города. Множеспво деревьевъ, одни обремененныя цвѣтами, другія плодами, благоуханный воздухъ, вода, журчавшая и скользившая по гранишнымъ упесамъ, въперокъ шелеспившій между лиспьями, воркованье горлицъ, крики попугаевъ и плѣшивыхъ *калао*—все способспвовало прелеспи этого очаровательнаго уединенія. Рѣка, огороженная занавѣсами высокихъ бамбуковинъ, походила на залу купальни, гдѣ владѣтели окреспносстей нѣжались въ долгіе часы зноя. Послѣ купанья цѣлымъ семейспвомъ, они ложащся на рогожки, въ пѣни померанцовыхъ и шамариндовыхъ рощей. Тупъ, съ бешелемъ во рпу, сибаришны Тиморскіе засыпающъ, обмахиваемые молодыми невольницами, защища-

ющими дремону ихъ опъ докучныхъ насѣкомыхъ, при пособіи лапаньеровыхъ опахалъ.

Домъ, который пригласили насъ послѣ того посѣщенія, расположенъ въ концѣ длинной аллеи, параллельной съ рѣкою. Аллея къ дому явилась намъ широкая и усыпанная пескомъ; она примыкала къ пруду, четверугольному и наполненному превосходною рыбою. За пѣмъ увидѣли мы широкій пересиль, поддержанный колоннами, верхъ котораго образовывалъ родъ Кипайскаго кіоска, живописнаго и красиваго. Попомъ слѣдовалъ дворъ, и наконецъ самый домъ, окруженный двумя рядами вѣшнихъ галерей, съ поломъ и красивыми проспективными спульями. Садъ и домъ, со всѣми его принадлежностями, соснавлиали обипалище богатой Малайки, вдовы одного изъ пуземныхъ владѣтелей. Это была женщина уже спарая, нѣсколько пучная, но не пошерявшая опъ того ни благородства, ни величія. Одѣтая богатыми передниками, она вышла къ намъ съ полною молодыхъ дѣвушекъ, покрытыхъ бѣлыми шканями и съ волосами заплетенными на верхушкѣ головы. Нѣсколько невольниковъ, въ бѣлыхъ курткахъ и шароварахъ, казалось, ожидали только приказа для начатія услугъ. Едва только съли мы въ галереѣ, среди деревьевъ, цвѣтовъ, журчащихъ и бьющихъ водъ, всѣ невольники и невольницы засуетились объ угощеніи, которое слѣдовало намъ предложить. Оно было принесено шакъ скоро, что походило на волшебство. Сахарныя закуски на Кипайскихъ подносахъ, чай, конфекшны, плоды, эссенція, въ одно мгновеніе обнесли всѣмъ госпямъ, между пѣмъ

какъ царица дома, владѣтельница этого истинно-царскаго увеселительнаго жилища, распоряжала всѣмъ, съ самою вѣжливою заботливостію.

Послѣ угощенія, насъ поподчивали различными увеселеніями. Молодыя дѣвушки явились въ прелестномъ костюмѣ; черные, намащенные ихъ волосы, собранные на головѣ *à la grecque*, поддерживались золотыми булавками; въ легкихъ передникахъ своихъ, упавшихъ до половины ногъ, живыя и проворныя, онѣ подобились воздушнымъ сифидамъ. Молодые невольники, спройные и красивые, смѣшались съ полною дѣвушекъ, и праздникъ начался, сперва пѣніемъ, потомъ плясками. Пѣніе, медленное и однообразное, одушевляла какая-то гармонія, проникавшая въ душу. Пляска женщинъ состояла изъ прелестныхъ оборошовъ, гдѣ выказывались роскошныя и гибкія формы тѣла. Пляска мужчинъ была въ военныхъ паншомимахъ, примѣрныхъ бипвахъ, иногда переходившихъ въ какую-то дикоснь. Мы видѣли потомъ Тиморскій турниръ на лошадяхъ, гдѣ соперники гнались одинъ за другимъ во всю прыпъ, успремивши впередъ коня, оспанавливаясь и увертываясь въ ту минушу, когда ударъ былъ неизбеженъ и ужасенъ. Спраненъ и спрашенъ видъ Тиморскихъ всадниковъ, когда они на прекрасныхъ лошадяхъ, складомъ своимъ напоминающихъ знаменитыхъ лошадей Арабскихъ, въ бѣлой, волнующейся по вѣтру курпкѣ, обвернувши голову плашкомъ, изъ подъ котораго вьются длинныя косицы волосовъ, съ руками, перепутанными въ кольцахъ, съ копьемъ въ одной, съ щипомъ въ другой рукъ, сжимая но-

гами коня, ища соперника, убъгая отъ него, спалкиваясь съ нимъ, взмахивая другъ на друга копьями, мчашся по аренѣ! Послѣ всадниковъ явился Омбайскіе дикари, съ сосѣдняго оепрова, снабжающаго Тиморъ рабами.

Эти люди одѣны были въ костюмахъ своей спороны. Волосы ихъ, взбишые на головахъ пучками, на подобіе Океанійцевъ, украшаются съ верху выпивами папороши, въ видѣ эгрешовъ; грудь и спину защищаютъ двойной щипъ, въ видѣ кираса, между нѣмъ какъ лѣвою рукою держащъ они шретищъ щипъ. Съ переди щипъ оканчивается къ горлу опейникомъ, а у задняго къ верху щипокъ, охраняющій отъ внезапнаго удара; у щипа въ рукахъ вырѣзка, чтобы зрѣнію оставался свободнымъ, когда припомъ лицо сражающагося защищено. Одинъ изъ Омбайцовъ былъ вооруженъ Малайскимъ кияжаломъ, или кри, а другой копьемъ съ зубцами. Быстро устремлялись сражавшіеся другъ на друга, угрожая поразишь одинъ другаго и увертываясь отъ ударовъ. Эти военныя игры вдругъ переходили изъ одиночнаго поединка въ маленькую общую битву, военные маневры. Сдвинувшись въ два ряда, воины изображали людей, тихо идущихъ на открытіе непріятеля. И вдругъ, какъ будто они открыли его, съ воплемъ всѣ устремлялись впередъ, производя смѣшенные и продолжительные клики.

Наступилъ вечеръ, и мѣсно праздника освѣтили огнями. Спо зажженныхъ факеловъ держали невольники, какъ будто неподвижные канделябры, вокругъ сѣньи залы. Музыка усилилась, и состояла уже изъ

50-ши, или 60-ши гумгумовъ и шамшамовъ, далеко разносившихъ свою грозную гармонию. Танцовщицы явились снова, съ коропками передниками, безъ оружія, безъ щиповъ, украсивши головы и ноги листьями лашанъера и цвѣтами малаши. Разнообразно плясали они при громъ оркестра и хоръ присутствующихъ. Родъ балетмейстера успанавливалъ ихъ пляску, по ускоряя, по замедляя мѣру. Эти новыя пляски изображали охоту и разныя гимнастическія упражненія. Движенія были медленны, но шакія кривлянья ихъ сопровождали, что вскорѣ плясуны задохлись и покрылись потомъ. Въ междудѣйствіяхъ молодыя невольницы, одѣшныя въ синихъ и красныхъ передникахъ, подносили намъ на большихъ плапо разныя плоды, сахарную спряню, чай, ликеры, щегольски разспавленные въ корзинкахъ.

Приглашенные на праздникъ, окрестные раджи прибыли довольно поздно, съ своими подругами, между копорыми можно было замѣшны прелесныхъ женщинъ. Всѣ эти раджи были красивые мужчины, съ важнымъ видомъ, одѣшны въ плашья съ разводами и цвѣтами. Каждый сидѣлъ на камышевомъ спуль, имѣя передъ собою маленькій споликъ, на копоромъ спояла коробочка съ бешелемъ и арековыми зернами. Сзади каждого были его подчиненные, свипа, изъ людей опряно одѣшныхъ, съ длинными пиками въ рукахъ, подъ начальствомъ майордома, копорого легко было разпознашь по палкѣ съ серебрянымъ шарикомъ, доказательствомъ власти его повелителя. Наконецъ, по споронамъ у раджей, на сѣдалищахъ гораздо ниже, находились жен-

щины, полузакрышыя, по случаю праздника вышедшія изъ своихъ гаремовъ. Женщины знашнѣе были закрышы гораздо пщачельнѣе проспыхъ невольницъ. Передникъ, сходявшій у нихъ до самыхъ ногъ, былъ прикрышъ еще длиннымъ плащемъ, ниспадавшимъ до половины ногъ и застегнувшимъ на поясъ золотыми булавками. Все это было надушено эссенціями и пахучими маслами. Опъ плащевъ вѣяло бензуюмъ и сандалнымъ деревомъ. Кромъ того, женщины жевали даже *какъудетъ*, придающій дыханію пріятный запахъ. Спрасъ къ благовоніямъ проспирается до того у здѣшнихъ женщинъ, что онѣ успиляютъ поспели свои пахучими цвѣтами, выонъ изъ нихъ вѣнки, ожерелья, запястья. Не только украшеніе составляютъ у Малайцовъ цвѣты, но образуютъ еще особенный нѣмой языкъ. Въ манеръ, какимъ завязанъ цвѣпокъ, или листокъ бепеля, еспъ значеніе, извѣстное въ языкъ любовниковъ.

Мы оставили наконецъ увеселенія, доспойныя Тысячи одной ночи, уже поздней ночью. Когда настало время прощаться съ хозяйкою, придцашъ ея служителей опдѣлились опъ другихъ, взяли новые смолистые факелы, и образуя изъ себя два свѣщаще ряда по дорогъ, провожали насъ такимъ образомъ до Купанга.

Впрочемъ, только эшимъ и ознаменовалось пребываніе наше въ здѣшнемъ заливѣ. Мы не могли, какъ хотѣлось-бы намъ, слѣдовать дорожнику Перона въ извѣренніи области Тимора, и повѣришь справедливосшь его замѣчаній, вообще носящихъ характеръ

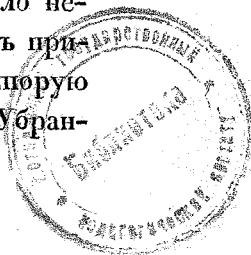
романическій. Вотъ крапкій очеркъ того, что ка-
жется положительнымъ въ его изслѣдованіяхъ:

Въ С. З. части Тимора находится Португальское
заселеніе *Делли*, гавань на югъ о-ва *Кам-
би*, куда проходъ довольно опасенъ. *Манатати* такъ
же Португальское заселеніе, въ 80-ти миляхъ отъ
Делли, и, вѣроятно, то самое, которое Дампьеръ
означалъ подъ именемъ Купанга. Гавань *Сикаколе* еще
заселеніе на этомъ берегу, подверженное опасности
отъ С. вѣтровъ, и съ труднымъ входомъ.

Въ милѣ на В. отъ Купанга, въ окрестностяхъ
его обширнаго залива, находится *Оба*, красивое мѣ-
стечко, за которымъ слѣдуетъ песчаная долина,
весьма обширная, называемая *Passer Panguian*, и
продолжающаяся до устья рѣки *Осана*. За нѣмъ
являются *Калапра*, *Лима*, и наконецъ *Осана-Кит-
киль*, важное заселеніе, противъ котораго проспи-
раются на морѣ два низкіе острова, покрытые
пальмовыми. Дорога идетъ попомъ среди пре-
лестныхъ кокосовъ, увѣнчанныхъ лианами, до *Осапа-
Бесса*, населеннаго 400 жителей, между коими счи-
таются нѣсколько Китайцевъ. Перейдя сію почву,
находите дорогу уже не столь неровную. Тутъ
встрѣчается *Нонсуисъ*, гдѣ разводятся прекраснѣй-
шихъ и самыхъ быстрыхъ дѣшнихъ лошадей. Бро-
дя днемъ на свободѣ, онѣ бѣгутъ вечеромъ въ ко-
нюшню по голосу паспуха своего, и эки коноводы
сущіе цензавры, вѣдающіе безъ узды и сѣдла. Далѣе
находятся: *Меники*, съ 300-ми жителей; ручьи *Та-
русъ* и *Паннебенон* (послѣдній считается свя-
щеннымъ, по причинѣ обитающихъ въ немъ кроко-

диловъ); *Нобаки* и *Панамутти*, маленькія селенія; *Цебелло*, гдѣ начинается обширная долина, идущая до горъ *Амфоа*, сѣверной цѣпи залива Купангскаго; *Бабао*, откуда идутъ болота, кончающіяся только подлѣ городка *Олинама*. Эпопѣ городокъ собраніе проспорныхъ и прелесныхъ хижинъ, сквозныхъ и опѣвненныхъ большими деревьями. Здѣсь видѣлъ я—говоритъ Перонъ—сѣмейства, живущія, подѣ властью нѣсколькихъ спариковъ, совершенно папріархальными нравами. Женщины прядутъ бумагу; мужчины плетутъ корзинки; дѣти, уже взрослые, карабкаются по деревьямъ, между тѣмъ, какъ самыя маленькія, лежа въ бамбуковыхъ люлькахъ, качаются подѣ тѣнью раскинутыхъ громадъ.

Въ Олинама, Перонъ и его товарищи убили крокодила, чучела котораго находились въ Музее Сада Распений (*Jardin-des-Plantes*). Крокодилъ на Тиморѣ, какъ въ Египтѣ, животное священное. Цари Тиморскіе происходятъ отъ крокодиловъ, и всѣ значные люди, болѣе или менѣе, родня крокодилу. Восходя на тронъ, царь приноситъ жертву свою земноводному чудовищу. Въ извѣстномъ мѣстѣ кладутъ припасы, до которыхъ крокодилъ жаденъ, и животное, на извѣстный звукъ, является въ это мѣстѣ. Говорятъ послѣ сего, что крокодилъ повируется призыву царя, и торжественно показываетъ его народу. Все это можно назвать невиною глупостью, но худо то, что этимъ дѣло не кончается. За пожраніемъ припасовъ слѣдуетъ приношеніе въ жертву молодой дѣвушки, которую обрекаютъ на съеденіе рѣзвѣмъ крокодиламъ. Убран-

ную цѣпями и одѣваю въ лучшее платье, по во-
лѣ, или по неволѣ, влекутъ несчастную на *каблѣ*,
мѣсто гибели, гдѣ крокодилы схватываютъ и
уносятъ ее на дно рѣки. Малайцы увѣрены, что
чиспопа нравовъ должна быть необходимымъ усло-
віемъ для жертвы, и говорятъ, будто однажды
крокодилы вынесли изъ рѣки одну молодую дѣвуш-
ку, не причинивши ей вреда, именно за несоблюденіе
означеннаго условія. Пока крокодилы пожираютъ
жертву свою, на берегу приносятъ въ честь ихъ
рыжаго борова.

При такомъ почтеніи къ крокодиламъ, можно
представить себѣ ошвращеніе пуземцовъ опъ емъ-
лыхъ охотниковъ, убившихъ священное чудовище
въ его болотнискѣ царствѣ! Перонъ рассказы-
ваетъ, что по возвращеніи съ охоты, всѣ обитав-
шели Бабао убѣжали опъ него и товарищей его,
какъ опъ людей поганыхъ. «Царь ожидалъ насъ —
говоришь опъ — и едва увидѣлъ издали, по опира-
вилъ къ намъ одного изъ своихъ офицеровъ, чтобы
заставилъ насъ положить подъ деревомъ, далеко
опъ дворца, святопапешвенное бремя, нами несо-
мое. Мы изумились, увидя, что всѣ любопытные,
окружавшіе насъ въ теченіе двухъ прошедшихъ
дней, постыжно бѣжали теперь опъ насъ. Самъ
раджа, хотя принялъ насъ съ своею обыкновенною
ласковостью, но не хотѣлъ приблизиться къ намъ,
пока предварительно мы не будемъ очищены. Объ
этомъ предупредили насъ и указали намъ на душло
дерева, куда должно было намъ засѣсть и вытер-
пѣть надлежащее по обычаю омыванье шѣла. Такая

церемонія вовсе намъ не нравилась, но избѣжать
 ея было невозможно. Всѣ Малайцы, мужчины, жен-
 щины, дѣти, сославились кружокъ около насъ, и не-
 смопрѣ на правила Евронейскихъ приличій, намъ
 надлежало раздѣться до-нага. Въ дуло могъ по-
 мѣспиться только одинъ человекъ, и мы, я и гнѣ
 Лесюёръ, смѣнялись поочередно. Двое невольниковъ
 принесли огромные сосуды съ водою и вымили ихъ
 на насъ; такимъ образомъ, каждому изъ насъ до-
 спалось по 20-ти кувшиновъ. Пока насъ полоскали
 и очищали, одинъ Малаецъ поднялъ на длинную
 бамбуковину наше платье, и съ величайшею осто-
 рожносью, чтобы недопронуться имъ ни къ кому,
 окунулъ его въ ближнемъ фонтанѣ. Убѣдившись,
 что послѣ всего этого мы уже порядочно очисти-
 лись, раджа выдалъ намъ большіе туземные перед-
 ники, въ которые мы одѣлись. Тутъ всѣ подошли
 къ намъ безъ опасенія, шупя надъ новою нашею
 одеждою, и съ удовольствіемъ называя насъ *оранъ*
малайо (Малайскій человекъ).»

Послѣ краткаго пребыванія въ Олинама и Бабао,
 Перонъ и его споварищи возвратились въ Купангъ.
 Тутъ болѣе вѣрныя и многочисленныя свѣдѣнія до-
 полнили, что было въ замѣчаніяхъ его ошибочнаго
 и невѣрнаго.

Тиморъ находится между 8° и 11° широты
 южной и 121° — 124° долготы восточной. Измѣ-
 ряемый по самой срединѣ, онъ являетъ протяженіе
 75 миль въ длину, при 16 — 17 миляхъ ширины.
 Возвышенный *асоръ*, онъ представляетъ немного
 мѣсть для пристанища, ибо море чрезвычайно глу-

боко даже у самых береговъ его. Западная, болѣе извѣстная спорона, имѣетъ пристани въ Купангъ, Лифао и Делли, а южная въ портъ Амакари, откуда Голландцы вывозятъ свой строевой лѣсъ. Въ противоположность другимъ островамъ Суматрской цѣпи, протягивающимся отъ С. З. къ Ю. В., его протяженіе отъ Ю. З. къ С. В. во всю длину. Поверхность острова состоитъ изъ высокихъ, лѣсистыхъ горъ, нерѣзкаемыхъ волнистыми, правильными пѣщинами. Въ южной части горная цѣпь, называемая *Анбоа* и *Фателеу*, кажется, составлена совершенно изъ известняка и мадреноровъ. По бокамъ горъ текутъ золотоносные источники. Почва, почти вездѣ обильная, представляетъ въ разныхъ мѣстахъ мѣловыя, бѣловатыя долины, перемѣшанныя съ пучною глинистою землею (*terre glaise*), подобно *Каррусамъ* на мысѣ Доброй Надежды.

Сообразно всѣмъ междутропическимъ землямъ, на Тиморѣ два годовыхъ времени, измѣняющихся сдѣлая муссонамъ — время сухое, отъ Мая до Ноября, и время дождливое, отъ Ноября до Мая. Отъ времени до времени даютъ себя чувствовать землетрясенія, непринимая впрочемъ опасности жилищамъ. Какъ объ явленіи природы, довольно странно, рассказываютъ о высокой горѣ въ области Аманубангской, при подошвѣ которой находится отвѣръ, 10 — 12 футовъ окружностью, откуда вылетаетъ столь сильный вѣтеръ, что къ нему подходить небезопасно. При постоянной перемѣнѣ сухости на влажность и обратно, климатъ, мо-

жесть бысть, здоровый во внутреннихъ областяхъ, нездоровъ по берегамъ. Поносы свирѣпствуютъ здѣсь съ убійственнымъ упорствомъ, даже между туземцами, и жестокошь ихъ шакова, что при дальѣйшемъ усиленіи болѣзни, она почти вовсе неисцѣлима.

Природныя богатства Тимора многочисленны и разнообразны. Въ царствѣ ископаемомъ должно упомянуть о золотыхъ и мѣдныхъ рудникахъ, чрезвычайно богатыхъ, находящихся подлѣ Делли, Аде и Маншото. Но, вѣроятно, что туземцы не знаютъ разработки для сего земель, и слѣдственно, все получаемое здѣсь количество золота и мѣди происходитъ отъ промывки мелаллоносныхъ рѣчныхъ песковъ. Тиморская мѣдь, смѣшанная съ золотомъ, даетъ родъ сплавы (зола), столько-же превосходной, какъ и составъ Японской мѣди.

Между распительными произведеніями первымъ должно поставить сандальное дерево, главный предметъ вывоза отсюда. За нѣмъ слѣдуютъ: бамбукъ, котораго такое обиліе, что онъ образуетъ непроходимые лѣса; лапаньеръ, листья котораго служатъ для выдѣлки парусовъ туземнымъ про, или лодкамъ; бананъ, съ его сладкимъ, мясистымъ плодомъ; кокосъ, самое всеобщее произведеніе между тропиками; Китайскій померанецъ; мангьеръ, съ его плодами перпенпиннаго вкуса; пальмуссъ, папайеръ, гранаты, анны, жакьеры, карамболи, жамбозы, билимбины, евгени, замѣчательныя красотой листьевъ; саговое дерево, дашы, арекъ, шамариндъ, шекоевое дерево, розы, акаціи, мимозы, фиго, и нако-

нецъ — казуарина и хлѣбное дерево, напоминающія еще природу Океанійскую. Все это произрастаніе принадлежитъ уже центральной Малезіи, богатое, обильное, плодотворное, не исключая ничего, принадлежащаго здѣшней сторонѣ. Исчисленіе земледѣльческихъ произведеній также можетъ быть весьма обширно. Сарачинское пшено, маисъ, напашы, хлопчатая бумага, табакъ, сахарныя просши, кофейное дерево, какао покрываютъ поля. Индигу обыкновенно на Тиморѣ, но способы приготовленія его весьма несовершенны. Возращаютъ здѣсь также *жираумены*, иньямы, ананасы, арбузы, мусковую дыню. Расшенія огородныя, медицинскія, ядовитыя — безчисленны.

Неменьше богато живошное царство. Нигдѣ нѣтъ такой бездны обезьянъ. Тиморцы ѣдятъ за ними на охоту, бьютъ ихъ и ѣдятъ ихъ мясо, будучи до него большіе охотники. Воспочный *филандръ*, также здѣсь весьма обыкновенный, ведетъ дѣятельную войну съ пшицами. Его ѣдятъ туземцы, хоня и неравняютъ мяса его съ обезьяньимъ. Въ лѣсахъ обитаютъ буйволы и бабируссы, кангуру, лешучія мыши — ужасной величины, страшная язва огородовъ; олени, козы, между которыми есть *мембриновая*, дающая превосходное молоко; овцы, безъ сомнѣнія, перевезенныя изъ Индіи, и покрытыя не шерстью, но волосами. Волы довольно рѣдки; лошадей множество, небольшихъ, проворныхъ и складныхъ. Во внутреннихъ лѣсахъ находятся дикія кошки — гибель пшицамъ, которыхъ здѣсь тысячи родовъ — морскіе орлы, ястребы, дятлы, дикія ушки, бѣлые

какаду, лори, красивые, покрытые блестящими перьями попугаи. Кроме крокодила, столь уважаемого здесь, находится еще множество опасных пресмыкающихся — змей, укушение которых ядовито, скорпионов, тысячножек, и немнѣе опасныхъ, что они подкрадываются незамѣтно. Черепахъ обиліе около береговъ — огромныхъ (*franche*) ловящихъ для мяса, которое Малайцы почитаютъ весьма здоровымъ; другихъ добываютъ для ихъ черепа. Изъ насекомыхъ надобно упомянуть о бѣлыхъ мушкахъ и саранчѣ, прилетающей тучами съ юга и все опустошающей на пути своемъ; бабочкахъ, прелестнѣйшихъ цвѣтѣвъ; дикихъ пчелахъ, которые кладутъ медъ свой въ большихъ деревьяхъ и доставляютъ превосходный воскъ, одинъ изъ обильнѣйшихъ предметовъ вывоза. Въ рѣкахъ и морѣ ловятъ вкусную рыбу, немного жемчугу, посредственной доброты, устрицъ, и раковины, оплѣнно красивыя. Раковыхъ породъ и черепакожныхъ находится здѣсь также весьма обильно, но всего болѣе возбуждаютъ любопытство на здѣшнемъ мадрепоровомъ берегу количество и разнообразіе живыхъ зоофицѣвъ (животнораспленій) — мириады, переходящія постепенно до окаменѣлостей. Въ ущелья подводныя, какъ будто раскрашены нѣжными, чистыми красками ихъ, и между всѣми отличается *tubipora musica*, съ ея бахромистыми, зелеными кистями, образуя подъ волнами эти огромныя, полукруглыя массы, которые кажутся лугами зелеными, расщепленными на коралловыхъ основаніяхъ.

Четыре племени живутъ на Тиморѣ: собственно-Тиморцы, опродѣ Папу, или Гарфуровъ; Малайцы, занимающіе побережья, и по всемъ вѣроятіямъ, давнѣе оспрову имя, подѣ конорымъ онъ извѣстенъ (*Тиморъ*, по Малайски *Востокъ*); Кипайцы, утвердившіеся при всѣхъ Европейскихъ заселеніяхъ — населяющіе жиры Индійскихъ морей, и наконецъ Европейцы — Португальцы и Голландцы.

Эти два народа сполкнулись на Тиморѣ въ началѣ XVII-го столѣтія, такъ-же, какъ сошлись они другъ съ другомъ на всѣхъ Молукскихъ оспровахъ. Бывши безспорными властителями до 1613 года, въ этотъ годъ Португальцы были изгнаны изъ Купанга Голландскою эскадрою. Но завоеваніе Купанга не было однакожъ полнымъ очищеніемъ земли Тиморской отъ Португальцовъ. Прогнанные отсюда, они основали заведеніе въ Делли, устроивши сверхъ того заселеніе въ Бану-Годи и Манашути. Съ сей, споль уже опдаленной эпохи, мореплаваніе Португальцовъ день ото дня клонилось къ упадку и никакое новое переселеніе неподновило съ тѣхъ поръ здѣшняго опдаленнаго участка, такъ, что изъ Тиморской колоніи явился родъ меписовъ, нынѣ болѣе Малайскій, нежели Португальскій. Въ Делли, за исключеніемъ губернатора и двухъ, либо трехъ чиновниковъ, всѣ жили смѣшанныхъ поколѣній. Между Голландцами, болѣе оживляемыми посредствомъ частыхъ экспедицій изъ населяющаго опчечисва, образовалось также меписское племя, но оно болѣе пѣломъ и красивѣе лицомъ меписовъ Португальскихъ. Вообще теперь меписское народо-

населеніе власнвуесть оспровомъ. Когда въ 1801 году, Англичане опняли Тиморъ у Голландцовъ, здѣшніе мейсы перерѣзали Англіійскій гарнизонъ. Снова завладѣвши здѣшнею колоніею въ 1811 году, Англичане удерживали ее до 1814 года, когда, въ исполненіе заключенныхъ шрапшаповъ, надлежало опять уступить прежнимъ владѣльцамъ.

Тиморцы складны и сильны, цвѣща чернаго и мѣднаго, съ курчавыми волосами, копорые красящъ въ рыжій и чернѣй цвѣщъ. У всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, носъ приплюснутый, опъ спраннаго обычая придавливать его при самомъ рожденіи. Обычай эшопъ, соблюдаемый между многими Океанійскими народами, не соспавляетъ еще всего сходства, копорое замѣчаютъ между Тиморомъ и споль близкою къ нему Авспраліею. Привѣщспвіе прикосновеніемъ носа, шапуажъ насѣчкою, шрепіе шѣла (massage), какъ средство цѣлительное, обмѣнъ имени съ чужеземцомъ, копорого принимаютъ какъ друга, всѣ сіи обычаи, замѣченные и описанные нами на оспровахъ Полинезійскихъ, находящся на Тиморѣ, съ нѣкопорыми измѣненіями, но шакъ однакъ, чшо ихъ легко распознашь. Тиморцы одѣваются двумя шпуками бѣлой шкани, оппороченной краснымъ, 4-ре и 5-шѣ фушовъ длиною каждая, при 2-хъ фушахъ ширины; у богатыхъ края вышиваются, и иногда, какъ доказательство величайшей роскоши, къ эшопу присовокупляютъ разные лоскушья цвѣшные и два плашка, обвернутые около головы. Въ военное время убираются пучками перьевъ, опъ самыхъ красивыхъ пшницъ пуземныхъ.

Величайшимъ украшеніемъ счишаютъ золотыя и серебряныя бляхи, и браслеты изъ раковинъ, похожихъ цвѣтомъ на слоновую кость. При торжествахъ, цари и знатные украшаютъ головы золотую повязкою, въ видѣ полумѣсяца. Непосредственные вассалы Голландцовъ носятъ большіе сюртуки на манеръ Европейскій. Жены знатныхъ, рѣдко являясь въ публику, замѣтны золотыми и серебряными запястьями, коралловыми ожерельями, мѣдными обручами, копорые надѣваютъ на руки и на ноги. Почти все шѣло у нихъ бываетъ испещрено, или испашуировано маленькими черными точками, образующими узоры цвѣтовъ. Это производился иглою, острее копорой обмакиваютъ въ индиго. Находясь дома, женщины закупаются въ широкій кусокъ бумажной шкани, обвертывая его вокругъ пояса; грудь оспается опкрышою, и ее закрываютъ только выходя изъ дома. У простолюдиновъ волосы обвязываются плашкомъ, а на шѣло надѣвается передникъ, шакъ, чпо верхняя половина его оспается голою. Если на дворѣ дождь, другимъ лоскутомъ шкани прикрываютъ плечи.

Многоженство на Тиморѣ дозволено. Дочери составляютъ богатство опцовъ, пошому, чпо ихъ продаютъ, какъ въ Мугамешанскихъ земляхъ, за золото, или условленную цѣну скопомъ. Если зяпъ невыполнилъ положенной плапы, опецъ имѣетъ право взять свою дочь обратно, и даже съ дѣтьми, опъ брака происшедшими. Впрочемъ, супружества заключаются безъ дальнѣйшихъ обрядовъ: получивъ требованіе жениха и условась въ калымъ, убиваютъ

живошное, чтобы разсмотрѣть его внутренности, и если онъ оказывающся благопріятны, супружески-во заключаеся. При мужьяхъ, жены имѣютъ не-много случаевъ на шалости, но молодыя и свобод-ныя дѣвушки оспаютъ сами себя госпожами, и на проказы ихъ необращаютъ вниманія.

Хронологию Тиморцовъ составляютъ имена раз-личныхъ правителей, властвовавшихъ надъ ихъ зе-млею. Для обозначенія времени года, употребляютъ названія различныхъ жнивъ и сборокъ, копорымъ каждое изъ нихъ сопровождается: насажденіе са-рачинскаго пшена и маиса, поспѣваніе плодовъ, цвѣ-шеніе памаринда. Иногда также, чтобы означить прошедшее время, считаютъ съ совершеннаго воз-раста. Если кто нибудь долженъ Тиморцу, креди-торъ нанизываетъ на нитку сколько зеренъ маиса, сколь великъ долгъ. Трезвые и шербливые, во время самыхъ продолжительныхъ путешествій, Ти-морцы питаются только измолотымъ и поджаре-нымъ маисомъ. Нѣсколько зеренъ эшого мучнистаго вещества достаточны бываютъ для ихъ обѣда. За-то спіраннику предлагающъ гостепріимство ихъ все, что только есть лучшаго — пенное буйволовое мо-локо въ огромномъ бамбуковомъ цилиндрѣ, и цѣлаго барана, изжареннаго съ сарачинскимъ пшеномъ. — Обыкновенную пищу прибрежныхъ Малайцовъ со-ставляютъ живность, рыба, свинина, поджаренная на кокосовомъ маслѣ, и все эшо приправлено перцомъ и пряноспями.

Форма правленія на Тиморѣ довольно неумовима для понятій. То, что почитается здѣсь Царями, или

Королями, по названію Европейцовъ, суть Раджи, власть которыхъ довольно ограничена. Все они именуютъ себя близкими родственниками крокодила, священнаго ихъ животнаго. Изъ числа этихъ раджеевъ, зависящіе отъ правительствъ Европейскихъ, подчинены формамъ, установленнымъ Голландцами. Если они дерзаютъ неслушаться, Резидентъ велитъ брать ихъ подъ стражу и отсылаетъ пленниками въ Батavia. Ежегодная подать, взимаемая шоржесвенно, служитъ публичнымъ знакомъ вассальства. Исполнивъ такую обязанность, раджи могутъ собирать подати собственно для себя, забирая ее отъ подчиненныхъ изъ сборки сарачинскаго пшена, маиса, воску и сандалнаго дерева. Не смотря на все это, раджи Малайскіе кажутся болѣе поварищами, нежели повелителями своихъ подвластныхъ. Въ образованіи здѣшней общественности есть что-то республиканское. Кромѣ немногихъ малоцѣнныхъ украшеній, только платье изъ пестраго индіана, и домъ лучше построенный, могутъ похвастаться опличіями владѣтелей отъ просполодиновъ. Раджи внутреннихъ областей суть болѣе другихъ самовластны. Они могутъ требовать къ себѣ подданныхъ своихъ, каждый разъ, когда случай къ тому представляется. Въ исправленіи правосудія имъ нѣтъ надобности въ согласіи Резидента, и они по своей волѣ наказываютъ виновныхъ, отдачею въ неволю, пенями, иногда смертию, что впрочемъ довольно рѣдко. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, раджа не можетъ произнести приговора безъ согласенія съ знатными сановниками.

За неимѣніемъ наслѣдниковъ мужескаго пола, женщины въ нѣкоторыхъ обласпяхъ могутъ наслѣдовать престолъ. Большая часть вельможъ суть пошомки царскихъ поколѣній. Обыкновенно, сынъ наслѣдуетъ отцу, но рѣдко перемѣна власпителя обходится безъ смятеній. Каждый царь собираетъ особенное государственное сокровище, состоящее въ серебрѣ и драгоценныхъ камняхъ, что въ дни большихъ праздниковъ выставляють на поклоненіе народу. Малайцы вѣрятъ, что малѣйшая пошеря изъ этихъ сокровищъ послѣдуется величайшею бѣдою для цѣлой страны. Поэтому сокровища незапираются; ихъ выставляютъ въ большихъ открытыхъ шкапахъ, въ жилищахъ царя. — Похороны власпителей небываютъ, какъ просиолюдинскія, просіны и крапки. При первомъ извѣстіи о смерти царя, всѣ подданные бьютъ себя головы. Жены и любимцы царя показываютъ всяческіе признаки печали—ломаютъ себя руки, рвутъ волосы, бьютъ себя въ грудь. Между тѣмъ приносятъ общесвенныя жертвы, рѣжутъ буйголовъ и свиней. Потомъ кладутъ убранный шѣло покойника на столъ среди его жилища, одѣвая его въ лучшія плаща, покрывая золотыми бляхами, цѣпами и ожерельями, и оставляя такимъ образомъ на два дни, проводимые въ раздирающихъ душу сыпованіяхъ. Въ это время вырубаютъ въ ближнемъ лѣсу большую колоду, въ которой можно-бы было выдолбить мѣсто, достаточное для помѣщенія трупа, со всеми его украшеніями. Когда положатъ трупъ со всѣмъ этимъ въ колоду, отверстие заливается гуммою, и это

новый родъ муміи несутъ въ ближній домъ, гдѣ должна она оспаваться, пока соберутъ сумму, необходимую для совершенія похоронъ, весьма значительную, такъ, что нерѣдко покойникъ долженъ оспаваться три, четыре года, даже пять лѣтъ непогребеннымъ въ своей колодѣ. Но едва соберется требуемая сумма, отправляется похоронная церемонія. Ближніе цари присылаютъ женъ своихъ плакать и сидѣть у гроба, вмѣстѣ съ женами умершаго собрата. Церемонію начинаютъ споромъ между хранительницами гроба, и носильщиками, копорые хопятъ нести мершвеца. Но послѣ сопровивленія, весьма крапкого, женщины уступаютъ, и гробъ опускается въ могилу, иногда споймя, если склепъ сдѣланъ въ видѣ колодца, лицомъ, или головою, всегда къ востоку. Подлѣ оспавляютъ сарачинское пшено и пинанги, убиваютъ буйволовъ, лошадей, собакъ. Обрядъ кончится подарками присутствующимъ; народу раздаютъ сарачинское пшено, а начальникамъ золотыя бляхи. Чиновники Голландскіе рѣдко пропускаютъ случай бытъ на царскихъ похоронахъ.

Предпринимая какую-либо войну, Тиморцы приносятъ въ жертву животныхъ и разсмаприваютъ послѣ того ихъ внутренность. За симъ выступаютъ въ полѣ, производя ужасный крикъ и шрубя въ буйволовые рога. Передовой отрядъ соспавляется изъ воиновъ, одѣтыхъ въ козлиныя кожи съ длинною черною шерстью, и называемыхъ *орангъ-браани*; ихъ легко различить по гремушкамъ, копорыхъ пѣтъ болѣе бываетъ на нихъ, чѣмъ болѣе убили они непріятелей. Война начинается грабе-

жемъ, опустошеніемъ и убійствомъ. Головы убитыхъ непріятелей складываются въ кучу; побѣдители пляшутъ и поютъ окресить ихъ, спрашивая между тѣмъ по временамъ у своихъ убитыхъ враговъ, что побуждало ихъ на непріязнь. Нѣкопоры наблюдатели увѣряютъ, будто на пирахъ, даваемыхъ въ случаѣ побѣды послѣ битвъ, яросць доводитъ иногда даже до челоукоядства. Послѣ безумнаго веселья, приносятъ буйволовъ и свиней въ честь убитыхъ враговъ, высушиваютъ непріятельскіе черепа и украшаютъ ими общественный домъ, обширное, покрытое зданіе, находящееся подлѣ хижины царской, и на случай войны обнесенное стѣной изъ кольевъ и терновника, защищающей его отъ всякаго непріятельскаго нападенія.

Мелписы, образующіе смѣшенную породу на Тиморѣ, составляютъ самое богатое и образованное отдѣленіе жителей острова. Они робки при первомъ знакомствѣ, но между тѣмъ кропки, добры, гостепріимны, равнаго характера и любящаго сердца люди. Происходя отъ смѣшенія Европейцовъ съ туземцами, они разнятся въ цвѣтъ кожи, смотря по степени смѣси. Рано предаваемые заботамъ Малайскихъ невольниковъ, рѣдко бываютъ они хорошо образованы. Воспитаніе большей части ихъ ограничивается чтеніемъ, письмомъ, умѣньемъ считать свои деньги. Жилища богатыхъ креоловъ просты, но удобны, съ замѣною роскоши опрятствомъ; они окружены деревьями, дѣлясь на множество комнатъ, и иногда освѣжаются текущею водою. Тутъ хозяинъ дома проводитъ большую часть дня, сидя на

своей рогожкѣ, куря пабакъ, пережевывая бешель. Жена и дѣти сидятъ вокругъ него, и занимаются плетеньемъ бездѣлокъ изъ соломы сарачинскаго пше-на, или лапаньеровыхъ лиспьевъ.

Ремесленныя упражненія Тиморцовъ состоятъ почти единственно въ постройкѣ лодокъ и судовъ. Они сооружаютъ *шампаны*, или *сампаны*, могущіе поднимать до 100 тоннъ груза, но между тѣмъ ничтожные по постройкѣ, и иногда опрокидывающіеся, когда идутъ подъ парусами. Якори дѣлаются деревянные, буи бамбуковые, канаты рапиновые, либо изъ гривы, а снасти также изъ гривы, или кокосовыхъ волокъ. Меньшихъ размѣровъ шлюпки, или *про*, бываютъ гораздо прочнѣе большихъ. Ихъ дѣлаютъ съ палубою и онкрышныя. Къ бамбуковой мачтѣ привѣшиваютъ парусъ, фигуры трапезонда, сдѣланный изъ лиспьевъ лапаньера. Длинные бамбуковыя весла оканчиваются деревяннымъ кружкомъ, около фута въ діаметрѣ, и служатъ средствомъ для плаванія въ безвѣтріе, или въ сильную погоду. Малыя лодки бываютъ различныхъ родовъ, съ перевѣсомъ, сдѣланныя изъ пня древеснаго, пропитаннаго маспикою изъ извѣстки съ мохомъ, непроницаемою для воды, а также и безъ перевѣса. Первыя походятъ на лодки многихъ Полинезійскихъ народовъ. Быспроша малыя лодки такова, чпо Евронейцы прозвали ихъ *летучими*.

Для всѣхъ такихъ построекъ, Тиморцы употребляютъ попоры и ножи Европейской работы. Они имѣютъ также сабли, копыя и порохъ, плаваютъ золото, для выдѣлки большихъ колецъ женамъ своимъ,

и кромѣ того выдѣлываютъ еще грубыя шкани для одежды, плетутъ рогожки, дѣлаютъ глиняныя горшки, и еще особеннаго рода подушки изъ хлопчатой бумаги, или вапы.

Вокругъ Тимора, на разстояніи нѣсколькихъ миль, находясья многіе оспрова и оспровки, копорые можно считатъ принадлежащими къ этому огромному оспрову. Самый большой изъ нихъ *Симао*, а послѣ него *Роттис*.

Первый опдѣляется опѣ Тимора проливомъ, и величиною 17-ть миль въ длину и 6-ть въ ширину. Менѣе Тимора возвышенный, онъ лѣсиспѣ и мало обилеиъ; кромѣ манса на немъ почти ничего невоздѣлываютъ. Обишашели повинуются Кулангскому раджѣ, копорый прежде и живалъ здѣсь. Говорятъ, что на Симао еспѣ источникъ воды желѣзиспѣй и купоросной, имѣющей всѣ свойсшва мыла, такъ, что она опбѣливаетъ полошна въ нее омоченныя. Берега этого источника чернаго цвѣша и издають прошивиый запахъ. Неподалеку распелъ дерево, спѣль огромное, что тысяча челоуѣкъ могутъ подѣ нимъ помѣстшисѣя. Близъ Пуло-Симао еспѣ въ землѣ пустошы, гдѣ въ небольшой глубинѣ находятъ сѣрниспѣе слои земли. Посрединѣ пролива, между Симао и Тиморомъ, находятсѣя небольшой волканическій оспровокъ, именуемый *Пуло-Камбингъ* (оспровъ Оленій), миля въ окружности, подобный срѣзанному конусу; правильно возвышающемуся на 24 фуша. Сѣрниспѣя и грязныя воды выходятъ изъ этой горы. Одно изъ распелій, въ изобилии распущее шутъ по бере-

гамъ, имѣетъ нѣкоторыя особенныя врачевныя свойства.

На Ю. З. отъ Куанга находится *Ротте*, простирающийся на 9-ть миль въ длину и $2\frac{1}{2}$ въ ширину. Тутъ насчитываютъ до 15-ти маленькихъ владѣній, изъ коихъ одно, *Терманское*, гдѣ прежде жилъ чиновникъ Голландскій, самое значительное. Туземцы Роттійскіе гораздо красивѣе Тиморцовъ. Женщины тамошнія, Черкашенки Малайскія, посылаются даже въ Батавію, для продажи въ разныя гаремы. Гораздо безнравственнѣе Тиморцовъ, обитающіе Роттійскіе храбрѣе и предприимчивѣе ихъ. Въ разныя времена, они сильно пропитались властью Голландцевъ. Пальмовый сиропъ есть обыкновенное питье ихъ, а иногда и ѣство, когда нѣтъ ничего другаго. Изъ него дѣлаютъ они родъ арака, извѣснаго подъ именемъ *ларо*, и кажется, напитокъ этотъ имѣетъ сильныя афродизіасмическія свойства. Поэтому любовныя шашни составляютъ большое занятіе оспровитянь. Къ мясу буйволовъ и свиней присоединяютъ они, вмѣсто питья, кровь этихъ животныхъ. Къ З. отъ Роттійскіе находится островъ *Дао*, жители коего отличаются своею промышленностью; они серебряники и ювелиры своихъ сосѣдей.

Вообще Тиморъ и окрестные около него острова составляютъ часть архипелага, называемаго новѣйшими географами *Сумбава-Тиморскимъ*, и кромѣ упомянутыхъ мною острововъ сюда причисляются:

Островъ *Сумбава*, 180 миль въ длину и 140 въ ширину, раздѣляемый на двѣ части глубокимъ за-

ливомъ, который прорѣзывается средину его. При вхождѣ въ сей заливъ находится маленькій оспровокъ *Пуло-Маю*, 20 миль въ длину и 10, или 11 миль въ ширину, продолжаемый на восточной его оконечности оспровомъ *Ситуда*, а къ западной сторонѣ оспровомъ *Низкимъ* (Plate). Сумбава дѣлилась на разныя владѣнія, коихъ имена: Бима, Домпо, Томборо, Сангаръ, Пекапъ, Сумбава; всѣ они, кромѣ послѣдняго, подчинены Индо-Голландской Компаніи. Округъ Бима, къ восточной сторонѣ оспрова, самый сильный изъ всѣхъ. Немного властвуетъ онъ надъ другими, но и удерживаетъ сверхъ того власть надъ оспровомъ Мангараи и западную часть оспрова Флореса. Столицу его составляетъ *Бима*, небольшой городокъ съ прекрасною гаванью, мѣстопробываніе Сумиана, признающаго власть Голландцовъ. Въ округъ Томборо находится огнедышащая гора, извѣстная также подъ именемъ Сумбавской, и приобрѣтшая сирашнюю извѣстность, особливо послѣ изверженія 1815 года, при которомъ погибла пятая часть всего населенія Томборскаго. При ужасномъ этомъ изверженіи, пепелъ летѣлъ въ величайшемъ количествѣ до Ю. В. части Ява, на разстояніи 100 льё отъ крапера, и подземный гулъ слышенъ былъ на Сумаатра, отстоящемъ на 235 льё. Сильные взрывы изверженія уподоблялись залпамъ многочисленной артиллеріи. Имъ предшествовали столбы огня изъ верхняго отверстія горы, и обширные пошoki лавы, стремившіеся по ея бокамъ. Возпавшій попомъ неистовый вѣтеръ вырывалъ съ корнемъ толстые деревья, ломалъ

ихъ, носилъ по воздуху; люди, живописныя, хижинны, схваченные съ земли, лепзали во всѣхъ направленіяхъ; море, выступившее на берега, запопило поля и изковеркало селенія. Послѣ всѣхъ шапхъ первоначальныхъ ужасовъ, мрачная ночь покрыва оспровъ и длилась цѣлыя сутки. Казалось, небо и воздухъ превратились въ дымъ и пепель, и каменья сыпались въ эптой пмъ съ непрерывною силою. Тма, распространившаяся по небу, проспиралась до оспрова Целебеса. Опусхошенія на Сумбава были неописанны. Жилище Резиденца въ Бима завалило каменьями. Сандгиръ засыпало пепломъ, какъ Геркуланъ. Томборо и Пеканъ были поглощены съ людьми и снроеніями. Только 26-ть человекъ спаслись въ Сумбава. Все произрастаніе исчезло подъ лавою и каменьями. Едва одинъ холмъ близъ Томборо уцѣлѣлъ съ бывшими на немъ деревьями, какъ будно для показанія, какимъ благословеннымъ плодородіемъ обилывалъ оспровъ, прежде несчастнаго событія. Когда ужасы изверженія миновались, наступилъ ужасный голодъ. Дочь раджи умерла голодною смерпью, и даже самъ эптоу власнипель погибъ-бы опъ совершеннаго недоспашка, если бы Голландцы не поспышили прислапъ нѣсколько койанговъ сарачинскаго пшена. Съ трудомъ возникнувшій послѣ своей гибели, Сумбава и теперь являепъ пуспыню съ печальными развалинами.

Оспровъ Ломбокъ, независимый опъ Голландцевъ, должно также причислять скорѣе къ купъ Сумбава-Тиморской, нежели къ архипелагу Явскому.

Это прекрасная земля, высокія горы которой оспа-
ются всегда украшенными вѣчною зеленью; глав-
ная вершина ихъ будетъ около 8-ми Англійскихъ
миль возвышенія. Населеніе Ломбока, многочислен-
ное и воинское, до сихъ поръ недопускало между
ними Европейской колонизаціи. Туземцы, власниче-
ли земли, обрабатываютъ ее способами, показы-
вающими значительное образованіе; подобно Индій-
цамъ, они орошаютъ свои поля посредствомъ боль-
шихъ прудовъ и запрудокъ воды. Другія сходства,
какъ-то: обрядъ *суппи*, или сожженія вдовъ, ка-
жется, свидѣтельствуютъ сродство здѣшнихъ
островитянъ съ жителями Карната. Два глав-
ные города на Ломбока суть: *Аппирамъ* и *Бали*.

Островъ *Флоресъ* должно также отнести къ
купъ Сумбава-Тиморской. Онъ простирается на 200
миль въ длину и 40, или 50-тъ въ ширину. Внуш-
ренность его мало извѣстна. Западная сторона
зависитъ отъ Султана Бимскаго; остальной, ка-
жется, раздѣленъ на множество независимыхъ вла-
дѣній. Приближаясь къ Флоресу проливомъ сего
имени, который образуютъ съ одной стороны бе-
рега Флореса, а съ другой берега Солора, или Ади-
нара, видите высокій вулканъ *Ловотиво*, какъ буд-
то огненный маякъ здѣшней земли. Далѣе, къ сѣ-
веру отъ него, лежитъ селеніе *Ларентука*, оби-
таемое почти все христіанами, и болѣе всѣхъ дру-
гихъ частей острова извѣстное мѣсто. Повинуясь
своему раджъ, Ларентука представляетъ легкія
средства сообщенія для мореходцовъ и пособія имъ
всякаго рода. Хлѣбъ, буйволы, свиньи, козы, жив-

носпѣ обмѣниваются здѣсь на кремни и пули, но-
рохъ, спеклянную посуду и ножевой поваръ. Преж-
де вываживали опсюда сандалное дерево. На юж-
ной споротѣ Флореса находилъ заселеніе Бугіевъ,
куда немогли никогда достигнуть Голландцы.

Солоръ, близкій къ Флоресу, простирается на
40 миль въ длину. На немъ извѣстенъ почти одинъ
только округъ Лавайяскій, въ которомъ у Гол-
ландцевъ находилъ крепость Фридериха-Гейнриха.
Бамбукъ составляетъ одно изъ богатствъ оспрова
Солора. Близъ береговъ ловятся Noord-Kaper, родъ
киша, жиръ котораго служилъ вмѣсто масла, а въ
легкихъ находятъ амбру. Прибрежные жители по-
чти всѣ Мугаммедане, ловкіе торгаша и хорошіе
мореходы. Они вывозятъ пшичьи гнѣзда, рыбій
жиръ, амбру и другія произведенія, мѣняя ихъ на
слоновью кость, шелковыя ткани и желѣзо. На
оспровѣ находилъ нѣсколько Арруйскихъ кангару.

Между Флоресомъ и Тиморомъ протекаетъ нѣ-
сколько оспрововъ, какъ будто продолжающихъ
цѣль архипелага Малезскаго отъ Тимора къ Су-
маатра. Тутъ находятся: *Сабрао*, управляемый сул-
таномъ, живущимъ въ Адинара; *Ломблемъ*, подчи-
ненный независимымъ раджамъ; *Пантеръ* и *Омбан*,
обитаемые племенами воинственными, свирѣпыми, и
даже людоедами.

На югъ отъ Флореса оспровъ *Сумба*, иначе име-
нуемый *Сандалнымъ лѣсомъ* (Sandelbosch, Sandal-
wood), вѣроятно, съ Малайскаго названія *Чиндана*,
тоже самое означающаго. Южные берега его, уше-
систыя, коралловые асоры, кажутся, необитаемы.

Сѣверныя части представляютъ безплодную степь. На З. споронѣ находящіяся ловли припанговъ, споль знаменитыя, пока въ заливѣ Карпеншарійскомъ не-ошылалось голошурій большее изобиліе. Самый сан-далъ, по которому дано названіе острову, хуже Тиморскаго, и нынѣ уже незабоянся вывозить его опсюда. За шо хлопчатая бумага составляешъ важный предметъ шорговли. Находящяся здѣсь лошади, свиньи, буйволы, фазаны, и еще замѣчательная пшница, съ длиннымъ носомъ, называемая Голландцами Jaarvoogel (годовая пшница), пошому, что годы ея легко сосчиташъ по числу шишекъ, каждый годъ вырастающихъ на ея носу. Туземцы печальнаго, грушнаго характера, великорослы, но нескладны. Оружіе ихъ составляющъ пики, щипы и сабли, кошорыми они ловко дѣйствуютъ.

Небольшіе острова *Саву* извѣсны лучше Сумба. Ихъ считающъ при: *Саву*, *Беньюаръ*, *Новый Саву*, и лежащъ они льѣ въ 20-ши опъ Ропшіе, на З. С. З. — Новый Саву островокъ, почишаемый безлюднымъ, но впрочемъ прелесный и замѣтный по высокой горѣ своей. Далѣе къ В. находящяся Беньюаръ, высокій, лѣсистый, пять льѣ въ поперечникъ. Наконецъ слѣдуешъ Саву, самый главный въ купѣ, покрытый хижинами и лѣсами кокосовъ, нисходящими даже до самаго моря. Лучшая гавань здѣшняя именуешъ *Тимо*, и находящяся на берегу Ю. В. — Кукъ ошпанавливался здѣсь въ гавани Себа, на берегу С. З.

Прежде покорный Поршугальцамъ, Саву составляешъ теперь Голландское владѣніе. Считающъ

здѣсь пять областей: *Ласт*, *Себа*, *Редгіа*, *Тимо*, *Массара*, и всѣ онѣ совокупно могутъ выставить оны 5-ти до 7000 войска. Произрастаніе Саву и произведенія различныхъ царствъ природы на немъ почти одинакія съ Тиморскими. Жители, смѣсь Малайцовъ и Океанійцовъ, управляются раджами, которые съ незапамятныхъ временъ живутъ въ мирѣ и тишинѣ. Какъ на Тиморѣ, и почти на всѣхъ островахъ Малайскихъ, рабство на Саву въ величайшей силѣ. Религія здѣшняя многобожіе, весьма непонятное. Пищу составляютъ свинина, буйволловина, живность, рыба, папашы, иньямы и овощи. *Тодди*, перебродившій пальмовый сокъ, любимое питье. Сыропъ, называемый *гула*, походитъ на сахарный. Употребленіе *бетеля* и обычай *татуаж* показываютъ наклонность обитателей, подобно другимъ соседямъ, заимствовать обычаи изъ ближней Азии и соседней Океаніи. Впрочемъ, одежда, нравы, выщипыванье волосовъ, украшенія изъ золота и драгоценныхъ камней, языкъ, общественные и религіозные обряды совершенно сходствуютъ со всемъ этимъ на Малайскихъ кулахъ острововъ, которые мы уже описали и будемъ описывать далѣе.

ГЛАВА LXXXVII.

МАЛЕЗИЯ. — БОРНЕО.

Послѣ двухъ-дневной ошановки въ Купангѣ, Сива оправи́лась снова 18-го Септября, пошла прямо на С., перерѣзала проливъ между островами Омбамъ и Солоромъ и перешла къ южной части острова Маду. Попомъ, огибая западный берегъ купы Салайерской, 23-го миновала она южный мысъ Целебеса, подвинулась немного впередъ, чшобы миновать купу низкихъ острововъ, извѣстныхъ подъ именемъ Пуло-Лаупъ, обошла мысъ Салапанъ, и 26-го Септября бросила якорь въ устьѣ рѣки Баньермассингъ, передъ главнымъ мѣстомъ Голландскихъ заселеній на огромномъ островѣ Борнео. Нашъ капитанъ Норбоппъ непочелъ благоразумнымъ пускашся по рѣкѣ, и ждалъ, чшобы агеншъ факторіи явился самъ для совѣщаній къ нему на корабль. Земля Борнейская ненадежна для Европейцевъ. Недавняя погибель маіора Мюллера можешъ

послужить несчастнымъ примѣромъ того, какъ смотрѣть на посяпителей пуземцы. Только издали, съ корабля, могъ я наблюдать любопытный островъ Борнео.

Борнео, величайшій изъ острововъ на земномъ шарѣ послѣ Мадагаскара и Новой Голландіи — если только Новую Голландію должно считать островомъ, а не отдѣльнымъ материкомъ — именуемый пуземцами, по нѣкоторымъ извѣстіямъ *Бруни*, по словамъ Гамильтона *Варуни*, а по увѣренію Ріензи *Клематанъ*, составляетъ пространство 300 мѣль отъ Ю. къ С., при ширинѣ отъ 50-ти до 250 мѣль. Все это находится между 4° 20' — 7° шир. южн. и 106° 40' — 116° 45' долг. вост. — Ужасная обширность земель Борнео донынѣ препятствовала Европейцамъ проникнуть во внутреннія его области. Нѣсколько разъ предпринимаемъ и осваиваемъ былъ здѣсь опытъ колонизаціи. Первое покушеніе учинено Англичанами около 1774 года, на островъ Баламбаганъ, лежащемъ при С. В. мысѣ острова, вблизи того, который называютъ Борнео-собственно; но заселеніе это, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ архипелага Сулу, гдѣ обитаютъ самые отважные морскіе Малайскіе разбойники, вскорѣ было раззорено и уничтожено. Съ большимъ трудомъ убѣжали колонисты на Пуло-Кондоръ, Кохинхинскій островъ. Новая экспедиція на томъ-же пунктѣ, въ 1803 году, не была удачна.

Голландцы не упускали также изъ вида заселеній на землѣ Борнео. Первымъ опытомъ ихъ были сред-

ства дипломатическія. Въ слѣдствіе договора съ султаномъ Баншамскимъ, въ Яванскомъ удѣлѣ, и по власпи его надъ царствами Ланпанакскимъ и Суккаданаскимъ, они успѣли утвердиться въ Понтіанакѣ, и объявивъ это мѣстечко своимъ владѣніемъ. Потомъ, въ слѣдствіе услугъ, оказанныхъ султану Баньермассингскому, получили они дозволеніе учредить коншору въ области сего имени. Въ благодарность за оказанное пособіе, Султанъ обязался, въ 1787 году, признавъ надъ собою власть Голландцовъ и опъ руки ихъ принявъ свои владѣнія, какъ наследственный удѣлъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ округовъ по берегу и половины области Дузунской, которую передалъ въ собственное владѣніе Компаніи. Въ то же время, Компанія предоставила себѣ управленіе шажьями и рудниками, раздѣляя доходы опъ нихъ съ Султаномъ, за исключеніемъ рудниковъ Дуку-Канангскихъ и Дуку-Кириѣ, оставленныхъ Султану опдѣльно. Весь этотъ договоръ не легко было-бы располковать, не зная, что Баньермассингъ съ давняго времени былъ удѣломъ царства Яванскаго, и что въ цвѣтущую эпоху имперіи Мадьяпагинской, власпители Борнео были Яванцы, вассалы великаго Императора. Такимъ образомъ, Понтіанакъ на берегу С. З., и потомъ Баньермассингъ на берегу Ю., были нункшами, гдѣ Голландцы старались основать и поддерживать свое владычество. Говорятъ, что въ послѣдствіи пыпались они завладѣть поже на восточномъ берегу Борнео, въ царствѣ Коппи, зависимомъ опъ Сулу, но слѣдствія, изъясняясь, не оказались благопріятны.

Вообще, во все времена и на всех местах Борнео власть Европейцев не была ни прочною, ни постоянною. На некоторое время только могли Европейцы спать в Борнейских областях, удерживаясь, благодаря непостоянной и изменчивой дружбе властителей, спокойно торговать и заспавшись уважать себя несколько времени, но редко попомнить гибельные последствия неоканчивали предприятия, казавшиеся прочными, и вбродомство туземцов неразспроивало планы колонизальных правительств, и агентств, действовавших от их имени. Капитан Падлер, зарезанный в 1769 году; Англичане, изгнанные из Баламбангана в 1774 году; Голландский капитан, убитый со всем его экипажем в 1788 году, в гавани Борнейской, во время объезда; капитан Павин, попавший на подобную засаду в 1800 году, и корабль *Рубинь*, только чудом спасшийся от гибели; кровавые сцены и хищения, возобновляемые в 1803, 1806, 1810, 1811 годах; наконец в наше время, убийство майора Мюллера, второго Клаппертона, решившегося на исследование внутренних областей Борнео — все это свидетельствует, как неосновательны надежды их, кто мыслящий о твердых заведениях на обширном и обильном Борнео, в жару теоретических мечтаний о колонизации овладевая золотыми рудниками горь острова, и драгоценными лесами, которые покрывают ребра их. Без опасностей, столь великих и столь существенных, почти укоризненно было-бы для новейшей географии, в то время, когда малейшие уголки земного шара тща-

тельно изслѣдованы, видѣшь землю, въ тысячу лѣтъ окруженною, подлѣ Азійскаго материка, среди архивелаговъ, населенныхъ образованными Европейцами, оспающуюся донынѣ почти безвѣстною, какъ будто какія нибудь дикія опдаленныя спороны.

Берега Борнео, очевидно, суть слѣдствія постепенной осадки земель, наносимыхъ обширными и мягкоземельными рѣками, текущими изъ внутренности острова. Полагаютъ даже, что вся эта громадная площадь земли составлена изъ многихъ слоевъ, въ долгое время соединившихся одна съ другою. По нѣкоторымъ Малайскимъ преданіямъ, гора Гуонгъ-Кандангъ, въ округѣ Ландакскомъ — нынѣ находящаяся въ девяти лѣтъ во внутренности Борнео, въ началѣ XV-го вѣка была на островѣ, оплывшемся отъ главнаго материка, и называвшемся *Пуло-Кандангъ*. Это распростираніе постепенныхъ наносовъ продолжается понынѣ, особливо на западномъ прибрежьи, гдѣ обитатели строятъ дома свои на сваяхъ, вбитыхъ въ наносную грязь.

Во всехъ направленіяхъ прорѣзываютъ островъ рѣки и ручьи, изъ коихъ должно упомянуть о *Бань-ермассингъ* и *Понтианакъ*. Первая, сколько извѣстно, беретъ начало изъ озера Кеней-Баллу, находящагося въ С. В. части Борнео, чрезвычайно огромнаго, называемаго отъ туземцовъ моремъ, и которое осматривалъ, кажется, только гнъ Ріензи. Это теченіе водъ способствуетъ къ произведенію обширнаго болота по всему прибрежью. Но за нимъ, нѣсколько далѣе во внутренность земли, начинаются горныя хребты, главная вершина коихъ называется

ся *Хрустальною* горою. Вся сія внутренняя высота, кажется, первобытнаго образованія. Нигдѣ невиднo здѣсь прапейскихъ утесовъ, сплошь обыкновенныхъ на островахъ, лежащихъ далѣе къ югу и называемыхъ географами *Зондскою* цѣнью. Изъ этого выводятся, что земляпрясенія никогда небыли извѣстны на Борнео. Горы здѣшнія обилуютъ минералами; въ нихъ находятъ золото, антимонію, цинкъ, олово и желѣзо. Алмазы здѣшніе прекраснѣйшіе въ цѣломъ мірѣ. Особенно славятся находимые въ *Ландакѣ* и *Баньермассингѣ*. Изъ животныхъ замѣчательны слонъ, носорогъ, родъ леопарда, медвѣди, лошади, свиньи, козы, кошки, собаки и всякаго рода домашняя птица. Слоны, носороги и леопарды живутъ только въ сѣверной части острова, и не находясь ни на одномъ архипелагѣ на воспокъ въ этой долготѣ. Буйволъ уроженецъ Борнео, какъ орангъ-утангъ, котораго здѣсь какъ будто настоящая родина. Безъ сомнѣнія, отсюда перешло это животное на *Сумаатра*, гдѣ мы имѣли уже случай наблюдать его странные и любопытные нравы. Въ окрестныхъ моряхъ ловятъ жемчугъ, раковинъ и припанговъ. Въ царствѣ расщепленномъ находясь сарачинское пшено, саго, черный перецъ, камфара, лимонъ, иньямъ, бешель, и проч. — Пальмовая капуста составляетъ главную пищу жителей. Въ лесахъ растутъ деревья удивительной вышины, одни доставляя превосходные строительные матеріалы, другія красильное вещество. Иныя даютъ отличную камфару, другіе пахучій корень, именуемый бензуемъ. *Рошангъ* обилуетъ во всехъ мѣстахъ острова, и

составляютъ предметъ значительнаго вывоза. Хлопчатая бумага, инбирь, мушкетъ, гвоздика здѣсь также превосходны.

Если опть сихъ общностей перейдемъ къ замѣчаніямъ частнымъ, то надобно раздѣлить землю на области: царство Борнео-собственно; землю Дайаковъ, или резиденцію Понііанакскую, на С. З. берегу; царства Баньермассингскія, лежащія на В. и Ю. побережьи, включая сюда и царство Компи. Эпири главные опдѣлы подчиняются множеству подраздѣленій, несчитая еще тѣхъ, копорые принимаютъ туземцы въ свой чередъ для внутреннихъ областей.

Борнео-собственно граничитъ съ одной стороны съ Дайаками, съ другой съ Дузунами и Тапао. Къ нему присоединяются острова Малавелли, Банги, Баламбанганъ, гдѣ два раза, въ 1774 и 1803 году, Англичане спарались завести колонію. Здѣсь славный Александръ Далримплъ хотѣлъ основать новую столицу Полинезійскаго царства.

Жители Борнео-собственно состоятъ изъ смѣси Кайановъ, Сули, Идаановъ, Малайцовъ, происходящихъ изъ Джегоре, Бѣджу, Тидуновъ, Маруновъ, Дузуновъ и множества другихъ народовъ. Между всѣми, Малайцы преобладаютъ числомъ и образованностью. Другихъ изъ эпирскихъ дикихъ племенъ, согласно мнѣнію Ріензи, можно назвать Борнейскими Гарфурами. Они ходятъ нагіе, обернувши вокругъ пояса кусокъ бумажной, или изъ древесной коры сдѣланной ткани. Иногда Кайанскіе воины носятъ куртки и кампаки изъ леопардовой кожи. Оружіе

ихъ самоспръль (sarbasane), кошорымъ бросають они ядовитыя стрѣлы, сабля, копье, длинный щипъ. Говорятъ о пушкахъ, будто-бы находящихся въ споллицъ Кайановъ, но, кажется, пушки маленькая прибавка путешественниковъ. Всѣ сіи различныя племена вообще дики, кровожадны, для погѣхи готовы смахнувъ голову, и какъ профеями украшаютъ ими свои жилища. Живутъ они, либо въ огромнѣйшихъ, поставленныхъ на сваи домахъ, либо въ маленькихъ деревянныхъ хижинахъ, покрытыхъ листьями. Въ большомъ домѣ заключается иногда цѣлое селеніе, 100, 200 человекъ.

До сихъ поръ неизвѣстно, что за религія у Борнейцовъ, ни до какой степени религіозное чувство въ нихъ дикую жизнь. Явно, что у нихъ нѣтъ ни жрецовъ, ни храмовъ, ни идоловъ. Между тѣмъ, они вѣрятъ въ хорошія и дурныя предвѣщанія. Письмень у нихъ нѣтъ, и это показываетъ низшую степень ихъ передъ окрестными оспровипянами, изъ кошорыхъ каждыя имѣють свою азбуку.

Все, что мы знаемъ объ ихъ правленіи, касается только побережья, гдѣ преимуществуесть Малайское поколеніе. Потому большею частію находимъ здѣсь образованіе, которое уже изслѣдовали мы опчаспи, описывая Суматра. Царь, султанъ, раджа, или *янджи перъ тоаанъ* (сущій властитель), сославляесть власть, почти неограниченную, уравниваемую оприцапельнымъ вліяніемъ *паджерановъ*, или шуземныхъ князей. Это родъ помѣстной аристократіи, находящейся и на другихъ оспровахъ. Между панд-

жеранами дѣлялся важнѣйшія государственныя должности. Одинъ изъ нихъ бываеиъ *бандагара*, или чиновникъ власпи исполнительнои; другой *дегадонгъ*, или надзираиель надъ сулпанскимъ дворцомъ; поиъ *домонгонгъ*, начальникъ войска; эиоиъ *паманша*, или судья. Доходы государей состояиъ изъ добровольныхъ подаией, почти всегда взимаемыхъ напу-рою.

Части острова, извѣстная подъ именемъ *Борнео* собственно, нынѣ безплодная и почти ничего непроизводящая, могла-бъ быиъ способна къ большимъ улучшеніямъ, земледѣльческимъ и торговымъ. Спо-лица, городъ *Борнео*, находящійся въ 15-ии миляхъ отъ устья судоходной рѣки, мѣсто пребыванія султана, значительна и населена 10,000 обитателей. Будучи поставлена на сваяхъ и прорѣзана маленькими каналами, она уподобляется, по словамъ Рензи, Венеци. Какъ въ селеніяхъ Папуискихъ, отъ одного дома къ другому проложены мостики, состоящіе изъ одной дощечки. Только крѣпость городская построена на твердой землѣ.

Находясь на рѣкѣ, способной для плаванія кораблей въ 300 тоннъ, вблизи Кипая, Филиппинскихъ острововъ, архипелага Сулу и земли Сіамской, Борнео производилъ прежде значительную торговлю, весьма уменьшенную послѣдними междоусобіями. Въ цвѣтущій періодъ цвѣтшей торговли, двѣ Китайскія жонки приходили ежегодно сюда изъ Сіангъ-Фан (области Нанкинской), двѣ изъ Лю-По (области Шанъ-Зи) и одна изъ Кантона. Макао отправлялъ сюда Португальскіе корабли. Торговля со всѣ-

ми этими портами имѣла непосредственныхъ агентовъ въ Китайскихъ колоніяхъ, копорыхъ польза двигала на здѣшнее поржище, ими созданное и распространенное. Сношенія между Борнео и Сулу, изъ прежнихъ дѣятельныхъ, сдѣлались совершенно ничтожны, и Манильская торговля съ Борнео также весьма упала. Наболѣе дѣятельныя производства идутъ теперь у Борнео только съ Синкануромъ и полуостровомъ Малакка. Съ того времени, когда ужасное безначаліе опустошило здѣшнюю сторону, Европейцы не дерзають посылать сюда своихъ кораблей, хотя никогда не имѣли они причинъ жаловаться на жителей. При изгнаніи Англичанъ изъ Баламбангана обитателями Сулускими, туземцы здѣшніе приняли бѣглецовъ Европейскихъ съ наивозможною благосклонностію, и предложили имъ даже поселиться на островѣ Балуанъ и основать тамъ колонію. Можетъ быть и надлежало бы нынѣ попытаться на новую колонизацію, среди народа, имѣющаго понятія о дѣлахъ торговыхъ и обладающаго уже значительными свѣдѣніями въ мореплаваніи и географіи. Жонка въ 500 шоннъ была построена на Борнео, изъ превосходнаго лѣса, растущаго на семъ островѣ.

Главнѣйшія мѣста здѣсь, идя отъ С. къ Ю., суть: владѣнія султана *Самбисскаго*, сѣверная часть копорыхъ, за *Танжонгъ Дати* (мысомъ Дати), занята независимыми владѣльцами и пиратами. Во внутренности находясь рудники *Семи* и *Лара*. Сполну составляютъ городъ *Самбасъ*, въ 15-ти льё отъ берега, на рѣкѣ сего имени. Тутъ есть Гол-

ландская крѣпость. Далѣе слѣдуютъ владѣнія *Мум-нава*, далеко проходящія внутрь земли и заключающія въ себѣ золотыя рудники *Мандоръ* и *Монтрадо*, богатѣйшіе изъ всей Океаніи. Округъ *Монтрадо*, или *Монтрадокъ*, при подошвѣ горъ *Традокскихъ*, кажется, совершенно заселенъ *Кипайцами*, непозволяющими даже *Малайцамъ* селиться и основываться между ними. Эпа *Кипайская* колонія была начата, какъ говорятъ, за два столѣтія, мореплавателями, копорыхъ забросило сюда бурей. Малочисленные въ началѣ, бѣдняки эти были рабами и бѣдными, но подкрѣпленные мало по малу всѣми искашелями приключеній, копорыхъ привлекала сюда надежда на счастье, они образовали значительное заселеніе, помощью промышленности и хитрости пріобрѣтшее себѣ родъ независимости. Нынѣ независимость эпа дѣло безспорное и округъ земель принадлежитъ *Кипайцамъ*. Главнѣйшее богатство его состоишь въ золотыхъ рудникахъ, копорые разрабатываютъ здѣсь на манеръ разрабошкѣ въ Южной Америкѣ. Для сего перегораживаютъ въ разныхъ разстояніяхъ ручьи; сначала работаютъ взрослые мужчины, потомъ женщины, наконецъ дѣти постарше, и въ заключеніе ребятишки, собирая, что ускользнуло отъ предшествовавшихъ имъ промышлителей. Такое занятіе почти облагораживаетъ пѣхъ, кпо въ пемъ упражняется. Рудокобы составляютъ въ *Кипайской* колоніи родъ аристократовъ. Новые пришельцы не вдругъ поступаютъ въ число ихъ, и должны съ начала быть солдатами, или шоргашами. Главныя

гавани, черезъ копорья колонія сбываетъ свои произведенія, сунь *Силлака* и *Сунги-Райасъ*. Въ одной изъ нихъ приспаяютъ обыкновенно, если отправляются въ Монпрадокъ. Дорогою черезъ прелесныя и орошенныя поля, обставленною укрѣпленіями, служащими и для защиты и для складки минерала, достигаютъ города Монпрадока, находящагося среди долины, въ прелесномъ мѣстѣ. Дома построены здѣсь въ Кипайскомъ вкусѣ. Раздѣленный на рынки, или кваршалы, городъ простирается на три мили въ длину и почти полторы въ ширину. Жители крошки, рабочіе и миролюбивы. Маленькое царство, которому Монпрадокъ служилъ столицей, безъ сомнѣнія, будетъ увеличиваться, и нельзя почестъ невѣроятностью, если скажутъ, что нѣкогда весь Борнео подчинится власти Кипайскихъ креоловъ.

На С. З. берегу должно упомянуть о царствѣ *Понтіанакскомъ*, которое основалъ, въ 1770 году, Арабъ, по имени Абдуль-Рахманъ, заключившій договоры съ Голландскою Компаніею въ то время, и при ея помощи усилившій свои владѣнія на счетъ соседей. Онъ завоевалъ земли султана Машанскаго, опустошилъ городъ Суккадана, и отдалъ въ удѣлъ сыну своему Кассиму землю Мумпава. Кассимъ, заступившій мѣсто отца, въ 1808 году, долженъ былъ противостать приписаніямъ Кипайцовъ, учредившихъ свои *конгъ-сіе* (общины) и сдѣлавшихся столь опасными, что надлежало снова прибѣгнуть противъ нихъ къ пособію Голландцевъ. Столица царства *Понтіанакъ*, при устьѣ рѣки сего

имени, и въ ней, какъ говорятъ, до 3000 жителей.—Земли: *Ландакъ* и *Сангу*, находящся на В. отъ упомянутой нами, и первая изъ нихъ славится своими алмазами. Въ числѣ добытыхъ здѣсь упоминаютъ объ алмазѣ Матаискаго султана; необдѣланный всишь онъ около 367 каратъ, и будучи вышлифованъ можетъ еще быть въсомъ около 183-хъ каратъ.—Область *Симпангъ* принадлежитъ *Панумъбагану* (Князю), подвластному волѣ султана Матаискаго.—Царство *Матангъ*, или прежняя имперія *Суккадана*, долго была занимаема князьями Яванскаго происхожденія, подвластными царямъ Баншамскимъ. Столица государства находилась внутри областей, на берегахъ рѣки *Катаппангъ*: эпо спаринная *Суккадана*, споль известная своею торговлею и сношеніями, копорья успѣла завести здѣсь Голландская Компанія, въ первыя времена своего существованія. — Земли князя *Кандаваганскаго* соспавляютъ также подчиненную Матаискому султану область.

Разныя, исчисленныя мною страны, соприкасающся землѣ *Дайаковъ*, племенъ независимыхъ, отчасп подчиненныхъ упомянутымъ мною власпишелямъ. Дайаки соспавляютъ, такъ называемое, «Резиденшпво С. З.», копорое полагаютъ проспирающимся отъ *Айеръ-Гиттама*, почипаемаго южнымъ предѣломъ земель Матаискихъ, до *Пало*, сѣверной границы Самбаса. По карпъ, соспавленной несчастнымъ маіоромъ Мюллеромъ, эта земля вообще низка, и рѣка *Данао-Малайя* возвышается неболе 100 фушовъ отъ морскаго уровня, даже въ 45-ми лѣ отъ своего устья. Безпрерывная цѣпь горъ

пропятивается здѣсь. Кромѣ нѣсколькихъ конусообразныхъ пиковъ и отдѣленныхъ холмовъ, пространство ея состоитъ изъ наносовъ, разсѣаемыхъ водными теченіями, которыя всѣ ограничиваются мѣлами въ своихъ устьяхъ. Единственное, известное здѣсь озеро есть *Данао-Малайя*, подл. $1^{\circ} 5'$ ш. с. и $114^{\circ} 20'$ д. в., посѣщенное въ первый разъ Европейцами въ Сентябрь 1823 года. Длина его 8-мь льѣ, ширина 4, глубина, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, 18 футовъ. Множество острововъ возвышается на озерѣ, и одинъ изъ нихъ Голландцы называли *Фанг-деръ-Капелленъ*.

Алмазные копи Ландакскіе, какъ я сказалъ, составляютъ важнѣйшее богатство земли. Руду ихъ (areng), или рудныя глыбы (conglomérat), образуетъ родъ желтоватой земли, хрящеватой и смѣшанной съ кремнемъ. Добываютъ ее въ различныхъ глубинахъ; самая глубокая не болѣе 60 футовъ въ землѣ. Для добыванія роютъ колодцы въ одинъ и два фута въ діаметрѣ. Доспигнувши до слоя руды, бывающаго въ два и три фута толщиною, расширяютъ копи на 7 — 8 футовъ, и выбираютъ руду маленькими бамбуковыми корзинками. Промывка алмазовъ производится также просто. Маленькія круглыя корытца (дуланы), съ углубленіемъ въ серединѣ, наполняются рудою. Сидя въ рѣкѣ, работникъ опускаетъ въ воду дуланъ и мѣшаетъ руду рукою, пока землянистыя частицы не отдѣлятся. Тутъ дуланъ выпаскиваютъ на поверхность рѣки, и вертятъ его, чтобы земля размокла совершенно. Если въ дуланѣ неосаеется уже ничего, кромѣ кремней,

прутъ и разсмаприваютъ ихъ. Кишайцы, будучи ловчье Дайаковъ, перегораживаютъ рѣку, вычерпываютъ воду и пересмаприваютъ опмыпую алмазную землю. Лучшіе алмазы, вымываемые такимъ образомъ, въсяпъ до 36 карапъ. Мѣлочъ продаютъ въ Ионшіанакъ, а крупныя каменья, на копорые не находящія здѣсь покупащелей, опсправляютъ въ Бапавіа. Кажетсѣя, что въ послѣднее время количесиво добываемыхъ каменьевъ значительно уменьшилось. За по золопа добываніе усилилось. И его находятъ также въ алмазной рудѣ. Симпангское, Сантуское и Ландакское самое чисное; за тѣмъ слѣдуютъ Менпегарское и Мандорское, и наконецъ Монпрадокское. Жельзо доспаютъ въ Джелле, и оно бываетъ качеспва превосходнаго. Другіе предметы вывоза съ С. З. берега Борнео суть: воскъ, безоарды, сушеная оленина, олени рога, небольшое количесиво ппичьихъ гнѣздъ.

Дайаковъ, соспавляющихъ многочисленнѣйшій опдѣлъ здѣшняго населенія, можно положить до 200,000 человекъ. Ихъ одежда одинакая съ другими Борнейцами. Пронизки спеклянныя и куски лашуни служатъ имъ украшеніемъ. Соль любимое лакомспво ихъ, а пабакъ — спраспъ! Дайаки, по характеру всегда миролюбивые, между тѣмъ предаются ужасному свирѣпспву. Причиною этого бываетъ спранное щегольспво, обычай, дѣлающій предметъ чеспюлюбія изъ сколько возможно большаго числа чловѣческихъ череповъ, что почиаетсѣя лучшимъ украшеніемъ жилища. Спараются добыть это украшеніе, убивая сосѣдей различныхъ племенъ. Черепа

женщинъ и дѣтей считаются самыми почепными, ибо предполагають, что мужа и опцы должны всячески недопускать до подобной драгоцѣнности. Бѣшеная спрашиваетъ добывать черепа заставляють Дайаковъ безпрестанно сражаться. Только и помышляютъ они о нечаянномъ нападеніи на селенія инородцовъ, о засадахъ по лѣсамъ. Если нѣтъ возможности на такіе случаи, Дайаки присоединяются къ Малайскимъ форбанамъ, съ единственнѣмъ условіемъ: при дѣлѣ, отдавать на ихъ часть черепа непріятелей. Чѣмъ больше кто срубилъ въ жизни своей голову, тѣмъ онъ почтеннѣе и почищаемъ. Молодой Дайакъ не можетъ жениться, если необезглавилъ хоть одного человѣка, и шрупъ значительной особы погребается только послѣ отдѣленія отъ него головы. Возвращеніе воиновъ съ черепами привѣтствуютъ величайшею радостью. Женщины схватываютъ окровавленные головы, бѣгутъ въ рѣку и напираютъ тѣло кровью, изъ нихъ пещу. Пяцдесять череповъ вокругъ хижины Дайака — это знаменитѣйшее, какое только можно приобрѣсти, право на благородство!

Понятно, что при непрерывномъ междоусобіи, какое происходитъ отъ такой безумной причины къ убійству, селенія Дайаковъ укрѣпляются сколько возможно. Для защиты ихъ, Дайаки строятъ *беинтинги*, или *репраншамены*. Фасады домовъ составляютъ родъ верандаса, или галлерей, служащей для перехода отъ одного жилища къ другому. Дома строятъ на сваяхъ; входъ въ нихъ составляетъ дверь, сдѣланная высоко, въ кошорую лазятъ по

лѣспницѣ, на ночь убираемой. Спавяишъ ихъ по шести и по семи вмѣстѣ, шакъ, что самый спарый домъ занимаетъ середину.

Если два племени, долго между собою враждовавшия, заключающъ миръ, то каждое изъ нихъ должно представишъ на убіеніе другому невольника. Главный начальникъ бьетъ непріятельскую жертву въ грудь; всѣ подчиненные слѣдуютъ его примѣру, и вскорѣ прутъ несчастнаго дѣлающа безобразною массою пѣла и коспей. Попомъ производися между мирящимися обменъ запасовъ, золотого порошку и Сіамскихъ вазъ (*jarges de Siam*), весьма здѣсь уважаемыхъ, и служащихъ для прорицаній колдунамъ.

Главное племя Дайаковъ именуется *Кайанъ*; главный городъ его *Сегео*, удаленный на 25 дней ѣзды отъ Поннианака. Жители сей столицы говорятъ семью различными языками. Религія ихъ соспоишъ, кажепся, въ какомъ-то благоговѣніи къ оленямъ.

Послѣ Дайаковъ, самое многочисленное племя *Китайцы Борнейскіе* (*Chino-Bornéens*), и число ихъ можно положишъ до 100,000 человекъ. Смѣшанная эппа порода Кипайцовъ и Дайаковъ извѣстна подъ именемъ *Оранже-хв* между Малайцами. Мы уже говорили объ нихъ, описывая Моншрадокъ. Надобно прибавишъ, что одежда ихъ, сдѣланная на Кипайскій манеръ, шьется изъ грубыхъ, синихъ и бѣлыхъ шканей.

Малайцовъ полагающъ здѣсь не менѣе 60,000 человекъ; они дровосѣки, рудокопы и моряки. — Число *Бугисовъ* будетъ около 5,000, почти все купцовъ

и моряковъ. Наконецъ должно упомянуть о небольшемъ числѣ Арабовъ и нѣсколькихъ Индійцахъ.

Послѣ резиденсства Понпіанакъ, самую важную частію для торговли Голландской надобно назвать «Резиденсство южныхъ и западныхъ береговъ», или *Баньермассингъ*, составленный изъ султанства сего имени и областей, усилченныхъ Голландцамъ. Различныя части этого резиденсства суть: *Комаи*, по берегамъ рѣки сего имени, *Памбуанъ*, *Мандава*, *Большой Дайакъ*, *Малый Дайакъ*, и Ю. В. полуостровъ Борнейскій, извѣстный подъ именемъ *Танагъ-Латъ*. Во внутреннихъ земляхъ извѣсны еще округа: *Татасъ*, *Марта-Пура*, *Карангъ Интангъ*, *Дуку-Канангъ*, *Дуку-Кири* и *Дузунъ*. Последнее есть, кажется, родовое имя внутреннихъ областей.

Царство *Котти*, соседнее къ Баньермассингу, повинуется, сколько извѣстно, Малайскому султану, учредившему столицу свою въ прионѣ Форбановъ, столько же спрашныхъ для Малайскихъ морей, сколько спрашно было прежде Алжирское гнѣздо разбоевъ для Средиземнаго моря. Онъ подражаетъ этимъ сосѣду своему, султану Сулускому, главѣ пиратовъ неменѣе спрашныхъ. Сулускому властителю принадлежатъ на Борнео многіе прибрежные города, какъ-то: *Малуду*, *Абаи*, *Талапанъ*. Впрочемъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, вся западная часть этой земли повинуется султану Борнейскому.

Таковы смѣшанные извѣстія и данныя, весьма непочинныя, какія донынѣ имѣемъ мы объ оспровѣ Борнео. Все это неполно, и безъ сомнѣнія, невѣрно, какъ въ ге-

ографическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Многія племена туземцовъ оспаются неозначенными, а другія, какъ-то: Дайаки, явно упоминаются вдвойнѣ. Впрочемъ, вошъ какъ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Ріензи, говоритъ объ этнографическомъ раздѣленіи Борнео: «Аборигены внутреннихъ областей острова получили различныя названія: *Дайаковъ* на югъ и западъ, *Идаановъ* на сѣверъ, *Тидуновъ* на восточномъ берегу, но всѣ они принадлежатъ къ одной первобытной породѣ *Альфорезовъ* (Гарфуровъ). Это племя туземно многимъ островамъ Малезіи и Австраліи, и его находимъ перемѣшаннымъ иногда съ Папу, или черными Океанійцами. Но Альфорезы не столь черны и превосходятъ Папу племесною силою, умственностью и живостью. Дайаки составляютъ собою земледѣльцовъ, рудокоповъ, торговцовъ. Ихъ племесныя формы лучше Малайскихъ. Они обожаютъ *Деута* (Творца міра) и пѣни своихъ предковъ, оказывая великое почтеніе къ нѣкоторымъ ппицамъ, служа имъ предвѣщателями (*augures*), какъ водилось это у многихъ дикарей Полинезійскихъ. По ихъ словамъ, надобно ихъ называть *Биджусами*, и особенно обитающихъ на приморьи С. З., а *Тидунами* живущихъ въ дикомъ сосноянніи, въ С. В. частяхъ острова. Это безспрашныя моряки, преданные пиратству, и иногда челоѣкоядству. На югъ отъ Борнейскаго султанства находящіяся дикія племена *Кайановъ*, *Дузуновъ* и *Марушовъ*. Наконецъ, существуетъ еще въ обширномъ здѣшнемъ пространствѣ, мѣстѣ смѣшенія различныхъ породъ, осо-

бенное опличіе Биджусовъ, пробѣгающихъ по Целебесу, Борнео и Филиппинскому архипелагу, и соспо-
ящихъ изъ смѣси разныхъ народовъ, какъ-то: Ки-
шайцовъ, съ длинными, гладкими волосами и узки-
ми глазами, безбородыхъ Янонцовъ, и Макассарцовъ
съ зубами черными и блестящими.»

Оканчивая симъ неполныя свѣдѣнія, какія до нынѣ
имѣемъ мы о Борнео, скажемъ, что надобно переда-
вать ихъ съ оспорожностью, каковая необходима при
всякихъ предмѣсахъ, болѣе основанныхъ на предпо-
ложеніи, ожидая того времени, когда землѣпознаніе
откроетъ намъ о вѣроятности областей Борней-
скихъ что нибудь вѣрнѣе догадокъ и предположе-
ній.

ГЛАВА LXXXVIII.

МАЛЕЗИЯ. — ОСТРОВЪ ЯВА.

Нашъ кочевой бригъ вскорѣ оставилъ далеко за собою успѣ Баньермассингское и самый Борнео. Октября 2-го дня, при свѣжѣмъ Ю. З. вѣтрѣ, выпустилъ онъ свои паруса и пошелъ по этому тихому бассейну моря, который именуютъ *Яванскимъ моремъ*, находящемуся проливу, окруженному высокими землями. Въ теченіе двухъ дней продолжался вѣтеръ, спихая, пока некончился при заходѣ высокихъ береговъ совершеннымъ шпилемъ. Нѣсколько дней прикованные къ поверхности этого великаго морскаго пространства, мы завидѣли *Каримонъ-Ява* не прежде 10-го числа, и только 12-го, обогнувши мысъ *Каравана*, бросили якорь въ обширной гавани Батавійской. Сначала Сива наша остановилась въ открытомъ морѣ, и только переславши къ Генераль-Губернатору депеши, взявша ея на пунти, и получивъ повелѣніе занять мѣсто на рейдѣ, приблизились мы болѣе къ лѣсу мачтъ, издали видимому.

При взглядѣ на *Батавіа* съ гавани, вдали представлялась горная цѣпь, къ которой прислоненъ городъ, низкая и сплошь покрытая произрастаніемъ дѣшнымъ и прекраснымъ. Пономъ нѣсколько ближе видны были увеселительныя дома, направи и налѣво, купами оупъ города, прелестныя убѣжища, окруженныя *квиконсами* и плодовитыми садами. Наконецъ на первомъ планѣ являлся самый городъ, почти упонувшій въ низкомъ прибрежьи, выспавляя только тысячи своихъ кровель и высокія деревья своихъ садовъ. Еще ближе къ нашему бригу, бросившему якорь, нѣсколько оспровковъ выспавлялись изъ моря, будто букеты зелени, между тѣмъ, какъ на рейдѣ видѣли мы множество кораблей, и шучи лодокъ и шлюпокъ скользили по обширному полукружію рейды, переходя оупъ одной пристани къ другой.

Изъ числа оспровковъ, нѣкоторыя нынѣ вовсе необитаемы, но прежде почти всѣ они были съ пользою заняты старинною Индійскою Компаніею. На нихъ находились верфи, магазины, госпитали, мастерскія. Главный именуется *Онрустъ*, а по Малайски *Пуло-Каппалъ*, и лежишь въ 3-хъ льѣ на С. З. оупъ города. Важность его продолжалась до времени занятія *Батавіа* Англичанами. Предвидя, что владычество ихъ будетъ преходящее, Англичане уничтожили всѣ постройки на *Онрустѣ*, и совершенно обнажили это передовое укрѣпленіе рейды *Батавійской*. Великолѣпныя доки, гдѣ могли починиваться корабли, огромнѣйшіе магазины, жипницы, гдѣ помѣщалось до 2,000 койанговъ запаснаго са-

рачинскаго пиена, превосходныя жилища чиновниковъ, двѣ мѣльницы, церковь — все было тогда разрушено и приведено въ невозможность поправки. Съ 1823 года оспровокъ началъ возникать снова изъ пепла и разваливъ, но полное возстановленіе прежняго состоянія его дѣло трудное, продолжительное и начеписное.

За Онурупомъ слѣдуетъ оспровъ *Эдамъ*, или *Пуло-Даммеръ*, одолженный эпитомъ Малайскимъ названіемъ своему маяку, нынѣ попухшему. Потомъ находится оспровъ *Пурмерендъ*, или *Пуло-Сакитъ*, на копоромъ учреждена больница для прокаженныхъ. Наконецъ, немного на югъ, оспровъ *Кишперъ*, или *Пуло-Буронъ*, гдѣ видны развалины огромныхъ кладовыхъ. Другіе оспровки поменѣ сущъ: Пуло-Келлоръ, Пуло-Рамбушъ, Пуло-Онпонтъ-Ява, Пуло-Обіе, Пуло-Айеръ, Пуло-Ніамокъ, Пуло-Потриджъ, или Вадеръ-Смишъ, исчезнувшій въ волнахъ — на мѣстѣ его теперь нещавая мѣль, покрываемая моремъ во время прилива. Болѣе многочисленные острова, видимые вдали, именуются *Duizend Eilanden*. Многіе изъ нихъ заняты Малайскими семействами, живущими промысломъ рыбы, *агаръ-агаровъ*, припанговъ, коралловыхъ глыбъ (изъ копорыхъ пережигаютъ известку). Самый большой въ этой группѣ оспровокъ именуется *Пуло-Панганъ*, и на немъ живутъ тридцать шестерыхъ семействъ, подъ начальствомъ Малайскаго старшины.

Только на другой день послѣ прибытія нашей Сивы отправился я къ берегу. Утромъ 13-го Октября спали мы съ яломъ нашимъ у приспани, и вы-

шли на берегъ въ *Бомъ* (Boom), рейдъ, простирающейся передъ старымъ городомъ. Это самая нездоровая, самая опасная часть *Батавіа*, который такъ славится своимъ гибельнымъ для прѣзжихъ климатомъ. Кромѣ чепырехъ, пяти улицъ, посѣщаемыхъ только по утру, вся эта часть почти безлюдна. Жители все перешли отсюда къ *Велпфредену* и *Конингс-Плеину*, гдѣ начинается новый городъ. Спроектъ его идутъ отъ стараго предмѣстья, или *Buiten-Nieuw-Port straat*, и образуютъ прекрасныя улицы, съ обѣихъ сторонъ обсаженные длинными аллеями деревьевъ и красивыми домами, съ принадлежащими къ нимъ прохладными садами. Движеніе по этимъ улицамъ напоминаетъ большіе города Европейскіе. Безъ числа кареты, щегольскія коляски, запряженные парами, молодые наездники верхомъ, защищаясь отъ солнца огромными зонтиками — все это живитъ и украшаетъ очаровательныя аллеи по улицамъ. Тутъ узнается *Батавіа*, щегольскую столицу *Малезіи*, городъ роскоши и шума, удовольствій и дѣлъ. Множество прелестныхъ обшатищъ, все подъ тѣнью деревъ, спянувшихъ также вдоль каналовъ *Моленфлипскаго* и *Ризвикскаго* (*Moolenvliet, Rijswijk*), почти на три чепырши льѣ. Потомъ открывается обширная, квадратная долина, лугъ, съ рядами Европейскихъ домовъ: это *Велпфреденъ*, военная часть города, по которой дано имя новой части *Батавіа*. Далѣе, принимая вправо, является другая квадратная долина, *Конингс-Плеинъ*, также окруженная прелестными домами и садами, хорошо содержимыми. За *Велпфреденъ*

Фреденомъ пянется большая дорога *Буитенцоргская*, гладкое шоссе, обставленное увеселительными домами и дачами, продолжающимися почти на двѣ льѣ, даже за крѣпость *Мистеръ-Корнелисъ*. Если присокупите къ этому нѣсколько боковыхъ аллей, образующихъ, какъ будто лучи около двухъ, означенныхъ мною, круглыхъ пунктовъ, *Принсенъ-Ланъ*, дороге *Гоннонгъ-Сагаріе*, дороге *Танабонъ*, то можете составить себѣ понятіе о видѣ *Батавіа*. Между и сзади всѣхъ сихъ различныхъ частей города находясь участки разныхъ колонистовъ Азіатскихъ, утвердившихся въ столицѣ Малайской. Китайское поле находится внѣ городской черты, на западъ отъ стараго города, у котораго прежде образовывало оно обширное предмѣстье; но дѣятельный и подвижный людъ Китайскій, собственно говоря, расселился теперь по всему городу, такъ-же какъ и по всему острову.

Находясь подъ $6^{\circ} 12'$ шир. южной и $104^{\circ} 33'$ долг. восточной, *Батавіа* былъ основанъ въ 1616 году, на томъ мѣстѣ, которое занималъ Индійскій городъ *Джаккапра*. Онъ получилъ 11-го Марша 1619 года имя, которое сохранилъ съ тѣхъ поръ, когда построена была крѣпость, имѣя властвующая. Въ 1629 году былъ воздвигнутъ замокъ для губернаторовъ, при входѣ въ городъ со стороны порта, гдѣ генералъ-губернаторы жили потомъ болѣе полутора столѣтій. Къ этому замку присоединили строенія, необходимыя для собранія Совѣта Индійскаго, канцелярій и магазиновъ Компанейскихъ. Всѣ сіи постройки, еще уцѣлѣвшія, могутъ дать по-

нѣніе о широкомъ и обширномъ размѣрѣ, какой принимала тогда колоніальная архитектура, осуществляя свои постройкі Европейскими масштабами, изъ матеріаловъ, привозимыхъ изъ Европы.

Въ то время городъ составлялъ параллелограмъ, около 600 персей длины и 400 ширины, что разсѣкала на двѣ, почти равныя части огромная рѣка, именуемая *Тжилевонгъ*. Окруженный стѣнами, бастионами, и запираемый пястью большими воротами, Банавіа вмѣщала въ себя чешыре церкви и множество правильныхъ зданій.

Въ теченіе всего XVII-го столѣтія чиновники Компаніи и купцы жили во внутренности города. Но въ началѣ прошлаго вѣка, когда войны съ Баншамомъ прекратились, и благоденствіе города требовало новыхъ построекъ, начали строиться за городскимъ ровомъ и основали то, что называютъ теперь южнымъ предместьемъ. Около этого времени достопочные горожане построили себѣ увеселительныхъ домовъ вдоль вѣшнихъ каналовъ и по дорогѣ Джаккашра, между городомъ и вѣшними укрѣпленіями, составляющими первую линію. Потомъ, ободренные миролюбивымъ расположеніемъ туземцевъ, просерли постройки до подошвы вѣшней линіи укрѣпленій, по дорогѣ къ Баншаму и Шерибону, а равно и по нуши къ Преанжерсу. Но всѣ такія распространенія были дѣланы понемногу, одно за другимъ. Въ началѣ XVI-го вѣка, крѣпость Мисперъ-Корвелісъ была Геркулесовскими Сполпами Нидерландскихъ креоловъ. О поѣздкѣ въ окрестности говорили, какъ о походѣ въ непри-

япельскую землю, и еще приццати лѣтъ непрошло съ того времени, когда публичныя моленія въ церквахъ были приносимы каждый разъ, если генераль-губернаторъ опправлялся въ свой увеселительный домъ въ Буингендоргъ. По при дня упо-пребляли въ то время на переѣздъ шуда; теперь ѣздящъ въ Буингендоргъ въ при часа.

Только въ правленіе генераль-губернатора Дендельса спали помышлять о выходѣ изъ спараго города и оспавленіи его. Полипическое соснояніе оспрова Ява казалось при семъ начальникъ уже споль хорошо ушвержденнымъ, что можно было опказаться опъ ограды спѣнъ, защищавшихъ споллицу его опъ покушеній туземныхъ. Виды правителя обрапились единспвенно на зацщпу извнѣ. «Тамъ опнынѣ непріятели нащи,» говорилъ онъ, «а во внушренности оспрова намъ опасаться нѣчего!» Въ то время Батавіа являлся превращившимся въ могилу почти всѣхъ вновь прѣѣзжавшихъ Европейцовъ. Заразительныя чашпицы, казалось, въ извѣстное время года, наполняютъ собою всю ашмосферу, и тогда ужасающая смертность губила даже самыхъ привычныхъ къ здѣшнему климату жипелей. Повальныя болѣзни производили опустошенія болѣе всякой войны. Дендельсъ обрапилъ на это свое вниманіе. Первый планъ его былъ — оспавишь совершенно Батавіа и перенесъ въ Сурабаіа столицу Голландскихъ владѣній, но оспановленный въ сей мысли и принужденный прінятъ мѣры менѣе рѣшительныя, онъ поспроилъ внѣ города, недалеко во внушренность земли, казармы и

удобныя жилища для офицеровъ гарнизона. Губернаторскій домъ былъ начатъ тогда-же, но кончили его только въ 1827 году.

Едва только дано было подобное направленіе, какъ всѣ Европейцы, сколько нибудь зажиточные, бѣжали изъ стараго города и начали жить въ домахъ, болѣе удобныхъ, красивыхъ и здоровыхъ, вдоль Моленфлиша, канала Ризвикскаго, въ Веллешфреденъ, а попомъ наконецъ около обширнаго Конингсъ-Плеина и по дорогѣ къ Мисперъ-Корнелисъ. Правильный планъ былъ сначала предписанъ архипекторамъ, но время смяшеній, послѣдовавшее за наше-ствіемъ Англичанъ, произвело такой безпорядокъ въ постройкахъ, что теперь не возможно было-бы составить какую нибудь систему защиты для Батавіа, не покрывши развалинами всѣхъ окружающихъ его долинъ.

Переселеніе на новыя мѣста сдѣлалось такимъ общимъ предразсудкомъ, что вскорѣ старый Батавіа былъ оставленъ. Паденіе его было самое быстрое. Въ двадцать лѣтъ лучшія части были разломаны, домъ за домомъ. Въ 1816 году, когда по шракштамъ обратило получила Голландія свою колонію, въ старомъ городѣ едва оставалось нѣсколько Европейцевъ, хотѣвшихъ умереть въ привычномъ мѣстѣ, нѣсколько Поршугальцовъ и нѣсколько Кипайцовъ. Мѣста правительственныя, конторы и магазины были еще неподвижны, но причинъ близости къ гавани, но съ наступленіемъ вечера, всѣ спѣшили изъ нихъ въ новый городъ, гдѣ все дышало опдыхомъ опш дѣль.

Что предвидѣлъ генераль Дендельсъ, то вполнѣ осуществилось. Батавіа былъ нездоровымъ городомъ только при первобытномъ своемъ положеніи. На влажномъ и низкомъ мѣстѣ построили городъ совершенно Голландскій, съ узкими улицами подъ пропическимъ небомъ. Какъ въ Амстердамѣ и Роттердамѣ, нагородили кучи домовъ, по каналамъ съ сплвющею, пиниспою водою. Къ симъ причинамъ смертности прибавились другія, какъ-то: переносъ къ Китайцамъ и Малайцамъ, кладбища которыхъ заражали предмѣстія города. Наконецъ дозволяли оспаваться на мѣлахъ рѣки складкѣ пещиспошъ, которыя, будучи согрѣваемы солнцемъ, испаряли заразительныя частицы.

Переносъ мѣсто города за спаринные предѣлы, Генераль - Губернапоръ хотѣлъ избѣжать всѣхъ эшихъ неудобствъ и причинъ гибели, а со времени управленія Фанъ-деръ-Капеллена осуществились улучшения, которыя только предполагалъ благо-разумный Дендельсъ.

При Фанъ-деръ-Капелленѣ новыя улицы были назначены въ Квингсъ-Плейнъ, самомъ здоровомъ изъ всѣхъ окружныхъ мѣстъ. Уступки земель, удобство при постройкѣ, придали сильное развитіе этому совсѣмъ новому отдѣленію. Принудили спрошителей и хозяевъ къ правильности улицъ, имѣвшей цѣлью частныя удобства при общеспвенномъ здоровьѣ. Китайцамъ ошвели мѣсто для кладбища въ далекомъ разспояніи отъ города. Каналы прежняго города, неприносившіе никакой пользы, были поспешенно завалены, по убѣжденію во вредъ ихъ,

а оставшіеся выиграли черезъ шо большее количество воды, менѣе обремененной гнилыми частями. Бойни отбросили къ концамъ города и огородили берега рѣки, такъ, что сжатая въ своей ложбинѣ, она не разливалась на берега и не испаряла никакихъ водъ вредоноснымъ испареніемъ отъ лучей солнца. Прекрасная постройка, плотина и приспанъ въ одно время, дополнили такіа обширныя и полезныя устройства. Съ тѣхъ поръ, какъ занялись всѣмъ этимъ, Батавіа пересталъ быть мѣстомъ нездоровья другихъ частей Малайскаго архипелага и Индійскаго полуострова.

Народонаселеніе Батавіа, чрезвычайно измѣнчивое, было предметомъ множества исчисленій, болѣею частью несправедливыхъ. Въ 1824 году, перепись, сдѣланная съ величайшею опредѣленностью, дала слѣдующіе выводы: 5,025 Европейцевъ, или Европейскихъ креоловъ, 25,108 Яванцевъ, или Малайцевъ, 14,708 Кипайцевъ, 601 Арабовъ, 12,419 невольниковъ, а всего, въ городъ и предмѣстія, 55,861 человекъ, не считая гарнизона. Населеніе всей области дѣлился на чешыре округа, или квартали.

Европейское, или креольское населеніе состоитъ изъ чиновниковъ правительства, купцовъ, опсавныхъ офицеровъ, владѣльцовъ недвижимыхъ имѣній, и наконецъ Португальцевъ, которые въ Батавіа, какъ и во всей Индіи, составляютъ метисское поколѣніе, цвѣтомъ болѣе Малайцевъ мѣдное и говорящее нарѣчіемъ почти непонятнымъ.

Въ настоящемъ состояніи своемъ, Батавіа заключаетъ множество замѣчательныхъ общественныхъ

зданій. Старый городъ являетъ также многія, еще стоящія среди развалинъ ошального — живыхъ слѣдовъ первобытнаго великолѣпія. Таковы суть, между прочимъ, паможня и морскіе магазины, прекрасныя, хорошо сохранившіяся сироенія; попомъ, за ворошами городскими, великолѣпныя ломбонги (деревяшныя складки), назначенныя для храненія сборки кофе.

Опъ прежняго замка, сломаннаго при генералѣ Дендельсѣ, оспались только вороша, обращенныя къ городу. Архипекшура рапуши, хотя щегольская и благородная, напоминаетъ время, когда зданіе было воздвигнуто. Среднее сироеніе образуетъ два огромныя опдѣленія, занятыя прежде высшимъ юстицкимъ судомъ, коминепомъ сиропскимъ и промѣнною палатою. Теперь всѣ сїи частныя правленія перенесены въ Велшефреденъ. Два крыла зданія, до 1827 года служили мѣстомъ шорьмы, но, кажется, что и это послѣдовало за другими переселеніями въ иное мѣсто.

Только одна церковь остается въ старомъ Бавіа, находясь между рапушею и ворошами стараго замка. Это опъ Люшеранскій домъ молитвы, обширный и хорошо поспроенный, необезобразилъ бы лучшаго города Европейскаго. Единственныя храмы Реформатскій составляетъ старинная церковь въ предмѣстьи, или Buitenkerk — сироеніе старое, невидное, но внутренность его проста и прекрасна. Напрошивъ, Каполическая церковь мала и жалкая.

Для Европейцевъ въ Батавіа находится теперь только одна больница, военная, въ Велпфреденъ, но хорошо устроенная, и больные городскіе находятъ здѣсь пособіе, вмѣстѣ съ больными изъ числа гарнизона. Для пуземныхъ Кишайцовъ и Малайцовъ заведена другая гошпиталь, находящаяся за Упрехтскими воробьями. Кромѣ залъ для больныхъ обыкновенныхъ, здѣсь находится отдѣленіе прокаженныхъ и ума лишенныхъ. Обширное это заведеніе можетъ содержать отъ 200 до 500 человекъ. Stand Verband есть впоросшенная гошпиталь, куда принимаютъ на время раненыхъ. Здѣсь дѣлаютъ имъ первыя перевязки и оказываютъ пособія, а потомъ отсылаютъ ихъ къ семействамъ. Такое учрежденіе, началомъ котораго были обязаны Фанъ-дербъ-Капелдену, произошло отъ необходимости оказать немедленную помощь въ бѣдственныхъ случаяхъ, ежедневно бывающихъ на улицахъ города, и польза отдѣльнаго мѣста, гдѣ находятъ средства на такія непредвидѣнныя несчастія, конечно неоспорима.

Одно изъ прекрасныхъ зданій города домъ, занимаемый торговымъ Нидерландскимъ Обществомъ, и находящійся въ старомъ отдѣленіи на рѣчной набережной. Недалеко отсюда биржа, маленькое строеніе, съ открытою колоннадою, простое, мало украшенное, хотя новѣйшей постройки. Гораздо лучше сего ничтожнаго зданія обширное и величольное построеніе, воздвигнутое генераломъ Дендельсомъ на углу каналовъ Ризвикскаго и Молен-Флипскаго. *Гармонія* имя этого истинно царскаго зданія. Это мѣсто удовольствій для чаепныхъ лю-

дей. Предназначенное для концерновъ по подпискѣ и баловъ, даваемыхъ губернаторомъ, оно служить также ежедневнымъ мѣстомъ свиданія для гражданъ и доспапочныхъ военныхъ, копорые сходящяся сюда бесѣдовать, играють на бильярдѣ и читають журналы. Тутъ устроены чепыре залы, обширныя, шакъ, что въ каждой можеть помѣститься до 400 человекъ. Въ парадные дни, когда Европейское общество Батавіа собирается здѣсь, при свѣтѣ тысячи огней, залы Гармоніи являютъ зрѣлище истинно волшебное. — Подлѣ храма удовольствій зданіе, предназначенное наукъ и знанію. Это еще одно изъ нѣхъ заведеній, копорыми Батавіа одолженъ генералу Дендельсу. Батавійское Общество наукъ и знаній оказало уже услуги ученому свѣту. Ободряемое въ трудахъ своихъ самими губернаторами, бывшими въ числѣ его членовъ, оно пояснило много вопросовъ, принадлежавшихъ къ его области, прибавивши свой удѣлъ на жершвенникъ просвѣщенія. Библіотека Общества богата дорогими книгами.

Есть въ Батавіа и театръ, гдѣ любители, отъ времени до времени, показываютъ свои дарованія передъ знамоками сценическаго искусства, но зданіе не лучше самыхъ спектаклей здѣшнихъ.

Когда генераль-губернаторы живутъ въ городѣ, то занимають обширный и прекрасный домъ, парадный, находящійся въ Ризвикѣ, въ самой здоровой и болѣе всѣхъ обитаемой части Батавіа. Впрочемъ, сіе помѣщеніе, слишкомъ тѣсное и слишкомъ мѣщанское, будетъ замѣнено новымъ дворцомъ въ Велшефреденѣ. Дворецъ этотъ, начатой при гене-

раль Деделъсъ, и нѣсколько разъ останавливавшійся въ постройкѣ, за недоспашкомъ матеріаловъ, теперь скоро будетъ доконченъ. Уже перенесли въ это строеніе всѣ гражданскія и военныя мѣста управленія Батавіа, уступивъ частнымъ людямъ дома, занятые прежде различными частями правительства.

Множество базаровъ, или крытыхъ рынковъ, учреждено въ Батавіи и его окрестностяхъ. Многие изъ этихъ рынковъ, бывшіе прежде временными, мало по малу сдѣлались ежедневными, благодаря Китайцамъ, которые, какъ урожденные торговцы, готовы торговать день и ночь. Изъ числа базаровъ должно упомянуть о *Лимъ-Тонгганъ*, рыбномъ торжищѣ, при входѣ въ городъ, въ Китайскомъ полѣ; *Бурунгскомъ* рынкѣ, гдѣ правительство хотѣло учредить удобство для прогулки, какъ въ Европѣ, и куда обитатели Батавы привозятъ свои шкаты, глиняныя издѣлія, рогожки и извѣсть изъ своей области; базаръ *Тонаабонскомъ*, старомъ и новомъ рынкѣ Велшефреденскомъ; наконецъ о принадлежащихъ базарахъ, или ярмаркахъ, учрежденныхъ на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ около Батавіа, и нѣсколькихъ другихъ въ резиденціи Буишенцоргской.

Торговля Батавійская двояка: одна сосредоточена въ рукахъ Нидерландскаго торговаго Общества; другая раздѣлена между торговыми домами первой и второй степеней, Голландскими, Англійскими и Американскими. Нидерландское торговое Общество составилось изъ складки частныхъ капиталовъ, которымъ правительство выдало нѣкоторыя привил-

легія, впрочемъ совсѣмъ неопытношительныя. Первыя слѣдствія этого Общества были счастливы, и они могутъ быть еще важнѣе, если мысль исключенія торговли частныхъ людей небудетъ руководствоваться компаньоновъ. Истина вѣрная, что каждая общественная складка капиталовъ полезна тогда только, когда противъ нея есть живое соревнованіе людей постороннихъ. Тогда Общество будетъ не монополиею, но полезнымъ собраніемъ силъ и средствъ, экономіею труда, рукъ, издержекъ, дружнымъ употребленіемъ усилий, которыя безплодно растерялись-бы по разницѣ. При пособіи общественной дѣятельности открываются новые пути передачамъ капиталовъ, распространяются торжища, усиливаются сношенія. До сихъ поръ, ничего неслыша отъ общественныхъ привилегій, торговые дома Батавіа нашли въ нихъ болѣе прочныя и болѣе определенныя средства сбыта, возвышеніе биржевыхъ цѣнъ и приращеніе дѣлъ. Несмотря на сильное соперничество, въ 1827 году считали здѣсь 16-ть Нидерландскихъ торговыхъ домовъ, 6-ть Англійскихъ и 1-нѣ Американскій. Впрочемъ изъ числа всѣхъ, десять занимались только второстепенною торговлею.

Торговое мореходство здѣшнее составляютъ 43 корабля и одинъ пароходъ. Изъ числа кораблей семь помѣщаютъ болѣе 100 тоннъ груза на каждый. Ввозъ объемлетъ всѣ мануфактурныя издѣлія Европы, ткани, нарядныя и необходимыя, дорогое оружіе, сукна, сѣльные, шелковыя издѣлія, товары изъ Европы, Китая, Индійскихъ и Малайскихъ факторій, пшкани

всѣхъ родовъ и всѣхъ цѣнъ, и вообще произведенія и запасы иноземные, коихъ Батавіа производитъ не можетъ, какъ-то: вина и водки Французскія и Испанскія, чай Китайскій, сарачинское пшено Индіи и Манила. Въ замѣнъ всего, Ява снабжаетъ Азію и Европу сахаромъ, кофе, сарачинскимъ пшеномъ, табакомъ, *катжангомъ*, маисомъ, хлопчатой бумагой, даже индиго и произведеніями мѣсной промышленности, довольно усовершенствованными.

Изъ числа этихъ произведеній надобно упомянуть: выдѣлку арака, кирпичныя, кожевныя, красильныя, свѣчныя, горшечныя, карпачныя издѣлія. Араковыхъ заводовъ счисляютъ до восьми, и всѣ они совокупно вырабатываютъ въ годъ до 1200 боченковъ этого крѣпкаго напитка, который Китайцы пьютъ обыкновенно, но умѣренно. Матеріаломъ для перегонки бываютъ сарачинское пшено, сахарный сиропъ, *туакъ* и смѣсь, называемая *пека*, изъ корицы, аниса, луку и муки сарачинскаго пшена. — Кирпичныхъ заводовъ восемь, и они особенно успѣвали, когда новый городъ строился по планамъ генераль-губернатора Дендельса. — Четыре кожевни заведены здѣсь Китайцами. — Красильни суть занятія мѣстныхъ промышленниковъ, которые живутъ по деревнямъ, сами ищутъ, сами красятъ свои шкани. Почти исключительно занимаются этимъ женщины. Вещества, употребляемыя для крашенія, суть обыкновенно: индиго, корень *манкуду*, *руку*, зерна хлопчатой бумаги, корень *куркумы*, *инбирь*, *катжанговое* масло. Красятъ просто, погружая нѣсколько разъ шкань въ посудину, гдѣ разведена краска. Окраска *батики*

производится при посредствѣ распущеннаго воска, которымъ покрываютъ части шканей, долженствующія остаться одноцвѣтными, или свѣтлыми, когда погружаютъ шкань въ растворъ. Такъ приготавливаются плашки, или *саронги* (передники), столь отличные тонкостью шканья и прелестными, разнообразными цвѣтами.

Другія отрасли промышленности, какъ-то: перешопка сама и глиняныя издѣлія, находящаяся также въ положеніи довольно цвѣтущемъ. Фабрики игральныхъ картъ занимаютъ большое число рукъ; карты приготавливаются здѣсь Китайскія, игра которыхъ считается двумя десятками. Другія рукодѣлія исправляются, какъ въ Европѣ, масперами, имѣющими подъ своимъ руководствомъ и надзоромъ подмастерьевъ. Такъ распределены въ Батавіа плотники, столяры, каменщики, кузнецы, слѣсаря, мѣдники, жестяники, маляры домовъ, шѣлежники, сѣдельщики, канатчики, булочники, и проч. — Почти все это занимаетъ только Китайцевъ и Малайцевъ, показывающихъ въ дѣлѣ большую ловкость. Немногіе Европейцы захопѣли-бы и могли померяться съ ними. Знойный климатъ, различіе племъ, все удаляетъ нашихъ ремесленниковъ изъ Азіатскихъ колоній, гдѣ они не въ состояніи поддерживать соперничества съ туземными рабочими. Поэтому во всѣхъ опхладенныхъ Европейскихъ владѣніяхъ всегда будетъ недоставать людей средняго званія, составляющихъ силу и прочность общественнаго быта. Нѣсколько Европейцевъ, брошенныхъ между тысячами Китайцевъ и Малайцевъ, никогда не составятъ

на Ява Европейской національности, между тѣмъ, какъ въ Новой Голландіи, гдѣ находились классъ народа рабочаго, дѣлательнаго, почти богатаго, имѣющаго дѣла и подручныхъ работниковъ, можетъ легко осуществиться задача перенесеннаго изъ Европы быта.

Жизнь въ Батавіи привольно и роскошно. Европейцы первые дали этому направление. Съ самаго начала своихъ завоеваній завели они богатую мебель, большіе дома, множество слугъ, золотую, серебряную посуду, кареты, лошадей, охоту. Увлеченные примѣромъ, Малайцы и Яванцы захохотали въ свой чередъ дорогихъ платьевъ, галантерей, богатыхъ шканделяхъ, повели жизнь въ балахъ и праздникахъ, какъ будто каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи сокровища какого нибудь раджи. Китайцы, хотя и экономнѣе всѣхъ, имѣютъ также свои предметы для прожитыя—это великолѣпіе, какое оказываютъ они при своихъ годовыхъ праздникахъ, свадьбахъ, погребеніяхъ. Скупые во всякое другое время, тутъ распочаюшъ деньги безъ мѣры, а особливо въ праздникъ новаго года, и при великолѣпномъ обрядѣ *Ганъ-Боми*, его сопровождающемъ. Что касается до Арабовъ и Мавровъ, то всему предпочитаютъ они роскошь, имѣющую прочную и дѣйствительную цѣнность. Великолѣпіе ихъ состоитъ въ обладаніи драгоценными сокровищами, камнями, золотомъ, серебромъ, уборами женскими.

Генералъ-губернаторы всегда болѣе поощряли, нежели воспрещали распространеніе роскоши между жителями, видя въ ней ручательство за мирное образованіе общества; но при этомъ всѣмъ, въ сущности,

такъ сказать, воспитаніи народа, они забывали, что умъ также имѣетъ свою потребность образованія, чтобы удержаться наравнѣ съ улучшаемымъ физическимъ бытомъ. Много первоначальныхъ училищъ учреждено въ Бапавіа. Главное, куда Европейцы посылаютъ своихъ дѣтей, заведено было съ 1817 года въ Велшефреденъ, въ самой здоровой, самой освѣженной воздухомъ частіи, и его можно почесть стоящимъ наряду съ нашими лучшими учрежденіями въ семъ родѣ. Подчиненное этому, другое училище основано было попомъ, куда ходятъ дѣти жителей, вообще называемыхъ *Португальцами*, и къ конпорымъ присоединяются юные Малайцы и Китайцы. Это училище можно назвать разсадникомъ для дѣтскихъ канцелярій и конпоръ. Тутъ образуется пишущій народъ, исправляющій, такъ сказать, черную работу по письменной частіи. Къ двумъ упомянутымъ мною учебнымъ заведеніямъ, принесшимъ уже полезныя плоды, съ 1824 года присокупился было пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ, управляемый наставницами, вывезенными изъ Европы на счетъ правительсва, но въ 1826 году пансіонъ этотъ былъ уничтоженъ — попому-ли, что число воспитанницъ оказалось недостаточнымъ для поддержки заведенія, или что наставницы, молодыя и хорошенькія, всѣ предпочли выйдти скорѣе замужъ за богатыхъ колонистовъ, нежели учить дѣтей.

Воспитаніе нѣземнаго юношества болѣею частью ввѣрено Мугаммеданскому духовенству, находящемуся при разныхъ мечетяхъ. Далѣе, мы поговоримъ

объ этомъ народъ и вліяніи, какое имѣетъ онъ на жителей. Въ Мугаммеданскіе духовныя дѣлясь на многіе классы, оплечаемые названіями *Имановъ*, *Катиговъ* и *Гиталовъ*. Глава Имановъ именуется *Панггулу*. Получая жалованье отъ правительсва, онъ исправляетъ должность чиновника, какъ при *Ландъ-Радъ*, такъ и при другихъ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ свидѣтельствуетъ кляпвы послѣдователей исламизма. Мечетей считается здѣсь около 17-ти, и при каждой естъ число духовныхъ, сообразное ея важности. Доходы духовныхъ однакожъ незначительны; ихъ составляютъ произведенія земель, принадлежащихъ мечетямъ, приношенія во время жатвъ и при большихъ праздникахъ, и наконецъ плата при свадьбахъ, похоронахъ и духовныхъ обрядахъ.

Таковъ знаменитый городъ *Batavia*, гдѣ теперь остановился я, и гдѣ нашелъ самое дружеское гостепріимство. Въ числѣ писемъ, давно забытыхъ въ моемъ портфелѣ, я отыскалъ письмо добраго Вильмоша Калькушскаго къ одному изъ знаменитѣйшихъ торговыхъ домовъ Яванской столицы. Эти рекомендацельныя письма, столь ничтожныя въ Европѣ, гдѣ всѣ слѣдствія ихъ ограничиваются только учтивостію, и много много обѣдомъ, имѣютъ существенное значеніе въ колоніяхъ. Едва представилъ я нѣсколько спрокъ Вильмоша негоціанту Батавійскому, гну Перкусу, какъ сдѣлался добрымъ его гостемъ. Мнѣ тотчасъ предложили квартиру въ домѣ, и я не могъ отговориться. Не буду описывать, сколько ласки, вниманія, привѣтствій и предупредительности встрѣчилъ я въ поч-

ипенномъ семействѣ моихъ хозяевъ. Въ шечепіе немногихъ, прожишыхъ мною въ Бапавіа дней, я роскошничалъ, какъ богатый колонистъ, переходилъ съ бала на балъ, съ праздника на праздникъ, съ обѣда на обѣдъ. Четверо слугъ, наманкишъ, карена съ парюю лошадей, двѣ верховыхъ лошади—все это было къ моимъ услугамъ. Меня завалили приглашеніями въ гости къ мѣстнымъ чиновникамъ и богатымъ купцамъ. Во всѣхъ видѣнныхъ мною собраніяхъ царствовала роскошь, совершенно Азіатская. Благовонія, пахучія эссенціи, изысканныя кушанья, прохлажденія тысячи родовъ—все это было расходуемо ханскою рукою. Казалось, что каждый хозяинъ спорилъ о томъ, кто явится роскошнѣе, и никто не хотѣлъ оказаться хуже своихъ знакомыхъ. Можно понять, какъ сильно поражали меня теперь, послѣ годичнаго бродяжническаго по Океанійскимъ морямъ, послѣ отвращительнаго зрѣлища дикихъ челоуководцовъ, и эта Азіатская пышность, и эти Европейскіе нравы. Цѣлую недѣлю предавался я наслажденіямъ жизни, будто угорьный. Мнѣ казалось, что я на родинѣ, среди знакомаго мнѣ, образованнаго, пріятнаго общества, веселаго, остроумнаго, дружескаго. Я забывался — ненаблюдалъ ничего...

Но послѣ нѣсколькихъ, усладительно промелькнувшихъ дней, мнѣ пришло въ голову, что я не во Франціи, но въ Малайской землѣ, и пріѣхалъ сюда не за тѣмъ только, чтобы пировать съ богатыми Бапавійцами и любоваться на ихъ молодыхъ и прелестныхъ Креолокъ. Первымъ слѣдствіемъ такой мысли было, что я началъ опскаивать опѣ

Европейскаго населенія Бапавіа, и спарался сбли-
зиться для моихъ наблюденій съ туземнымъ на-
родомъ. Мое намѣреніе шопчасъ поняли, и усердно
помогли мнѣ. Нѣсколько лодокъ немедленно успро-
илось въ окрестности города и ближнія обласпи.

Первая изъ нихъ была къ одному изъ самыхъ
значительныхъ, ближнихъ владѣтелей. Онъ жилъ
въ великолѣпномъ помѣщеніи, поставленномъ на бе-
регу небольшого пропотока; спереди успроена была
въ жилищѣ его галлерей съ колоннами, которую
замыкала обширная, прохладная зала. Хозяинъ дома
былъ еще молодой человекъ, знатнаго рода, весьма
уважаемый всѣми. Одежду его составлялъ *яришъ*
изъ Индійской шкани, гораздо болѣе обыкновеннаго
передника, или *саронга*. Сверхъ яриша надѣтъ на
немъ былъ шелковый *сабукъ*, родъ куртки. Прогу-
ливаясь съ нами, онъ надѣлъ бархатный *тикопанъ*,
обшитый кружевами и похожій на Фрисландскіе
жакеты, какіе нашивали лѣтъ сто тому. Подъ
тикопаномъ видѣнъ былъ бѣлый жилетъ, засне-
женный пуговками до самаго горла и замѣняющій
нашу рубашку. Головной нарядъ состоялъ изъ ши-
рокаго лоскута сукна, или узорчатаго бархата,
сложеннаго на манеръ жокейскаго карпузика. Имѣя
торговья дѣла съ Перкусомъ, щеголеватый хозя-
инъ принялъ насъ со всевозможною ласкою. Госте-
пріимство его представляло что-то такое важное,
почетное, придававшее ему шѣмъ болѣе цѣны. Хо-
зяинъ показалъ намъ во всей подробности свое ве-
ликолѣпное жилище, и прекрасныя плантаціи, его
окужавшія, кофейныя поля, содержимыя, какъ

опряпный парникъ, поля съ сахарными проспни-
ками и опыты насажденія индиго. Неменье 200,000
піаспровъ оцѣняли владѣнія, гдѣ жилъ эпоштъ зна-
менипый раджа.

При вшорой нашей повѣздкѣ мы направились въ
Буишнцоргъ. Губернашоръ объѣзжалъ въ эшо время
окружныя обласпи, и попому немогъ приняпъ
насъ самъ. Но его главные чиновники, въ замѣну
пного, оказали намъ самое ласковое госпепріимство.
Пупъ оптъ Бапавіа къ Буишнцоргу, прежде ле-
жавшій черезъ дикую пустыню, шеперь соспа-
вляєптъ одну длинную аллею, съ домами по спо-
ронамъ, шакъ, чшо ихъ можно-бы почестъ непре-
рывно продолжающимся предмѣспьемъ обширнаго
города. Черезъ два часа ѣзды доспигли мы замка,
фасадъ кошораго самый шегольской. Спсроеніе со-
споишпъ изъ главнаго корпуса и двухъ крыльевъ.
Галлерей съ колоннадою идептъ кругомъ выдавнаго-
ся главнаго зданія, а куполь съ шпицомъ оканчи-
ваетъ его верхъ. Много другихъ спсроеній присоеди-
нено къ основному фасаду. Одни сушъ казармы, дру-
гія помѣщенія для свишпы Губернашора, насшоящаго
князя здѣшней земли. Всѣ сін поспройки восходяптъ
недалѣе 1816 года. Тогда переспроили всѣ спарин-
ные учаспки зданія, съ большимъ порядкомъ и луч-
шею правильностью. Спаринные скучные сады пре-
врапили въ Англійскій садъ; уношребили въ пользу
воду, изобилующую въ здѣшней долинь; ее подняли
въ фонпаны, заспавили падаптъ каскадами. Къ па-
кимъ, просто архипекшурнымъ улучшеніямъ, ба-
ронъ Фанъ-деръ-Капелменъ вскорѣ прибавилъ но-

выя, болѣе полезныя устройства. Учредили въ Буи-шенцоргъ ботаническій садъ, ввѣривши его попеченіямъ ученаго Рейнвардта, котораго замѣнилъ потомъ докторъ Блумъ. Съ большими издержками были собраны въ этомъ саду не только всѣ произростающія обильной почвы Яванской, но еще множество растений Молукскихъ острововъ, Бенгала, Бразиліи, Китая, Японіи и Австраліи.

Одну за другою, мы пересмотрѣли всѣ здѣшнія рѣдкости: дворецъ и его прекрасныя пріемныя залы, ботаническій садъ, фонтаны, паркъ, боскеты, огородъ, гдѣ всего болѣе померанцовъ, и окрестныя поля, пересѣкаемыя тысячами ручьевъ. Находясь во внутреннихъ областяхъ Яванскихъ, это всего болѣе поражало противоположностью ландшафта — Азіатскимъ его колоритомъ, разнообразіемъ поверхности и видомъ Малайскихъ хижинъ, находящихся въ очеркѣ обширныхъ строеній Европейскихъ.

Пока еще резиденція Буишенцоргская, подобно Кравангской, не была присоединена къ Батавіи, она образовывала пять округовъ: Буишенцоргъ — собственно, Паронгъ, Яссияга, Тжи-Бионгъ и Тжи-Барусса. Всѣ сіи округа повиновались каждый своему сипаршинъ, наблюдавшему за благочиніемъ и именовавшемуся, въ первомъ *Андипатти*, въ четырехъ остальныхъ *Демангъ*. Хотя здѣшніе округа самыя богатѣйшія изъ всей Явы, но доходовъ съ нихъ едва могло-бы достать на издержки управления, если-бы правительство неимѣло монополіи на кофе, сборъ котораго приноситъ большіе барыши.

Самое резиденпство, безпрерывно уменьшаемое опдѣленіями земель его въ другія, нынѣ соспоишь почти шолько изъ одного замка и учаспковъ незначительныхъ, находящихся между рѣками Тжилевонгъ и Тжиданіе, болѣе полулё опъ одной до другой.

Видѣвши шеперь земли, подвласпныя Голландцамъ, неперпѣливо желалъ я видѣть обласпи чисто Малайскія, гдѣ неизглажены еще старыя, шуземныя нравы. Счастливый случай представился къ этому. Одинъ изъ прикащиковъ Голландскаго торговаго дома, прекрасный молодой человекъ, по имени Пинеръ, опправлялся въ Баншамскую обласпъ, для надзора за большою покупкою сарачинскаго пшена, которое надобно было опправить въ Анжеръ, одинъ изъ шамонныхъ порпшовъ. Я навязался ему въ соиушники.

Изъ Батавіа опправились мы въ прекрасной коляскѣ 19-го Окпбря, а на другой день, перѣхавши рѣку Тжиканди и полюбовавшись прелеспною окрестноспью, прибыли въ Церамъ, нынѣшнюю столицу царства Баншамскаго. Эшо царство дѣлился на два управленія, Сѣверное и Южное, и въ немъ считаеися до 983 десса, или селеній. Спорона самая замѣчательная на Ява. Долго была она независима опъ власпи Голландской, но съ пѣхъ поръ, какъ генералъ Дендельсъ покорилъ оружіемъ одного изъ здѣшнихъ сулпановъ, беспокоившаго окрестныя округи, Баншамъ сдѣался почти однимъ изъ уѣздовъ Батавіа. Церамъ, находящійся во внутрениоспи земель Баншамскихъ, красивый,

многолюдный, хорошо построенный городъ. Домъ Резиденца, гдѣ мы остановились, выстроенъ пропивъ *далама* туземнаго правителя. Это щегольское, удобное помѣщеніе, подлѣ котораго находится домъ секретаря резиденціи, еще нѣсколько жилищъ Европейскихъ, гауптвахта и гарнизонныя казармы.

Въ Церамѣ увидѣлъ я Малайцовъ съ ихъ одеждою, нравами, природнымъ бытомъ. Уже въ окрестныхъ поляхъ замѣтилъ я множество мужчинъ и женщинъ изъ простолюдуства, разнообразно одѣтыхъ. Обыкновенную одежду мужчинъ составлялъ большой саронгъ, родъ заплата, или понявы, съ цвѣтами, и *коламби*, родъ куртки съ рукавами, весьма короткими, а для женщинъ юбка съ квадратами, и при ней верхняя одежда, сжатая въ шали и къверху, какъ будто длинная кофта. На головахъ, мужчины носятъ плапокъ, связанный въ родъ чалмы, и у каждаго за поясомъ находится кри. У женщинъ волосы подняты на верхъ головы, а въ ушахъ висятъ преогромныя серьги. Оба пола ходятъ босые.

Въ высшихъ званіяхъ одежда измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, времени, мѣсту, должности каждаго. Такимъ образомъ для чиновниковъ, окружающихъ Султана, есть нарядъ дворскій и нарядъ военный. Въ первомъ слѣдуетъ являться съ обнаженными плечами и руками, нагому до пояса, имѣя при себѣ одинъ кри съ правой стороны и острое оружіе съ лѣвой стороны; оно называется *ведунгъ*, и имѣетъ форму ножа. Оружіе это есть нѣ-

что символическое, и означаетъ, что носящій его всегда долженъ быть готовъ рѣзать праву и рубить деревья по повелѣнію своего власнителя. Форменный головной нарядъ при такомъ уборѣ состоитъ изъ кулука, калпака, изъ бѣлой шелковой шапки, или бархапа, опороченного золотомъ — подражаніе Арабской шапки, введенное на Ява Сулпаномъ Палангскимъ. Вся открытая часть шѣла напирается бѣловатымъ порошкомъ, или блестящимъ желтымъ. Самый Сулпанъ неосвобождается отъ такой форменности этикета. — Военное одѣяніе еще болѣе сложно. Требуется имѣть при немъ при кри: первый, купленный офицеромъ, который его носитъ, второй, переданный ему отъ его предковъ, а третий долженъ быть подаренъ ему родственниками его жены. Два изъ нихъ находясь по обѣимъ сторонамъ пояса, третий сзади. На правую виситъ еще съ лѣваго боку сабля. Остальной нарядъ составляютъ шаровары, называемые *шелана*, полосатая куртка, подъ нею бѣлый, застегнутый до горла жилетъ, и наконецъ огромная бархатная шляпа, кажется, вовсе бесполезная на сраженіи. — Изъ числа другихъ одѣяній упомяну объ одеждѣ жениха и невесты, когда идутъ они въ мечеть, гдѣ иманъ долженъ благословить союзъ ихъ. При такомъ случаѣ испощается все, что только имѣетъ утонченнаго нарядъ Малайскій. Покрывшій отъ пояса до пятъ великолѣпнымъ передникомъ, или юбкою, съ руками и верхнею частью шѣла обнаженными, но унизанными ожерельями и золотыми бляхами, съ зубчатою діадемою на головѣ, изъ-подъ которой ви-

сипѣ множество нишокъ жемчугу, женихъ идеѣтъ впереди провожаемыхъ, медленно, спокойно, спешенно. Невѣста слѣдуетъ за нимъ, одѣтая похоже на него, въ лучшихъ своихъ уборахъ, съ полуоткрытою грудью и голыми руками, въ длинной юбкѣ, въ кофѣ, перехваченной около талии, гдѣ виднѣтъ богатный поясъ, съ діадемою изъ золотыхъ бляхъ на головѣ, и съ браслетами на рукахъ. Онъ и она бывающъ одѣшны въ бабуши.

Все это видѣлъ я мимоходомъ, мелькомъ. Намъ можно было пробить въ Церамъ едва нѣсколько часовъ; но, по крайней мѣрѣ, по возвращеніи въ Бапавіа я сохранялъ вѣрное и самовидное впечатлѣніе о внутреннихъ обласіяхъ острова, и это вывело меня изъ круга идей, какія поражаютъ сей обширный, болѣе Европейскій, чѣмъ Малайскій городъ. Мои справническія походы были еще далеко не окончены, и мнѣ надобно было предостеречь себя отъ усладительной нѣги, царствующей въ жизни Бапавійскихъ креоловъ. Бурныя моря и дикія страны ожидали еще меня, съ испытаніями всякаго рода. И вотъ почему, едва только, на другой день по возвращеніи моемъ въ Бапавіа, представился мнѣ случай плыть въ Австралійскія земли, я просился съ моимъ добрымъ хозяиномъ. Почти со слезами на глазахъ заклиналъ онъ меня не даваться снова и добровольно въ опасности, довольствуясь уже совершеннымъ мною, столь разнообразнымъ и продолжительнымъ спранствованіемъ. Я невнималъ никакимъ дружескимъ увѣщаніямъ. Немедленно заключенъ былъ мною договоръ съ капитаномъ Повелемъ,

начальникомъ корабля *Кангуру*, долженствовавшимъ опплыть Октября 23-го, зайдши въ Сурабаіа, на восточномъ берегу Ява, дополнивъ шамъ свои припасы, и попомъ направиться къ Новой Голландіи.

Ничто не разспроило нашихъ предположеній. Съ разсвѣтомъ 23-го Октября оспавили мы большую гавань, и при пособіи въперка опъ береговъ, пошались мимо восточной части Яванскаго берега. Время было чудесное, въперъ добрый, и шрехъ дней было намъ доспащочно проплыть эпо прибрежье, гдѣ обыкновенно мѣшается плаванію В. въперъ. Мы обошли, чупъ пепронувши землю, мысы Банпаманъ и Бонангъ, образующіе два угла у полуострова Янарскаго, а попомъ, на висопахъ мыса Панка, вошли въ проливъ, отдѣляющій островъ Мадуре опъ большой, главной земли. Все разнообразіе земель Яванскихъ, покрытое роскошнымъ произрастаніемъ, раскрылось предъ нами. Мы могли различать, прошавшіяся опъ подошвы внутреннихъ горъ, прелестныя кофейныя плантаціи Шерибона и Япара. На всемъ эпомъ проспранствѣ видѣлись сквозь зелень деревьевъ во множествѣ селенія, съ своими бамбуковыми и рапановыми хижинами. За полуостровомъ Янарскимъ насажденія казались измѣнившимися. Тупъ меньше видно было кофе, но больше сарачинскаго пшена. Кофейныя поля появились ояпъ за округомъ Сурабайскимъ, между шѣмъ какъ Мадуре представлялъ болѣе засѣвовъ пшена сарачинскаго.

Обогнувъ мысъ Панка, мы вступили въ проливъ, здѣсь еще широкій на пяшь льѣ. Множество Явап-

скихъ бошовъ, сжашихъ въ этомъ пространствѣ, казалось, играли вокругъ насъ, плавая при пособіи пагаевъ и треугольныхъ парусовъ своихъ. Мы обонли мысъ Померанцевый, самое тѣсное мѣсто пролива, гдѣ на побережьи построена крѣпость, подчиняющая себѣ всю окружность. Оба берега были усыяны красивыми селеніями, отъ которыхъ выплывало множество лодокъ. Нашъ Кангуру, отличный ходокъ, проскользнулъ легко сквозь здѣшніе пинисные переходы. Вскорѣ замѣнили мы гавань Гриссе, одну изъ самыхъ знаменитыхъ на Ява для починки кораблей, и 26-го Октября бросили якорь передъ Сурабайскимъ резиденствомъ.

Послѣ Батавіа, Сурабаіа такое мѣсто, которое всего болѣе одолжено попеченіямъ генераль-губернатора Дендельса. Тутъ замѣчательны морской арсеналъ, прочная и широкая набережная на рѣкѣ Кедири, протекающей черезъ городъ, длинная насыпи, для воспрепятствованія засоренію рѣчного успья, монетный дворъ, верфи, липейная для ядеръ, и наконецъ домъ губернаторскій. Находясь внѣ города, всѣ сіи зданія сообщаются съ нимъ длинными и широкими улицами, по которымъ находятся каменные дома, украшенные вѣшными галереями. Прибрежныя части города, менѣ красивыя и менѣ здоровыя, оспающа въ водѣ большую часть года. Также генералу Дендельсу одолженъ Сурабаіа великолѣпною дорогою, проложенною сквозь болота и горы до Самаранга и соединенною съ дорогой изъ Самаранга въ Батавіа.

Нашему *Кангуру* нельзя было надолго оставаться въ Сурабаѣа, и мнѣ надлежало наскоро набиратьъ свѣдѣнія, по которымъ могъ я повѣрять цѣну изученій и замѣчаній полнѣйшихъ. Переправясь съ канипаномъ на одну изъ площадъ, при входѣ въ гавань, мы должны были вытерпѣть прежде всего осмотръ таможни, вполне владѣющей эпохо приморскою границею города. Городскія жилища Европейцевъ начинаются за таможенною чертою. Бѣлыя стѣны, крыши домовъ шеррасами, красивыя крышныя галлерей съ витыми столбиками—воистину прежде всего бросающаеся здѣсь въ глаза. На противоположномъ таможенъ берегу находится башня, владѣющая рѣкою и оканчивающая здѣсь предместье. Далѣе слѣдуютъ верфи; потомъ отдѣленіе Кипайское, оживленное, шумное, оживленное, какъ во всѣхъ нѣхъ городахъ, гдѣ расположились кочевья эшихъ бродящихъ повсюду шоргашей; потомъ являющаеся креольскій городъ, хорошо выстроенный, хорошо населенный; наконецъ жилища Резиденца, означенное павильономъ, зданіе въ два этажа, отражающееся въ волнахъ рѣки. У этого чиновника мѣсто свиданія всѣхъ лучшихъ людей города. Все общество составляетъ небольшое количество семействъ креольскихъ и Европейскихъ. Немногія изъ женщинъ говорятъ на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ Малайскаго. У нѣкоторыхъ изъ нихъ прекрасныя, выразительныя фizioгноміи, и почти всѣ отличаются ласковымъ и добрымъ обращеніемъ. Едва наступаетъ вечеръ, все здѣшнее общество сходится въ обширныхъ и прекрасныхъ залахъ жилища Резиденцова,

освѣщенныхъ лампами съ стеклянными шарами, и столь открытыхъ для прохлады воздухомъ, что проходящіе почти могутъ видѣть все собраніе, забавы его, и даже слушать разговоры.

Населеніе Сурабаіа составляютъ кромѣ того, какъ въ Батавіа, Малайцы и Кипайцы. Сюда часто пріѣзжаютъ обитатели ближняго острова Мадуре, составляющіе отдѣльный типъ въ семействѣ Яванскомъ. Нашъ корабль не могъ пребыть здѣсь болѣе сутокъ, и мнѣ невозможно было посѣтить этого острова, часть котораго могли мы видѣть съ Сурабайской пристани. Тамъ могъ я увидѣть нравы, обычаи, политическое образованіе народа, зависящаго отъ Голландцевъ только непосредственнымъ образомъ; подобно Лапласу и офицерамъ его *Любимицы*, я могъ присутствовать на пуземныхъ праздникахъ, обѣдать съ маленькими султанами островскими, и наблюдать ихъ въ смирной и роскошной ихъ жизни.

Едва только Любимица остановилась на нѣскольکو дней въ гавани Сурабайской, отъ одного изъ прехъ Мадурскихъ султановъ, Султана Банкалангскаго, получено было приглашеніе, столь убѣдительное, что капитанъ Лапласъ почелъ обязанностью принять его для себя и нѣсколькихъ своихъ офицеровъ. Переправились на приморье Мадурское, гдѣ сынъ султанскій ждалъ уже посѣтителей. Послѣ легкаго завтрака, чаемъ и Кипайскими закусками, сѣли въ двѣ коляски, долженствовавшія доставить путешественниковъ въ Банкалангъ, столицу Султана. Сынъ Султанскій, пушеводитель госней, былъ

высокаго роста молодой человекъ, мѣднаго цвѣта, начальствующій Мадурскимъ опрядомъ, находившимся въ Голландской службѣ, а попому, въ опличіе своего званія, онъ былъ въ мундиръ высшаго офицера Голландской конницы. Такой костюмъ неказался-бы слишкомъ спраннымъ безъ шюрбана, краснаго съ бѣлымъ, который Мадурецъ почелъ обязанностію сохранить подъ своею офицерскою шляпою.

Первое впечатлѣніе на Мадуре не было благопріятно для спраны, которую хощли посѣпить Французы. Тушь невидно было, какъ въ Сурабаіа, живаго и сильнаго произрашенія, но являлись поля, опаленныя солнцемъ, чахлая деревья, плохія жаввы. На оспровѣ мало воды, а вода подъ пропиками такое благо, котораго ничшо замѣнить неможеть. Попому и доходы Мадурскаго Сулпана состоятъ не сполько въ произведеніяхъ земли, сколько въ добывкѣ соли, довольно прибыльной, несмопря на монополію Голландцовъ, и въ неиспошимомъ изобиліи салангановыхъ гнѣздъ, которыми унизаны утесистыя и изрыпныя заливами скалы съвернаго берега.

Вдоль по дорогѣ являлись попеременно Мадурскія селенія, гдѣ каждый домъ, окруженный опдѣльно палисадомъ, казался маленькимъ оспровкомъ.

Въ при часа коляски переѣхали разстояніе, раздѣляющее Банкалангъ отъ мѣста, гдѣ приспали Французы къ Мадуре. Прибыли прямо къ палапамъ Сулпана, который принялъ чужеземцовъ благородно и почпищельно. Подлѣ него находился Голландскій Резидентъ, служившій вѣсьшо перевод-

чика начальнику Любимицы. Султанское жилище составляло одну изъ споронъ обширной Банкалангской площади. Оно открывалось обширнымъ дворомъ, копорый огораживали съ двухъ споронъ казармы Мадурской гвардіи, и посрединѣ копорого были два великолѣпныя дерева, живыя свидѣльства древности султанскаго шишула, ибо еще предокъ Султана посадилъ ихъ, съ великимъ обрядомъ, въ шопъ день, когда наименованъ онъ былъ *бангъ-горамомъ*. За эшимъ дворомъ слѣдовалъ дворецъ, зданіе поспройки легкой и щеголеватой, украшенное сполбиками, подъ копорыми проспиралось главное помѣщеніе, обширная, прямоугольная галлерей, открывшая со всѣхъ споронъ воздуху. Эшопъ огромнѣйшій кіоскъ былъ перерѣзанъ на чепыре часпи, прямымъ угламъ, двумя рядами сполбовъ. Двѣ залы походили шупъ болѣе на магазины, нежели на госпиныя — шакъ унизаны онъ были канделабрами, люспрами, спѣнными часами и другою дорогою мебелью. Двѣ другія залы составляли споловую. Кругомъ всего эшого, спрайной поспройки зданія находилось множеспво принадлежностей, баня, кухни, помѣщеніе для женщинъ, другое для служиспелей, и наконецъ зала музыкальныхъ инспрументовъ. Тутъ видны были эши односпрунныя орудія, довольно похожія на нашу скрышку, и состоящія въ кишечной спрунѣ, напянушой на половину скорлупы большаго кокосоваго орѣха, покрышаго весьма шонкою кожицею со спороны впадицы. Играющъ смьчкомъ изъ конскихъ волосъ, копорый всегда оснаеиця въ спрунахъ. Подлѣ сихъ орудій гармоніи являлись многія дру-

гя, производящія звуки еще болѣе ужасныя. Таковъ былъ родъ гонга, или джендера, составленнаго изъ восьми мапаллическихъ дощечекъ неравной величины, копорыя опъ палочки музыканна издають звуки соотвѣстственно ихъ объему; далѣе огромный барабанъ изъ пуспаго дерева, въ копоромъ, одинъ подлѣ другаго, находилось шесъ мѣдныхъ горшковъ, повѣшенныхъ въ разномъ распоянїи и величины разной. Ударяя по нимъ, музыкантъ извлекаетъ звуки, похожіе на звукъ мѣдныхъ шазовъ. Находились также здѣсь Кипайская шапка, огромный барабанъ, различныя гумъ-гумы, и шамъ-шамъ, вполнѣ подражающій гремящимъ ударамъ грома.

Едва прибыли Французы, какъ Сулпанъ началъ угощать ихъ разными увеселенїями. Первое состояло въ военной панпомимѣ, исполненной красивыми мужчинами, богато одѣтыми и вооруженными копьемъ и кри. Они приблизились двумя рядами, каждый въ предшеспвіи одного начальника, и идя принимали разныя воинскія положенїя. Красныя повязки съ золотымъ шипьемъ, бѣлыя шарфы, окружающіе шею и падающіе на голыя плеча, кушаки тысячи цвѣшовъ, за копорыя загнуто по множеству кинжаловъ, все умножало красоту этого зрѣлища. Панпомима изображала воиновъ, идущихъ на встрѣчу непрїятеля, и движенїя, и видъ выражали эпосоль разительнѣе, чпо самыя лучшіе актеры могли бы взять уроки въ сей дикой мимикѣ. — Обѣдъ, слѣдовавшій за пѣмъ, непредсавлялъ споль рѣзкаго характера національности. Услуга, кухня, вина — все было Европейское; даже собесѣдники почти

все были въ Голландскихъ мундирахъ, и только самъ Сулпанъ придерживался одежды на половину Малайской, на половину Голландской. Куртка съ генеральскими эполетами покрывала форменный жилетъ, изъ-за котораго видны были голая грудь и голая шея; вмѣсто панталоновъ Сулпанъ носилъ широкую поняву, едва закрывавшую его сухія и голыя ноги. Человѣкъ лѣтъ около 50-ти, хотя и темнаго цвѣта, хотя и съ расплоснутымъ носомъ, огромнымъ ртомъ, губами запачканными бѣселемъ, черными гнилыми зубами, лбомъ коропкимъ и выдавшимся, большими скулами, маленькими желтыми глазами, Сулпанъ вознаграждалъ все это ошкряпымъ, веселымъ, и въ то-же время ласковымъ, благороднымъ обхожденіемъ.

Особливо былъ эполтъ Мадурскій власпишель привѣтливъ къ Французскимъ своимъ посѣщителямъ. Казалось, что онъ выдумываетъ, чѣмъ-бы можно было развлечь ихъ, старается неупустить ничего, что только могло дать имъ благопріятное впечатлѣніе объ его величій и великолѣтіи. Послѣ обѣда гремѣла непрерывная и оглушающая музыка, сопровождаемая хоромъ женщинъ, разноголоснымъ и непріятнымъ. Пѣвицы, по большой части спарыя и некрасивыя, соспавляли часъ гарема сластолюбиваго Сулпана. Игра слѣдовала послѣ концерта. Съли вокругъ стола и играли въ «двадцать одинъ» (vingt-un), при чемъ Голландскіе чиновники и Кипайцы оказались отличными мастерами. Наконецъ роскошный ужинъ заключилъ первый день праздниковъ.

Но второй день был торжеством веселья немение. При восхождении солнца Французы пошли осматривать небольшой холмъ, на верху котораго было кладбище султановъ Банкалангскихъ. Тутъ въ загородкѣ находилось множество сараевъ, въ которыхъ заключаются саркофаги. На сихъ различныхъ памятникахъ можно было почти чинать время ихъ основанія, ибо такъ велико было различіе древнихъ отъ новыхъ, какъ въ образѣ постройки, такъ и въ выборѣ матеріаловъ. Самые старые были кирпичные, а другіе, болѣе новѣйшіе, изъ камней, грубо обтесанныхъ, либо изъ благаго мрамора и жилищаго гранита. Одинъ изъ сараевъ, съ древними гробницами султановъ Мадурскихъ, содержалъ еще множество другихъ, которыя уступали имъ вышиною. Султанскія почти все состояли изъ четырехугольных, срезанныхъ сверху пирамидъ, съ кускомъ сѣраго гранита, либо мрамора, на верху. Нисшія гробницы были могилы женъ, или родственниковъ султанскихъ.

Послѣ полудня удвоились вчерашніе праздники. Подспрекаемый нѣкошорыми, довольно цѣнными подарками, Султанъ постарался превзойти самого себя. Приказавши заложить шесть лошадей, въ сбруѣ по Европейски, въ свое великолѣпное ландо, онъ хотѣлъ, чтобы офицеры Любимицы прогулялись съ нимъ офиціально и торжественно. Экипажи выѣхали изъ султанскаго Двора при шумѣ разногласицы музыкальной, и все, что встрѣчалось имъ на пути, мужчины, женщины, дѣти, падало на колѣни, складывая руки въ знакъ глубо-

чайшаго почтешя. Далѣе встрѣтились вновь образованные полки Мадурскіе, и спарый Султанъ смотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Мадурцы суть благочестивые и изувѣрные мусульмане, и каждый годъ миссіонеры, прѣзжающіе сюда изъ Аравіи, разогрѣваютъ еще болѣе ревность этихъ жаркихъ послѣдователей Исламизма. Опъ различія-ли рода, или различія вѣры, они храбрѣе Яванцовъ, копорые боятся и убѣгаютъ ихъ. Худошавые и рѣдко высокаго роста, съ слабыми членами, они опцличаются широкимъ, расплюснутымъ носомъ, курчавыми и жесткими волосами, черными глазами, но шусклыми припомъ, рпомъ, копорый поршишъ употребленіе бешеля, и зубами, почернѣвшими опъ особенной для нихъ краски. Одѣваются они почти какъ Яванцы, въ узорчатый передникъ и куртку съ рукавами; пюрбанъ носятъ довольно обширный; крп всегда у каждаго; ноги у всѣхъ босыя. Впрочемъ, Мадурцы презвы, честны, безсипрапны, вѣрны своему слову, любяшъ роскошь, благочестивы, настойчивы и придерживающя своихъ преданій.

Вечернее празднество ожидало офицеровъ Любимицы уже не у Сулпана, но у сына его. Тупъ былъ изгнанъ придворный эшкешъ, и сановники Мадурскіе явились запросто. Жилище Сулпанскаго наследника было устроено по Европейски. Въ галлереѣ съ колоннадою, въ прохладныхъ и обширныхъ залахъ, окруженныхъ дворомъ, гдѣ помещались жилища женщинъ, услышали опяшъ проклятую разноголосицу музыки, какъ у Сулпана, съ

хоромъ пѣвунѣй, ешоль-же некрасивыхъ и ешоль-же крикливыхъ. Ужинали весело, пили шосты, головы разгорячились, и когда вспали изъ-за спола, Французскіе офицеры и Мадурскіе чиновники принялись плясать съ гаремными баядерками, которыми вельно было развешелять гостей. Скоро увидѣли много пляшущихъ въ Европейскихъ мундирахъ; молодежь Мадурская смѣшалась съ женщинами, и прыгала рядами и кругами, держа въ рукахъ длинный шарфъ. Увлеченный примѣромъ и немного разогрѣвшись отъ вина, добрый Султанъ самъ принялъ участіе въ пляскахъ. Ничего немогло быть любопытнѣе, какъ видѣть этого малорослаго старика, некрасиваго, худощаваго, сгорбленнаго, видѣть, какъ онъ, съ цвѣтнымъ платкомъ на головѣ, безъ галстука и безъ жилета, въ своемъ передникѣ и желтомъ поясѣ, нѣжно обвивалъ руками двухъ своихъ одалискъ, перегибалъ шѣю и наклонялъ рожу, то къ шой, то къ другой, желая нравиться и шребуя рукоплесканій отъ присутствующихъ. Если мало хлопали, онъ сердился, и своею Султанскою десницею колошилъ шѣхъ, кпо оказывалъ мало восторга. Едва самъ Султанъ вмѣшался въ забавы, веселость сдѣлалась самая шумная. Заставили плясать всѣхъ Мадурцовъ, заставили прыгать Голландцовъ, а наконецъ добрались и до Китайцовъ, самымъ уморительнымъ образомъ скрывавшихъ свое отвращеніе отъ Малайскихъ танцовщицъ и плясунѣй.

Рядъ праздниковъ заключился большимъ сценическимъ представленіемъ. Оно показывало еще дѣйствіе искусна драматическаго, и состояло только

въ Кишайскихъ пѣняхъ, которыя являлись за на-
паянушую пканью. На другой день офицеры Люби-
мицы возвратились на свой корабль, и попомъ имѣ-
ли честь принимать у себя и угощать власпи-
теля Мадурскаго.

Любимица останавливалась еще нѣсколько разъ
на здѣшнемъ берегу, прежде нежели начала свое
продолжительное дальнѣйшее плаваніе. Она бро-
сила якорь въ Пассаруангъ, главномъ мѣстѣ рези-
денціи сего имени, находящемся внутри залива, весь-
ма открытаго, на берегахъ небольшой рѣки Гум-
пангъ, по которой могутъ ходить только лодки.
Пассаруангъ производитъ большой шортъ сарачин-
скимъ пшеномъ, солью и Европейскими овощами,
которыя насаждаются съ большимъ успѣхомъ на
окрестныхъ высотахъ. — Попомъ была остановка
въ Безукіе, въ 14-ти льѣ далѣе, находящемся, по-
добно Пассаруангу, при небольшой рѣкѣ. Безукіе
маленькій городъ съ красивыми строеніями, между
которыя оплчаются жилища Голландскаго Ре-
зидента и туземнаго власпителя. Резиденство
Безукійское, населенное 400,000 человекъ, одно изъ
обширнѣйшихъ на островѣ Ява, но обитаетъ въ
немъ только побережье. Далѣе гористая земля
предоставлена чернымъ медвѣдямъ, кабанамъ и пиг-
рамъ. Побережье около моря испещрено красивыми
селеніями, въ которыхъ главное занятіе жителей
составляетъ воздѣлка кофейныхъ плантацій и по-
лей сарачинскаго пшена.

Подлѣ городка Панарукана, въ нѣсколькихъ льѣ
на югъ отъ Безукіе, находятся самые значитель-

ные засѣвы пшена. Это прелестное мѣстечко, съ великолѣпною аллеею изъ огромныхъ деревьевъ, обспавленною красивыми домиками, деревянными и покрытыми соломой. — Другой городокъ, посѣщенный офицерами Любимицы, былъ Бадиканъ, находящійся во внутренности земли, въ 10-ти льё отъ Безукіе, въ направленіи къ горамъ. Здѣсь уже обильно пшгровъ. Самыя дикія земли питають превосходныхъ живошныхъ, изъ коихъ должно упомянуть о волахъ, копорыхъ здѣсь цѣлыя стада. Ихъ приучають къ бою, и одинъ изъ владѣльцовъ Бадикана увеселялъ Франгузовъ зрѣлищемъ сего рода сраженій.

Изъ Безукіе направилась Любимица къ Суманану, впорому султанству Мадурскому, находящемуся на воспоной оконечности острова. Входъ въ Сумананскій заливъ довольно затруднителенъ, по причинѣ мѣлей, выходящихъ въ море. Прибрежье окружается здѣсь такою полосой грязи, что надлежало остановитъ корабль, на 4-хъ бассахъ воды, почти въ двухъ миляхъ отъ берега.

Султанъ Сумананскій оказалъ Франгузскому капитану пріемъ, нешоль веселый, какъ въ Банкалангъ, но неменьше гостепріимный. Дворецъ Султана почти неразличествовалъ отъ дворца его сосѣда, и шолько музыка была здѣсь Евронеиская, а не Мадурская. Власишель Сумананскій обязанъ саномъ своимъ Голландцамъ, копорымъ храбрость его была нерѣдко полезна. Онъ, въ послѣднюю войну, привелъ на Ява самыхъ смѣлыхъ союзниковъ. Высокаго роста, сильный, крѣпкій, съ важными, даже суро-

выми чертами лица, съ глазами черными и живыми, Сулпанъ Суманпскій имѣлъ всю наружность Азіяпскаго власпишеля. Суманпъ городъ незначительный. Его составляетъ рядъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ, одной стороною къ берегу, другою къ садамъ. Далѣе во внутренность земли почва довольно неблагоприятна, и только при пособіи труда производилъ сарачинское пшено, мансъ и сахарный проспникъ. Здѣшнюю сторону скорѣе можно назвать мѣстомъ защиты, нежели произведенія богатствъ. Голландцы особенно рекомендуютъ Сулпану, начальнику здѣшнему, наблюдать за безопасностью окрестныхъ морей, и упорно и постоянно преслѣдовать лодки пиратовъ, опускающія округи Бали и Ломбокъ. Иногда эти пираты собираются флотилиями, и не дожидаясь нападенія, сами предупреждаютъ его и выходятъ на берега острова. Для спасенія отъ такихъ бѣдствій, въ Суманпъ есть крѣпость, жалкой постройки; въ ея обложенныхъ дерномъ стѣнахъ находятся съ полдюжины пушекъ и съ сотню человекъ гарнизона.

Споянка въ Суманпъ сопровождалась также праздниками и увеселеніями — парадомъ Мадурскихъ воиновъ, большимъ пиромъ, гдѣ Сулпанъ показалъ невѣроятную роскошь хрусталя и серебра, и наконецъ баломъ, гдѣ видѣли любопытныя противоположности, Европейскія платья креольскихъ дамъ съ Малайскими костюмами, блиставшими отъ драгоценныхъ камней, и съ Мадурскими мундирами, болѣе легкими и почти полудикими. Сулпанъ хозяйничалъ на праздникахъ очень ловко и важно.

Любимица оставила Суманатъ, чтобы направиться къ проливу Бали, обогнувши мысъ Сандана, мѣсто соединенія, обычное для плавателей въ здѣшнихъ моряхъ. Вскорѣ открылся передъ кораблемъ эпонтъ проливъ, столь пагубный для торговли и мореплаванія, ибо здѣсь иланипъ все окрестныя оспровипяне дань смерти и грабежу. Бали есть одинъ изъ тысячи пѣхъ пагубныхъ припоновъ, гдѣ скрываются лодки пиратовъ, опустошающихъ моря Малайскія. Каждый заливъ здѣсь засада и при каждомъ мысъ опасность.

Говорятъ, что Бали былъ населенъ колонією Судускихъ оспровипянь, которыхъ заславили бѣжашъ изъ опчизны различныя припшенія. Они укрылись на здѣшній оспровъ и основали Бали-Балу, мѣстопребываніе одного изъ прехъ султановъ, раздѣляющихъ власть надъ оспровомъ. Бали-Балу, находящійся внутри небольшого залива, состоитъ изъ немногихъ хижинъ, обитаемыхъ полудикимъ народомъ. Кромѣ морскаго разбоя, пуземцы занимаются нѣсколько воздѣлкою разныхъ произведеній. Ежегодно нѣсколько лодокъ опвозяпъ въ Синкапуръ участокъ хлопчатой бумаги, кокосовъ, и множество превосходныхъ плодовъ, распущихъ въ здѣшнихъ лѣсахъ. Въ замѣнъ сихъ товаровъ берутъ нѣкоторыя Китайскія издѣлія, проспья пкани, желѣзныя мѣлочи и Европейскій шоваръ. Бали имѣетъ еще великорослую, красивую породу воловъ, опмѣченную бѣлыми паянами на спинѣ и ногахъ. Эти живошныя весьма сильны и превосходны для работы, но мясо ихъ невкусно. Оби-

пашели Бали соспавляють племя людей скопо-подобныхъ, свирѣпыхъ, но сильныхъ. Какъ невольники, они употребляютъ въ ручныхъ работахъ. Спрашное суевѣріе пягопѣетъ надъ здѣшнею спраною, и самыя изуверныя безумства Индійскаго полуострова здѣсь еще въ полной силѣ. Это спра-на, гдѣ первобытное вѣрованіе Яванцовъ кажется наиболѣе сохранившимся. Можно полагать, что оно было нѣкогда Буддизмомъ, но что Браманизмъ превозмогъ его, лишь приспа, или чепыреспа пому. Балійскіе жрецы одинаковаго характера, одинаково одѣты съ Индійскими, и пользуются такими-же преимуществами. Ведутъ они жизнь споль-же мистическую, созерцательную и преданную молитвѣ.

Послѣдняя остановка Любимицы на Яванскомъ берегу была въ Баніу-Вангуи. Это юго-восточный округъ острова. Прежде заброшенный и пустынный, теперь онъ покрытъ богатыми кофейными насажденіями. Главное мѣсто Баніу-Вангуи было прежде кучею бѣдныхъ хижинъ, построенныхъ подлѣ крѣпости, защищающей приморье. Тигры опустошали окрестности, а ближніе вулканы заливали берега лавою. И среди такого спрашнаго мѣста, Голландцы рѣшили основать полезную колонію, съ небольшими издержками. Надлежало расчистить лѣса, пробить пути для сообщенія, въ странѣ почти непроходимой. Для такихъ тяжкихъ трудовъ опредѣлили преступниковъ пуземныхъ, осужденныхъ на смертную казнь за воровство и убійство. Сначала эти несчастные принимались за работу съ отвращеніемъ, хотѣли луч-

пигры спокойно бѣгутъ въ лѣса, доканчивають тамъ свой обѣдъ оленями и козами. Впрочемъ, не всегда оказываютъ не жданные госпи сполько учпивоспи, и лошади, собаки, быки перѣдко пропадаютъ здѣсь безъ вѣспи. Если шакія пропажи слишкомъ усиливаются, жипели принимаются воевать съ дерзкими ворами, и ловяють ихъ ямами, прикрыпыми сверху лиспьемъ, гдѣ легко убиють звѣря, попавшаго въ шакую ловушку.

Однорогій носорогъ, извѣспный у еспесивоиспипашелей подъ именемъ Яванскаго, часпо вспрѣчается въ здѣшнихъ лѣсахъ, и особенно въ болониспыхъ, лѣсныхъ захопуспяхъ. Рѣдко эпо живопное напаетъ на чеповѣка. Одаренное силою необыкновенною, оно упопребляетъ ее шолько для зашпши своей, когда заспупляетъ ему дорогу. Дювосель, лучше другихъ описавшій эшого пахидерма, говоришь, что онъ принадлежитъ къ самымъ малорослымъ изъ всѣхъ извѣспныхъ родовъ. Рогъ, вырастающій у него со спароспью, кажется, лошпшь и округляетъ носорогъ нарочно преніемъ. Кожа носорога лежпшь складками на шепъ, надъ ногами и сзади плечъ и бедръ. Плечпныя складки занимають все шѣло, а ножныя всю шпирину ногъ. Другія незамѣпно оканчиваются, dospигая края шой часпи шѣла, къ кошорой направлены. Но главное оппичіе кожи здѣшняго носорога соспавляютъ шпшки, по большей часпи ппшиугольныя, кошорыми вся она покрыва. Можно-бы сказашь, что эпо родъ чешуи, хотя сїи шпшки сущъ накожныя возвышенности, разбросанныя по всему, покрываю-

щему шло объему кожи. Единственная шерсть, на кожѣ замѣчаемая, находилась въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ сходящаяся ряды шишекъ, а наиболѣе видна эта жесткая, черная щетина только въ двухъ мѣстахъ, на краяхъ ушей, и ниже и выше хвоста. Яванскій носорогъ, подобно другимъ своимъ собратьямъ, питается только правою, кореньями и молодыми опрысками деревьевъ. Онъ любитъ мѣста влажныя и тенистыя, и съ наслажденіемъ валяется въ грязи болошъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Баніу-Вангуи, Любимица оставила здѣшній заливъ и пустилась къ Гобаршъ-поуну. Она обошла такимъ образомъ, отъ залива до залива и отъ одного главнаго мѣста до другаго, весь восточный берегъ острова Ява, наименѣе посѣщаемый и наименѣе извѣстный.

Нашъ Кангуру также обошелъ мимо этого берега. Мы оставили Сурабаіа, и съ 30-го Октября вошли въ заливъ Бали, чтобы перейдя черезъ него въ великія моря Австраліи. Но неперя еще изъ вида земли Яванской, предмета столькихъ изученій, полезно будетъ сообразить здѣсь все, что представляетъ намъ любопытнѣйшаго Исторія, Археологія и Географія сего острова, дополненныя въ ближайшее время открытіями новыми, занимательными

ГЛАВА LXXXIX.

ОСТРОВЪ ЯВА. — ВНУТРЕННІЯ ЕГО ОБЛАСТИ И МѢСТА.

Резиденція *Batavia*, если она есть одна изъ важнѣйшихъ на островѣ Ява, то она также и самая малая по пространству земли. Въ 1818 году, когда превратили Ява Голландцамъ, Батавійскій округъ простигался на З. до рѣки Тжиканди, образуя, въ 13-миліонѣ оныхъ столицъ, предѣлы области Бантамской; на В. до рѣки Тжи-эрунь, отдѣляя резиденцію Кравангъ, на разстояніи также 13-миліонѣ. Наконецъ, къ Ю. простирался онъ до резиденціи Буиенцоргъ. Все это составляло пространство земли 186 квадрат. миліонѣ, съ 180,000 народонаселенія. Послѣ этого присоединили къ Батавіа, въ 1826 году, резиденціи Буиенцоргскую и Кравангскую, что почти удвоило ея пространство. Буиенцоргъ есть одинъ изъ самыхъ населенныхъ и самыхъ обильныхъ округовъ острова; онъ заключаетъ въ себѣ 12-ть кантоновъ, прежде образовывавшихъ многія управленія.

Округъ Кравангскій болѣе обширенъ; предѣлы его, на С. море, на З. округъ Шерибонъ, на Ю. округъ Преанджеръ. Прекрасныя насажденія сахарныхъ тростей и лѣсоплыи довольно свидѣтельствуютъ успѣхи земледѣльской и мануфактурной промышленности этой резиденціи.

Мы уже описывали *Бантамъ*, гдѣ счисляютъ 983 дессы, или селеній. Доходы области восходятъ почти до 200,000 флориновъ. Здѣсь производятся обыкновенныя *гинганы*, ананасныя нитки, горшки, рогожки изъ коры и бамбука, весьма уважаемыя, также особый сорпъ известки, весьма нѣжной, служащей и для штукатурки Европейскихъ домовъ, и для приготовления бешелевой жвачки туземцамъ.

Подлѣ Бантамской резиденціи примлежитъ резиденція *Преанджеръ*, самая обширная, самая богатая, самая важная на всемъ островѣ. Для переѣзда изъ Бантавіа въ Преанджеръ едва достапочно чепырехъ буйволовъ, чпобы тащить коляску по рыпвинамъ утесовъ. На самой возвышенной точкѣ дороги, вправо отпается гора Геде, изъ которой все еще извергаются столпы дыма; попомъhalbъ длинная цѣпь волнующихся уваловъ, выходящая за предѣлы зрѣнія. Въ нихъ вмѣщается Преанджерская область, состоящая, по статистическимъ таблица́мъ Спамфорда Раффлеса, двѣ девярыхъ доли всей поверхности Ява, или 10,000 квадр. Англ. миль.

Преанджерская резиденція дѣлится на чепыре округа, или управленія (*régences*): Сумадангское, Бандонгское, Тжанжорское, Лимбадангское. Упра-

вишли округовъ, или пуземные начальники, нынѣ сунъ пѣ-же попомки владѣльцовъ, копорые по прямой линіи наслѣдовали власнѣ государей, какихъ заспала здѣсь Голландская Компанія въ началѣ XVIII-го столѣтія. Эпи государи были въ свой чередъ попомки царспвенной опспрасли Панджажарамской, власпвовавней надъ всею западною частью Ява, до переворопа, произведеннаго распротспраненіемъ исламизма.

Главное мѣсто Преанджерской резиденціи *Тжанжоръ*, большой городъ, въ 6-ши льѣ опъ Буишпенцорга. Это, можетъ быть, самый красивый изъ всѣхъ городовъ чиспо-Яванскихъ. Улицы сунъ широкія аллеи, прямо просянуныя, обспавленныя грабинникомъ, или бамбуковыми плешнями. Надъ этими загородками высяцца плодовишыя, или съ пахучими цвѣтами деревья, копорыя, какъ будпо тѣпики, распягивающся надъ низенькими, красивыми домиками. Боковые переулки опряпны, правильны и пѣннышы. Спроенія, опдѣльно взяпыя, неимѣющъ никакой разспельной красопы, но общность ихъ радуешъ порядкомъ, соразмѣрностью и удобспвомъ. Посрединѣ города прекрасный базаръ, изъ копорого изгнаны Кипайцы, въ слѣдспвіе одной изъ пошлинныхъ мѣрѣ. До 1825 года Тжанжоръ былъ городомъ посредспвенной важности, но сосѣдспво Буишпенцорга и спаранія Барона Фанъ-деръ-Капеллена сдѣлали его городомъ прелеснымъ, промышленнымъ, снабжающимъ масперовыми людьми всю область. Другія главныя мѣста резиденціи, Бандонгъ и Сумадангъ, почши неуступающъ Тжанжору,

ни мѣстоположеніемъ, ни числомъ жилищей. Последний правитель Сумаданга, умершій за нѣсколько лѣтъ, имѣлъ шишуль *панджерана*; его *даламъ*, или дворецъ, былъ великолѣпенъ, и онъ угощалъ въ немъ Европейцовъ съ истинно царскимъ величіемъ. Въ южной части округа Бандонгскаго находящаяся *Гунонгъ-Гунтуръ*, ужасная огнедышущая гора, недавнія изверженія которой оставили печальныя воспоминанія.

Земли Преанджерскія находящаяся еще, въ слѣдствіе старинныхъ колоніальныхъ уставовъ, подъ игомъ монополій, принадлежащихъ для хозяевъ плантацій. Между тѣмъ, какъ всѣ другія резиденціи видятъ объявленную для нихъ свободу въ обработкѣ и свободный выборъ въ продажѣ произведеній, частный законъ ставитъ Преанджеръ въ общаго устава, и дѣлаетъ изъ него родъ фермы для генералъ-губернатора и его чиновниковъ. Сборка Преанджерскаго кофе не можетъ быть прямо опущена въ торговлю; ее должно передавать чиновникамъ, по 9-ти флориновъ съ 12 грошами (*sous*) за пиколь, какова бы ни была цѣна кофе, несмотря ни на урожай, ни на недородъ. Эта положенная цѣна непремѣнна между производителями и администраціею, единственнымъ покупателемъ, и о тяжести подобной мѣры можно судить по тому, что Голландская администрація острова Ява пользуется отъ нея всегда 30-ю и 40-ка процентами при перепродажѣ шовара. Всѣ 100,000 пикелей кофе, производимыхъ въ Преанджеръ, поступаютъ сперва въ складочный магазинъ, и потомъ уже генералъ-губернаторъ распоряжается

ихъ продажею. Чѣобы ни говорили въ защиту такого сѣранаго исключенія изъ общихъ условій, оно, неспоря уже о другихъ отношеніяхъ, прошивно проситъ разсѣнамъ полишки, дѣлаясь раззорительнымъ, и для нѣхъ, кто терпитъ его, и для нѣхъ, въ чью пользу оно обращается. Если плодородіе почвы Преанджерской даетъ средства и за нѣмъ области процвѣтають, невзирая на сѣбннтельную монополію, нѣмъ болѣе должно жалѣть, что основаніе споль богатое удерживается отъ полнаго развитія. Должно приниматъ въ соображеніе не то что есть, но что могло-бы быть.

Резиденція Шерибонъ лежитъ на С. отъ Преанджера, дѣлаясь на пять округовъ, или управленій: Шерибонъ, Маджа, Гало, Бенгаванъ-Вешпанъ и Кунинганъ, къ которымъ присоединены еще округа Индрамаіо и Кандангъ-Увьерь. На плоской землѣ здѣшней собираются сарачинское пшено, кофе и аренговый сахаръ. Находясь кромѣ того множествомъ шековаго дерева. Почти всюду введена шеперь здѣсь поземельная система. Благодаря этому роду управленія, Шерибонъ уклонился отъ борьбы туземной, споль долгое время ошягощавшей внутреннія области Ява. Считаютъ здѣсь до 658 десковъ, или селеній, въ уѣздахъ, принадлежащихъ правительству. Подать съ полей сарачинскаго пшена, въ 1822 году, составила сумму въ 302,144 флорина. Главное мѣсто области Шерибонъ, или по-Малайски *Тжи-Рибунъ*, по имени рѣки, шамъ протекающей, мѣсто, бывшее прежде весьма значительнымъ. Тутъ находится старая, неважная крѣпость, и въ ок-

респносяхъ ея показывають гробницу знамени-
го шейха Мулана, перваго проповѣдника исламизма
на оспровѣ Ява. Нѣсколько семействъ Европейскихъ
и Кишайскихъ торговцовъ составляютъ часть до-
спачочныхъ жилищей Шерибона. Остальное все
Малайцы. На предѣлахъ этой области простирает-
ся обширный лѣсъ Дайу-Лугурскій, въ кошоромъ
полагають неменѣе 50 Англійскихъ миль длины. Онъ
идетъ сплошь по всему пространству, но распо-
лагается рощами, въ промежуткахъ кошорыхъ вид-
ны пещанья *ланды*, безъ обработки и безъ вся-
каго произрастанія. Лѣсистыя мѣста состоятъ изъ
чащи деревьевъ, переплетающихъ свои вѣтви до
такой степени, что составляютъ онѣ гущь не-
проходимую. Повѣрятъ-ли тому, что даже днемъ
принуждены бывають здѣсь ходить подъ сводами
деревъ съ факелами въ рукахъ?

Слѣдующая за симъ резиденція *Тагальская* дѣлится
на три управленія: Тагаль, Бребестъ и Памалангъ.
Она обилуетъ сарачинскимъ пшеномъ, кофе, шаба-
комъ, каджангомъ. Народъ занимаетъ 1,141 селеніе.
Тагаль, небольшой городокъ, съ крепостью, произ-
водитъ съ внутренними областями значительную
торговлю, кошорою почти совершенно завладѣли
Кишайцы. Климатъ здѣсь весьма здоровъ.

Резиденція *Пекалонгангъ* дѣлится на два управле-
нія: Пекалонгангское и Банангское. Резиденціи жи-
ветъ въ Кадангъ-Кобаръ. Вообще счищаютъ здѣсь
1656 селеній, хорошо населенныхъ. Обиліе сарачин-
скаго пшена, шабаку, кофе, индиго и скоша. Глав-

ный городъ невеликъ и носитъ имя области; его населяютъ купцы Китайскіе и пуземные, производящіе прибрежную торговлю по морю съ Батavia.

Резиденція *Самарангъ*, раздѣляемая на три управленія: Самарангъ, Кендаль и Дамакъ, гораздо важнѣе. Въ ней считаютъ 1951 селеній. Главное мѣсто области, городъ Самарангъ, построено по Европейски, при рѣкѣ, устье которой заваливается грязью, съ прекрасными отдѣленіями Азіатскими, или Китайскими; считаютъ въ городѣ жителей до 38,000. Жаръ здѣсь сильнѣе, нежели въ Батavia. Термометръ (Фаренгейша) почти никогда не упадаетъ, даже и ночью, ниже 80°. Климатъ вообще нездоровъ. Одинъ изъ новѣйшихъ географовъ предполагалъ, но впрочемъ недостоверно, что опшода произошла страшная холера.

Если отъ Самаранга, находящагося на сѣверномъ краю оспрова, обратиться къ югу, то вспутите въ земли, слѣдующія за Преанджеромъ—классическую область оспрова Ява, гдѣ хранился пайна первобытнаго состоянія Яванской страны. Тутъ находящаяся эти храмы, остатки копорыхъ неуспутаютъ въ великолѣпій ни одному изъ существующихъ на Индійскомъ полуостровѣ зданій сего рода. Здѣсь создалъ свои зодческіе чудеса Буддизмъ, прежде нежели изувѣріе Мугаммеданское явилось почти совершенно изгладить сіе исповѣданіе на землѣ, ему принадлежавшей. Тутъ находятся храмы Боро-Бодоскій, Брамбананскій, дворецъ Куласанскій, тысячи нишей съ статуями Будды, угрю-

мыми, согбенными — монументальныя преданія, о которыхъ мы поговоримъ подробнѣе. Тутъ нѣкогда, въ прехъ тамошнихъ округахъ, смѣлый Яванецъ *Дипо Негоро* продолжалъ столь долго паршизанскую войну, ужаснувшую владычество Голландцовъ, и слѣды которой оспаяются еще видимы въ резиденціяхъ Каду, Суракарта и Джок-жокарта.

Резиденція *Каду* раздѣляется на два управленія: Магеланъ и Минорегъ, и въ ней счисляются неменѣе 4205 селеній, платящихъ ежегодной подати около 600,000 флориновъ. Главное мѣсто области *Магеланъ*, красивый городокъ, окруженный богатыми обработками земли. Сарачинское пшено, масло и пабакъ обилуютъ здѣсь, и на тучныхъ пажитяхъ бродящъ, рядомъ съ превосходною скопиною, лучшія изъ всего оспрова лошади. На границахъ сей резиденціи, но во владѣніяхъ султана Джоджокартскаго находящіяся знаменитыя развалины храма Боро-Бодо.

Резиденціи *Джоджокарта* и *Суракарта* находящіяся подъ непосредственною власпью князей Яванскихъ, происходящихъ опъ Мапарамскихъ императоровъ, власпъ коихъ была столь велика въ концѣ XV-го столѣтія. Послѣ войны 1755 года, Голландская Компанія раздѣлила между сими двумя князьями богатое наслѣдство. По ловкому расчету, кромѣ весьма значительныхъ владѣній, придали имъ пипулы панджерановъ. Наслѣдники власпителей, утвержденныхъ Голландцами, неизмѣнили довѣренности Европейской власпи на Ява. Въ послѣд-

немъ возмущеніи Дипо Негоро, они сражались съ бунтовщиками шугемными. По статистическимъ вычислениямъ Раффлеса, соединенное пространство обоихъ владѣній составляетъ неменѣе 11,300 Англ. квадр. миль, а народочисленіе до 1,657,934 человекъ, изъ коихъ 972,727 принадлежатъ Суракартскому государю, а 685,207 султану Джоджокартскому. Видимъ, что въ соображеніи съ другими, это самая многочисленная область земель Яванскихъ. Прекрасныя, обильныя долины, обширныя, древніе города, археологическія сокровища, особенный характеръ жилищей этой резиденціи свидѣствуютъ прилежныхъ и важныхъ изысканій. Городъ Суракарта, столица, довольно хорошо построена по законамъ Яванской архитектуры. Дворецъ, или *краттанъ* султанскій, обширенъ и состоитъ изъ множества зданій, каждое съ особеннымъ назначеніемъ. Въ Суракартѣ есть также Европейская часть, защищаемая крепостію, гдѣ всегда содержитсяъ гарнизонъ Голландскій. Вообще городъ, или лучше сказать, собраніе множества селеній на одной равнинѣ, содержитъ въ себѣ, какъ говорятъ, болѣе 100,000 жилищей. Народочисленіе въ Джоджокарта, по вычислениямъ Гамильтона, почти одинаково съ Суракартѣ. Этотъ городъ лежитъ въ 3-хъ миляхъ отъ приморья, на Ю. З. отъ Суракарты.

Развалины древнихъ зданій видимы здѣсь повсюду. Развалившіеся храмы встрѣчаются въ Брамбанѣ, Кобондаламѣ; потомъ *чанди*, или храмы въ Джонгрангѣ и Сиву, въ округахъ Маддионѣ, Карпазанѣ, Кешире и Сгенганѣ; далѣе еще раз-

валины древняго города Дара, о которомъ такъ часто упоминается въ летописяхъ Яванскихъ; храмъ Санпульскаго мѣса; залы, изсѣченные въ утѣсахъ Клошюка, оспашки Гидагскіе, древности Пенангараискія, и наконецъ прекрасныя и занимательныя обломки Суку, при подошвѣ горы Лаву. Гора Гунонгъ-Діенгъ, находящаяся на С. З. отъ горы Синдору, на предѣлахъ резиденціи Пекалонгангской, также замѣчательное мѣсто по развалинамъ, копорыя лежатъ здѣсь въ окрестностяхъ, на равнинѣ, возвышенной на 1000 футовъ отъ поверхности моря. Здѣсь открыли, какъ говорятъ, оспашки 400 храмовъ, расположенныхъ такъ, что они образуютъ улицы подъ прямыми углами. *Четыре ста храмовъ!* Это такое обиліе религіозныхъ зданій, копорому до сихъ поръ нѣтъ примѣра ни въ какой исторіи! Не должно-ли видѣть въ этомъ безмѣрномъ объемѣ развалинъ оспашковъ цѣлаго священнаго города? Слѣдуя древнимъ преданіямъ Яванскимъ, Гунонгъ-Діенгъ бывалъ всегдашнимъ мѣстомъ пребыванія боговъ Арджуна, Бима и Гапукача. Это Олимпъ Яванской мифологіи.

Оставляя резиденціи природныхъ владѣтелей и входя снова въ Голландскія-собственно области, мы найдемъ резиденцію *Джапара и Джоанна*, главный городъ копорой носитъ первое изъ сихъ именъ. Находясь на краю полуострова, Джапара оспашется вѣдъ дороги, идущей по всему сѣверному берегу Ява, отъ Башавіа до Сурабаіа. Джапарская резиденція вмѣщаетъ въ себя 947 селеній и дѣлилась на чепыре управленія: Джапара, Кудусъ,

Пампие и Джоанна. Земля покрыта прекрасными пековыми лѣсами. Поспавленная на приморьи, почти проливъ оспрова Манделика, мѣсто сборища форбановъ Малайскихъ, Джапара городъ довольно значительный. Здѣсь превосходныя лѣсопилины.

Сопредѣльная сюда резиденція Рембангъ состоитъ изъ чепырехъ управлений: Рембанга, Тубана, Раджаквессіе и Блора. Здѣсь находятся самыя лучшіе пековые лѣса, и прежде учреждено здѣсь было главное управленіе лѣсами оспрова. Главное мѣсто резиденція Рембангъ, съ одною изъ лучшихъ Яванскихъ гаваней. Прибрежное плаваніе довольно важно. Много верфей учреждено въ здѣшней области, въ Рембангъ, Тубанъ, Баншжаръ. На нихъ выпроеено уже множество кораблей — бриговъ, шкунеровъ, военныхъ судовъ, колоніальныхъ судовъ, и между прочимъ фрегатъ *Ява*, находящійся нынѣ въ Королевскомъ Нидерландскомъ флотѣ.

Гриссе, съ 1318 селеніями, образовывало прежде особенную резиденцію, но теперь она составляетъ участокъ Сурабайской. Городъ Гриссе, красивый и здоровый, служишь обыкновеннымъ мѣстомъ удаленія Европейцовъ, оставившихъ торговлю и нежелающихъ участвовать въ роскошной жизни столицы. Съѣстные припасы здѣсь дешевы и дома порядочные.

Мы уже говорили о *Сурабаіа*, главномъ городѣ резиденціи Сурабайской, гдѣ пять управлений: Сурабаіа, Джапанъ, Гриссе, Сидаіо и Ламонгангъ. — Сосѣдняя сюда резиденція *Пассаруангъ* дѣлилась на

при управленія: Пассаруангъ, Бангиль и Малангъ, въ коихъ полагають до 1688 селеній. Въ одномъ изъ здѣшнихъ округовъ, именно Граппе, лежишь замѣчательное озеро *Рану-Клиндонганъ*. Если вѣришь рассказамъ жителей, крокодилы, обитающіе въ этомъ озерѣ, живутъ въ добромъ согласіи съ окрестными туземцами, но перыши немогутъ и ѣдять всякаго чужеземца. Кажется, все дѣло въ томъ, что здѣшніе Яванцы приучили къ себѣ чужовицныхъ соседей, давая имъ кормъ по мѣрѣ ихъ потребностей. По словамъ Гогендорпа, Европейцевъ, посѣщающихъ озеро, увеселяють жители довольно спраннымъ зрѣлищемъ. Покормку крокодиламъ кладутъ на плоть; двадцать, или тридцать Яванцевъ бросающа въ озеро и толкають передъ собою добычу, назначенную ужаснымъ хозяевамъ его. По сдѣланному призыву, крокодилы всплываютъ на поверхность воды, непроглатывая людей и довольствуясь тѣмъ, что уносятъ живность, или дичь, на плоту находящуюся.

Два послѣднія резиденціи эпого восточнаго прибрежья суть *Безукіе* и *Бану-Вангуи*, главныя мѣста копорыхъ мы уже описывали. Въ первой счисляютъ до 899 селеній. Вторая еще только разрабатывается и заселяется.

Два большіе острова, принадлежащіе къ Ява, суть: *Мадуре* и *Бали*. — На первомъ 1100 дессовъ, или селеній, и народонаселеніе изъ 200,000 чело-вѣкъ, раздѣленное на султанства Банкалангъ и Суманангъ. — На второмъ власць Голландцевъ болѣе условная по имени. Земля дѣлится на восемь

маленькихъ, независимыхъ государствъ, образованіе копорыхъ малоизвѣстно. Стамфордъ Раффлесь полагалъ здѣшнее народочисліе въ 800,000, а Торнъ считалъ только до 400,000 человекъ. Островъ гористъ. Протяженіе его около 70-ми, ширина около 35 миль. Земля подымается поспешенно отъ прибрежья до внутреннихъ пиковъ. При подомѣ самаго высокаго изъ нихъ находится мѣстечко Карангъ-Асsemъ, начинаемое богатѣйшимъ изъ всѣхъ заселеній. За тѣмъ слѣдуетъ городъ Билингъ.

Оплочіе Бали отъ Ява, кажется, составляетъ то, что здѣсь не приняли живели реформаций исламизма. На всемъ Бали едва-ли найдется сопня Музульмаиовъ; всѣ другіе живели суть Буддійскаго, либо Браминскаго исповѣданія. Религія Индійская власивуетъ на Бали со всѣми своими кровавыми обрядами и сложными успавами. Тутъ находите дѣленіе на чепыре касты: Браминовъ, Ксампріевъ, Вакіевъ и Судровъ. Балійцы рослые, сильные, мускулистые народы Ява, и также гордые ихъ, дичье, необщипельные. Многоженство здѣсь въ большой силѣ. Желаящій жениться на дѣвушкѣ плашитъ опцу ея калымъ, и за то покупаетъ себя жену. Обыкновенная цѣна невѣсты до 50-ми піаспировъ. Если покупателю петьмъ заплашитъ, онъ идетъ въ работу къ будущему пестю, и расчипывается съ нимъ за невѣсту плашою пруда. У Балійцовъ есть дигама или гражданское уложеніе, и агама, уголовное. По нимъ дѣлаютъ изъясненія судьи. Воронство наказывается смерьюю — винованаго рѣжутъ посредствомъ кри. Убийству и измѣнѣ поло-

жено наказаніе въ родѣ колесованья; члены преступника ломають ударами шопора. Имѣніе наказанныхъ послушаетъ начальникамъ и судьямъ. Приговоръ, произнесенный судьей, долженъ быть подтвержденъ раджею. — Дома Балійцовъ различны отъ жилищъ въ Яванскихъ дессахъ. Подобно Индійскимъ хижинамъ, ихъ спроятъ изъ земли и обкладываютъ сженымъ, или сырымъ кирпичемъ. Механическія искусства весьма несовершенны: Балійцы шкутъ бумажныя пакани и выдѣлываютъ оружіе. Ихъ крисаваются по всему архипелагу Малайскому.

ГЛАВА XС.

ОСТРОВЪ ЯВА. ВСЕОБЩІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ. НРАВЫ, РЕЛИГІЯ, ДРЕВНОСТИ, ИСТОРІЯ.

Если вѣришь этимологамъ, названіе острова *Ява* происходитъ отъ *Ява-вутъ* (*rapicum italicum*), составлявшаго главную снѣдь первобытныхъ жителей. Туземцы именуютъ еще свой островъ *Тана*.

Ява находится между 103° — 112° долготы В. и $5^{\circ}52'$ — $8^{\circ}46'$ шир. Австральной. Длина его, отъ мыса Ява до самой восточной оконечности, 192 морскія льё; ширина между Ю. В. почкою залива Паджишана и мысомъ Япара 66 льё, а между устьемъ рѣки Сераіу и Сурабаіа измѣняется отъ 16-ти до 19 льё. Форма острова прямоугольникъ, и бока его довольно параллельны, такъ, что можно раздѣлить его на пять, или на шесть частей, копорыя образуютъ столько-же параллелограмовъ. Западное и сѣверное побережья, сильно вырѣзанныя, представляютъ защищенные порты и надежныя гавани.

При малой ширинѣ, на всемъ своемъ пространствѣ представляющъ Ява почти два шелько печенія водъ, о кошорыхъ можно упомянутъ, *Соло* и *Кедири*; первое пробѣгающъ центральную часть земли и впадаетъ въ Яванское море; второе сходитъ съ *Священныхъ горъ* и вливается въ море при Сурабаѣа, въ заливъ сего имени. О другихъ рѣкахъ едва сподобитъ говорить. Таковы: *Чи-Манокъ*, *Чи-Тандони* (самая большая изъ текущихъ на югъ), *Чи-Канжонганъ*, *Чи-Тарунгъ*. Въ каждомъ округѣ есть своя главная рѣка, почти всегда судоходная для прибрежныхъ судовщиковъ (*saboteurs*). На Ява нѣтъ и озеръ значительныхъ. Обширные объемы воды образуются въ дождливое время, но такіе налиты именуемые туземцами *рава*, высыхаютъ, когда муссонъ перемѣняется, и дѣлаются плодородными полями. Самое обширное изъ такихъ рава есть *Виттен-Зее* (море Внутреннее). Въ области Багаланъ, на югъ, находится небольшое, весьма рыбное озеро.

Поверхность Ява однообразно неровна. Весь сѣверный берегъ какъ будто заслоненъ маленькими островами, которые образуютъ наносъ земли печеніемъ рѣкъ. Онъ низокъ, пещанъ и грязенъ. Напротивъ, южная сторона углублена и обсажена базальтовыми углублениями. Островъ образуетъ такимъ образомъ амфишешъ, идущій отъ юга къ сѣверу, кроме нѣсколькихъ округовъ, кошорыя пересѣкаются поперечными цѣпами горъ. Первоначальная основа острова огненного происхожденія. Огнедышущія горы, всѣ оканчиваясь острыми пиками, являютъ бока, изрытые

впадинами, съ копорыхъ, въ дождливое время, льются попоки воды. Здѣсь маленькія цѣпи холмовъ возвышаются къ небу свои спранные базальтовые верхи; шамъ цѣни известняковыя являющіяся въ видѣ возвышенныхъ плоскостей; наконецъ, цѣпи шой и другой породы, полу-известковыя, полу-вулканическія, протягивающіяся вдоль береговъ подъ всеми формами и во всѣхъ направленіяхъ. Сѣрнистыя и минеральныя источники, колодцы нефти и каменнаго масла, огненные и грязныя изверженія, словомъ—всѣ явленія, сопровождающія вулканическое начало земель, непрерывно видимы во всѣхъ мѣстахъ Ява.

Геологія этого острова совершенно особеннаго характера, несоединяется, по крайней мѣрѣ, явнымъ образомъ съ системою горъ полуострова Малакки и острова Суматра. Горы на Явѣ не образуютъ послѣдовательныхъ цѣпей, но отдѣльныя купы, всюду вытѣкающія по линіи наибольшаго протяженія земли. Впрочемъ, не одна эта разница замѣчается между Суматра и Ява. Дерево шекое растетъ на послѣднемъ въ величайшемъ изобиліи, а на первомъ его нѣтъ. Суматра богата драгоцѣнными мѣшалами; Ява ихъ не производитъ. Наконецъ, почва Явская плодородна, но не родится на ней камфары—главнаго богатства, которое находится въ такомъ обиліи на Суматра.

Возвышеніе первостепенныхъ Яванскихъ горъ возходитъ отъ 4,500 до 10,000 футовъ надъ поверхностью моря. Первая цѣпь начинается въ Баншамъ; самый замѣчательный здѣшній пикъ есть Гунонгъ—

Карангъ. Вторая цѣпь *Салакъ*, которую мореплаватели называютъ также *Синими* горами. Третья цѣпь *Джеде*, или *Пангоранго*, у которой многія вершины вулканическія. Далѣе на востокъ великая вулканическая цѣпь, гдѣ находящіяся огнедышущія вершины *Унгарангъ*, *Мербабу*, *Мерапа*, а далѣе на В. *Япара*. Всѣ сіи цѣпи образуютъ 38-мь горъ, весьма различныхъ, покрытыхъ богатымъ произрастаніемъ и повсюду являющихъ слѣды поухишихъ кратеровъ. Въ разныя времена сіи кратеры извергали на Ява потоки лавы и дождь пепла. Явленіе болѣе странное произошло въ 1772 году, при краткомъ, но ужасномъ изверженіи. Къ западной сторонѣ *Шерибонской* области существовалъ тогда одинъ изъ огромнѣйшихъ *Яванскихъ* вулкановъ—*Пападаянгъ*. Въ ночь съ 11-го на 12-е Августа, свѣтлое облако необыкновеннаго вида облекло всю гору, и черезъ нѣсколько часовъ потомъ, когда жители не собрались еще бѣжать отъ диковиннаго ужаса, послѣ страшнаго взрыва гора провалилась. Можно-бы уподобить ревъ погибавшаго вулкана залпу изъ тысячи пушекъ; его сопровождалъ размахъ вулканическихъ камней, сброшенныхъ на множество миль кругомъ. Гора совершенно исчезла. Вся поверхность земли, на 15-ть *Англійскихъ* миль въ длину, на 6-ть въ ширину, была изверстана; 2957 человекъ погибло; всѣ насажденія были уничтожены. Странная громада, высившаяся на нѣсколько тысячъ футовъ надъ окрестностью, съ основаніемъ въ 15-ть миль поперечника, была поглощена сполнѣ совершенно, что теперь едва оплечаютъ на долину, гдѣ была она

прежде, возвышеніе земли не болѣе одного метра оп-
вѣсной высоты.

Такимъ образомъ подземные огни превозжають
эпоху огромный островъ, работающій и подры-
вающій его. Поверхность Ява вообще покрыта ба-
зальповыми утесами, на которыхъ высіяты извеспи-
ковыя громады; ихъ легко распознать по плоской
вершинѣ. Обломки базальта влекутся также водами
всѣхъ рѣкъ. Должно заключить, что архипелагъ
здѣшній не сушь опломки отъ материка, но напро-
тивъ острова, сославившіеся и спаявшіеся пошомъ
одинъ къ другому поспешенно.

Несмотря на славу о вредоносномъ здѣшнемъ кли-
матѣ, Ява наслаждается климатомъ здоровымъ по-
чти по всему его пространству. Температура пере-
мѣняется здѣсь только съ муссонами, дѣлаясь болѣе
влажною при юго-западномъ, болѣе сухою при
сѣверо-восточномъ; первый продолжается съ Октя-
бря по Апрель, а второй съ Апрѣля по Сен-
тябрь. Дождливое время сопровождается бурями;
громъ гремитъ въ ужасныхъ раскатахъ по горамъ,
и воды выходятъ изъ береговъ на долины. Жаръ
измѣняется, смотря по возвышенію земель. Въ Дже-
де термометръ показывающъ 14° (100 град.) въ 6
часовъ утра, и рѣдко переходить за 22° въ самый
зной дневной. Въ долине Самарангской, на 1000
фузахъ возвышенія отъ поверхности моря, термо-
метръ выходитъ до 7° и выше. На одной изъ вер-
шинъ горы Сундоро замѣтили не болѣе -5° , и ледъ
былъ тамъ не тоньше пята Франковика.

Такое-же различіе замѣчаютъ въ произрастаніи. Шестъ разныхъ климатовъ можно положить, начиная съ морскаго уровня до вершины горъ, и шестъ различныхъ порядковъ произрастанія слѣдующихъ имъ. Эту цѣпь прозябанія найдемъ здѣсь съ болотистыхъ до горныхъ (alpinеs) растеній. Ни одно мѣсто на землѣ Яванской не лишено произрастанія, покрываясь злаками и папоротью, и вознося вершины деревъ и кустарниковъ на высоты удивительныя. Въ первомъ разрядѣ надобно поставитъ растенія и деревья полезныя: сарачинское пшено, коего считается здѣсь до 400 сортовъ; маисъ, бобы (или каоджангъ), сахарный тростникъ, кокосы, арекъ и множество деревьевъ изъ породы пальмовой; хлѣбное дерево, насаждаемое въ нѣкоторыхъ областяхъ; дерево путешественниковъ (Мадагаскарская *cavenala*), перевезенное сюда Данпркасто; *паракъ*, или мыльное дерево (*sapindus saronaria*), хлопчатую бумагу многихъ сортовъ; *бендудъ*, изъ котораго печется эластическая гумма; высокіе папороты, иногда вырастающіе до 80-ти футовъ въ вышину; пековое дерево (*tectona grandis*), по-Малайски *погонъ-джаттьеръ*, жашьеровое, весьма употребительное для спройки и распускающее на Ява цѣлыми лѣсами; бамбукъ, выбѣгающій иногда до 35 футовъ въ вышину, съ поперечникомъ отъ одной линіи до полуфута, драгоцѣнность, изъ которой дѣлаютъ столбы для поддержанія зданій, помы, перегородки, разные столярныя и плотничныя издѣлія. Должно упомянутьъ еще изъ произрастеній: тамариндъ (*tamarindus indica*), по-Малайски *погонъ-ассамъ*, плоды

коего доспавляютъ превосходные конфекты; варингинъ (*figus benjamina*), дерево уважаемое Яванцами; множесство родовъ спроеваго льса, розамала (*liquidambar gasamala*), ки-бима (*pinus dammara*), изъ коего печенъ ароматическая, благоуханная гуммъ; гуру (*laurus geminiflora*), манглиетъ (*laurus mangliet*), разные роды palaglar micujak (*dicterocarpus retusus, trinervis* Блюмовъ), достигающій высоты 150 фушовъ; погонъ канари (*canarium commune*), съ плодами, изъ копорыхъ бюютъ масло; пинангъ (*areca catechu*), погонъ аренгъ (*arenga saccharifera*), изъ коего добываютъ сахаръ; лавръ различныхъ родовъ; погонъ миснганкъ (*styrax benzoë*), изъ коего идетъ врачебная гуммъ; погонъ-дассапъ (*erythrina indica*); джаракъ (*palma Christi*), невыраспающая болъе 12-ти фушовъ, съ плодомъ, похожимъ на треугольный оръхъ, изъ коего доспаютъ масло, извѣстное въ аптекахъ подъ именемъ рициноваго; джаракъ-маира, или краснолиственный джаракъ, копорый служиетъ Яванцамъ лекарствомъ отъ глухоты. Но исчисленіе лекарственныхъ прозябеній было-бы слишкомъ продолжительно. Плодовая прозябенія заключають въ себѣ: мангуспанъ, манги, ашпы, померанцы, лимоны, жамбозы, гранапы, рамбупанъ, намнамъ, гойявьеръ, билимбинги, панайеры, дуріонъ, ананасы, бананы, арбузы. Европейскіе плоды почти всѣ неродятся на Ява, кромѣ земляники. Цвѣточные расшенія рѣдки, за недоспашкомъ искусныхъ садовниковъ, но за то природа распочительна здѣсь на цвѣпковые куспарники и дерева. Въ числѣ послѣднихъ упомянемъ: погонъ-пжампака (*michelia tjampaka*),

погонъ каианга (*uvaria odorata*), малаппи косша (*gynopachis acuminata*), и проч. — Въ числѣ первыхъ: кашжа нирингъ (*gardenia florida*), обыкновенное малаппи (*jasminum sambac*), кампангъ сапану (*hibiscus rosa sinensis*), кабангъ мантега (*tabernaemontana coronaria*), шиніестъ куліепъ (*myrtus longifolia*), гага мирпра (*rhododendron*). Наконецъ, изъ правъ замѣчательны: камбангъ маланъ (*polyanthes tuberosa*), пукель ампангъ (*mirabilis jalappa*), патжаръ пжина (*impatiens balsamina*), камбангъ сопе (*mirabilis dichotoma*), камбангъ сагаріе (*vinca rosea*). Что касается до овощей, монополія ихъ предоставлена Кипайцамъ. Огороды, ими обрабатываемые, доставляютъ всѣ роды, обыкновенные въ ихъ опшечствѣ: морковь, фасоль (*haricot*), капусту, горохъ, огурцы, рѣпу, спаржу, поршулакъ, шпинатъ, лукъ, лапукъ, и проч.

Въ числѣ прозябеній находился на Ява одно, долгое время служившее поводомъ къ сказкамъ, самымъ спраннымъ и нелѣпымъ. Это погонъ-упасъ, ядовитое дерево. Безконечны были рассказы путешественниковъ XVIII-го и XIX-го столѣтій о вредныхъ его качествахъ, и быстрой и необыкновенной силѣ яда. По рассказамъ этимъ, дерево упасъ расло въ спранный пустынь и губило окреснъ себя все живущее. Пшипа, пролетѣвшая надъ его вершиною, издыхала; человекъ, мимо его прошедшій, падалъ бездыханный. Добываніе яда изъ упаса предоставлялось преступникамъ, осужденнымъ на смерть, и сіи несчастные почти всегда гибли въ такомъ опчаянномъ предпріятіи.

Всѣ сіи басни нынѣ заспавляютъ еспешвоены-
пашелей смѣяпсья. Погонъ-упасъ, ядовитое дерево,
кажеться, принадлежишь къ роду *strychnos*, или
antiaris, ядовитыя свойства коихъ описаны и хо-
рошо извѣстны. Двѣ породы деревьевъ особенно
кажеться принадлежанъ къ симъ смертоноснымъ
прозябѣніямъ. Одно изъ нихъ *arbor toxicaria* Рум-
фіуса, именуемое на Ява *antiarъ*, и распушее въ
воспочныхъ областяхъ. На Борнео и Целебесъ при-
надлежишь оно къ одноклѣннымъ распеніямъ (мо-
поѣсіе). У мужескаго цвѣшка чешуйчатая, черепо-
видная чашечка, вѣнчика нѣтъ, множество корош-
кихъ волоконъ вмѣсто пычинокъ, покрытыхъ че-
шуйми пріемника, коническая продолговатая форма
коего немного округлена на оконечности. У жен-
скаго цвѣшка вѣнчика нѣтъ; зародышь одинъ, яще-
видный, возвышенный; два длинные спилета и од-
но дыхательное опверзшіе; лиспья поперемянны
и продолговаты. Этошь *arbor toxicaria* одно изъ
самыхъ высокихъ распеній Яванскихъ. Голый пенъ
его, въ видѣ опвѣснаго цилиндра, выбѣгаетъ до
80 футовъ. Кора на немъ, къ низу, около полутора
дюйма толщиною. Если прорѣзать ее, выпекаетъ
желповатый сокъ — это ядъ, опасный для при-
касающагося къ нему, болѣе нежели *rhus radicans*
Европейскій. Лубокъ распенія столь жилистый,
что могъ-бы замѣнять *morus papyrifera*.

Другое ядовитое Яванское дерево, названное
опъ Лешено *tiouté*, болѣе лианъ, нежели дерево.
Спволъ его вѣтсья около окрестныхъ деревьевъ,

покрытый темно-красноватою корою, совершенно цилиндрический, дюйма полтора толщины. Изъ подъ коры течетъ кислый, вонючій сокъ — это ядъ. Верхушечные листья противоположны; другіе раздѣлены по двѣ, по три пары, овальны, нѣсколько копьевидны, цѣльны, кончашся острѣе, совершенно гладки сверху, а съ другой стороны испещрены параллельными жилками, съ корешками, иногда загнутыми корешками. Тѣмъ любима пѣнь, но антиаръ закрываетъ собою другія деревья. Ядовитый сокъ, извлекаемый изъ обоихъ деревьевъ, служилъ къ оштрафленію кри, и особенно тонкихъ, бамбуковыхъ стрѣлокъ, которыми стрѣляютъ изъ сарбакановъ (самострѣловъ). Нѣсколько разъ принимались дѣлать опыты надъ дѣйствіемъ оштрафленнаго оружія. Собака, пораженная имъ, издохла черезъ часъ, мышь въ десять минутъ, обезьяна въ семь минутъ, курица въ десять минутъ и огромный буйволъ въ два часа и десять минутъ.

Зоологія Яванская представляетъ также обширный и разнообразный репертуаръ. Прежде всѣхъ полезныхъ животныхъ должно назвать буйвола (*карбоу* по-Малайски, *мандингъ* по нарѣчію горныхъ жителей). Буйволъ на Индійскомъ архипелагѣ по-же, что волъ въ Европѣ. Мясо его здоровая и любимая пища; онъ пашетъ поле и свозитъ жатву; его запрягаютъ по нуждѣ въ плугъ, и такимъ образомъ становится онъ воевымъ животнымъ въ трудныхъ мѣстахъ. Яванскій буйволъ большой породы, съ гладкою шерстью, съ длинными, прямыми рогами; цвѣтомъ бываетъ бѣлый и черно-синеватый.

тый; послѣдніе уважаются болѣе, ибо они сильнѣе и мясо ихъ вкуснѣе. Мясо бѣлыхъ буйволовъ пища не столь здоровая. Буйволъ любитъ воду, и годовъ цѣлый день пролежати въ рѣкѣ. Его купаютъ нѣсколько разъ въ день, и едва опшпрутъ его, онъ бѣжитъ къ ближнему болому, съ наслажденіемъ въ него погружается, и часно выспавляетъ изъ воды только рыло, для дыханія. Животное это столь полезно на Ява, что спойлобы поощряли жителей къ умноженію его. Туземцы мало уважаютъ нашихъ быковъ и коровъ, и только въ нѣкоторыхъ внутреннихъ округахъ сіи животные входятъ въ область сельскаго хозяйства. Успѣшнѣе разводятся ихъ на Мадуре, и въ В. резиденціяхъ. Но въ Батавіа и Буиенцоргъ есть однакожь стада по 600, по 800 штукъ рогатаго скота, снабжающія бойни въ столицѣ острова. Яванскія коровы мѣлки и слабы, и напрасно стараются улучшить породу, перевоза быковъ изъ Бенгала, Капскихъ, Ново-Голландскихъ и даже Европейскихъ. Усиѣхи улучшенія медленны и почти незамѣтны донинѣ.

Лошади Яванскія сильны и скоры на бѣгу, но также малорослы. Невзирая на постоянные опыты улучшенія породы, принуждены еще прибѣгать къ лошадямъ Целебесскимъ и Тиморскимъ, имѣющимъ превосходныя качества. Уважаются также въ Батавіа лошади Пегуанскія, Бирманскія, Макассарскія. Спросъ къ лошадямъ въ Батавіа всеобщая; каждый содержитъ лошадей для упряжки и верховой ѣзды. У охотниковъ здѣшнихъ есть

свои Эпсомы и Нью-Маркешы. Правительство содержит скачки въ Тжанжоръ и въ Преанджеръ, гдѣ основанъ конскій заводъ барономъ Фанъ-деръ-Капелленомъ. Съ большими издержками вывезены для этого завода лошади Англійскія, Персидскія и Арабскія.

Почти всѣ будучи Мугаммедавы, Яванцы недержатъ свиней, употребленіе которыхъ въ пищу имъ запрещено. За то Кипайцы имѣютъ ихъ величайшее множество. Свинина Яванская нѣжнѣе и вкуснѣе Европейской; говорятъ, что есть ее гораздо здоровѣе въ здѣшнемъ климатѣ, нежели говядину, либо баранину. *Камбингъ волланда* (Голландская коза) — таково имя, которое даютъ нѣземцы барану, и оно доказываетъ, что это животное несамобытно на Ява. Вообще худые, щедушные, покрытые щетинистою волною, бараны и овцы не обильны на островѣ. Напрошивъ, козъ множество. Яванцы водятъ стада ихъ и пашаються козлятиною, которая гораздо лучше здѣсь, нежели въ Европѣ.

Птицы на Ява обиліе, и ее много употребляютъ какъ Яванцы, такъ и Европейцы. Курицъ и утокъ найдешь на кухнѣ богачей и бѣдняковъ. Соленыя ушачьи яйца составляютъ предметъ вывоза изъ округа Давіе, гдѣ содержатъ для сего больше 10,000 утокъ. Яйца ихъ, кажется, имѣютъ особенную доброшу и запахъ.

Дичина, малаго и большаго рода, водится на Ява въ обиліи чрезвычайномъ. Есть здѣсь кабаны, олени, *киданги*, маленькія, ошмѣнно вкусныя козы, зай-

цы, павлины, глухари, перепелки, гораздо больше Европейскихъ, и наконецъ, въ нѣкопорыя времена года, находятъ бекасовъ.

Опасные и дикіе звѣри водятся во всѣхъ лѣсахъ здѣшнихъ. Прежде всѣхъ должно пославить Королевскаго пигра и пестраго пигра, или леопарда, опъ копорыхъ, кажешся, породу составляетъ чернѣйшій пигръ. Дѣйствительно, находили въ пигровыхъ гнѣздахъ вмѣстѣ обыкновенныхъ пестрыхъ и черныхъ пигренковъ съ рябою шерстью. Сии живошныя производятъ въ поляхъ жестокія опустошенія. Обыкновенно пожираютъ они каждый годъ опъ двухъ до 300 человекъ жителей. Яванцы имѣютъ къ пигру особенное какое-то суевѣрное благоговѣніе. По селеніямъ дѣлаютъ складки, чпобы умилостивлять кровожаднаго сосѣда ежедневною подавнью мяса живошныхъ, падалиною и нарочно убиваемыми. Туземцы вѣрятъ, чпо при посредствѣ эпой дани, *Царь лѣсовъ* помилуетъ ихъ самихъ и спадъ ихъ. Но подобное условіе, какъ легко догадаться, часто нарушается пигромъ. Попому правленіе колоніальное установило награду за каждую представленную ему голову пигра. Съ пѣхъ норъ каждый годъ убиваютъ на Ява опъ 350-пи до 400 пигровъ. Ловятъ ихъ обыкновенно шакъ, чпо оставляютъ козу на днѣ глубокаго и широкаго рва, сверхъ котораго прилажена западня. Когда звѣрь попался, убиваютъ его оспрыми кольями, или запираютъ въ крѣпкую деревянную клѣтку, чпобы потѣшиться попомъ бипвою его съ буйволомъ.

Эти бивны, до которых спрасные охотники здѣшніе знапные люди, представляющъ зрѣлище довольно любопытное. Благодаря тому, что у буйвола оппачивающъ рога, онъ почти всегда оспашся побѣдипелемъ. Впрочемъ, шигръ боипся непріателя, прямо на него нападающаго. Чпобы оспашся смѣлымъ и напасъ самому, шигръ ищепъ случая захватишь непріателя сзади, либо въ распахъ; пошому, когда выпускающъ его прошивъ буйвола, онъ нерѣдко невыходипъ изъ своей клѣшки и жмешся, препенущій, въ уголку ея. Тушъ надобно выгоняшь его, упошребляя насильшвенныя средства, иглы, зажженныя головни, горячую воду. Иногда туземные власпишели дающъ зрѣлище, называемое *рампокъ-матжанъ*. При шакоемъ родѣ позорищъ, невшуская шигра на буйвола, оппирающъ клѣшку его посреди каре, сосшавленнаго изъ 2-хъ, или 3,000 человекъ, вооруженныхъ пиками, что сосшавляешъ вокругъ звѣря родъ стѣны изъ желѣзныхъ оспреевъ. Тигръ бѣгаешъ посрединѣ каре, и пошомъ, подспрекаемый крикомъ шолпы, спарашся перепрыгнушь черезъ ряды копьеносцовъ. Рѣдко при шакоемъ прыжкѣ непопадаешся онъ на подняшья копыя.

Яванскій носорогъ нешомъ опасенъ, какъ шигръ; если человекъ незагородишь ему пуши, онъ ненападаешъ на него. Чакаль, шигровая кошка, сосшавляешъ опустошителя лѣсовъ. Обезьянъ и оленей находишся здѣсь множештво родовъ. Слоновъ вовсе нѣшть.

Изъ птицъ найдется здѣсь почти всѣ породы, живущія въ Европѣ въ домашнемъ быту. Изъ по- пугаевъ здѣсь множество такихъ, которые совсѣмъ неизвѣстны въ другихъ странахъ жаркаго пояса земли. Въ числѣ ихъ замѣчательнъ красный лори красною и пестрою, съ крыльями фиолетовою оплыва, и бѣлый кашакуа съ желтоватымъ хохломъ. Голубой и черный лори знамениты тѣмъ, что доставили содержаніе не для одной прелестной сказки въ Тысяча и Одной Ночи. Казуаръ, эмотъ пѣпухъ-великанъ, у котораго крыловыя перья безъ пуху, спорофокамитъ по росту, кабанъ по перьямъ, козелъ по черепу, водится на Ява. Но самая любопытная изъ здѣшнихъ птицъ, безъ сомнѣнія, салангановая ласпочка (*hirundo esculenta*), о которой говорилъ я уже много разъ. Это родъ небольшой голубоватаго цвѣта ласпочки, тысячами живущей въ глубокихъ и мрачныхъ пещерахъ южнаго берега. Китайскіе Лукуллы высоко цѣнятъ гнѣзда этой птички, по виду совершенно похожія на померанцевую корку. Размоченныя и размякнутыя въ водѣ, они дѣлаются на слизистыя волокна, и въ эмотъ видѣ служатъ приправою рагу, похлѣбкамъ, вкуснымъ пирожкамъ. Афродіаическое свойство, по крайней мѣрѣ, предполагаемое въ нихъ, немало возвышаетъ такую приправу въ глазахъ Китайцевъ и дѣлаетъ ее дорогою по цѣнѣ. Блѣватая сущность, изъ коей составлены салангановыя гнѣзда, донинѣ худо изслѣдована. Одни видѣли въ ней морскую пѣну, а другіе, что вѣроятнѣе, часть насѣкомыхъ, которыми питаются птичка. Гогендорпъ

пщательнѣе изслѣдовалъ одну изъ самыхъ богатыхъ гнѣздами пещеръ въ области Клаппа-Нунгаль, въ нѣсколькихъ льѣхъ отъ Буишенцорга. Ппички, по вѣдѣмому, не удалялись далеко отъ входа въ пещеру, и тысячами влѣпали и вылѣшали онѣ, какъ будто пчелы изъ улья. Невозможно было предположить, чтобы ласпочки опшправлялись на берегъ моря искать матеріаловъ, и потомъ возвращались спротивъ здѣсь свои гнѣзда въ пещерныхъ ушесахъ, находящихся во внутренности острова. Хорошо плавающие и всегда раскупаемые, салангановыя гнѣзда составляютъ для Явскихъ владѣтелей средства къ пріобрѣтенію богатствъ. Земля съ Клаппа-Нунгальскою пещерою, о которой мы упоминали, доставляетъ владѣльцу ея ежегодно отъ 70-ти до 80,000 піаспровъ (350-ти и 400,000 франковъ). За сорокъ лѣтъ эпо сокровище было совершенно невѣдомо. Мѣлочной купецъ Португальскій случайно замѣтилъ входъ въ пещеру, около котораго росли безсчелныя стада ласпочекъ. Онъ тотчасъ понялъ цѣнность этого необдѣланнаго алмаза, и купилъ у правительсва нѣсколько дикой земли, проспиравшейся до подошвы горы, включая въ свою покупку и драгоцѣнную пещеру. Теперь сынъ этого шоргаша одинъ изъ самыхъ богатыхъ набабовъ острова, болѣе всѣхъ плавающихъ помѣщикъ изъ шрехъ округовъ, и всѣмъ этимъ одолженъ онъ ласпочкамъ. Для сборки гнѣздъ, шуземцы употребляютъ длинныя бамбуковыя лѣшницы, посредствомъ которыхъ доспигающъ они самыхъ обрывистыхъ мѣстъ въ ушесахъ, перелезая отъ одной

пещеры къ другой и опть обрыва къ обрыву. Иногда въ утесахъ только одно подземелье, иногда много ихъ, находящихся одно надъ другимъ. Чшобы сборщики, добывая гнѣзды, непокусилсь дѣлпшься ими съ хозяиномъ, ихъ допускающъ на сборку только нагихъ. При началѣ работы благословляющъ ихъ Мугаммеданскій священникъ, дающій благословеніе и по выходѣ изъ пещеры. Религіозный обрядъ эшопъ просто надзоръ. Музульманскимъ священникамъ дорого плащпшь, и за шо они надзирающъ за сборкою. Получивъ благословеніе, Яванецъ идещъ въ подземелье. Въ рукъ держпшь онъ факель изъ гуммиласника (*figus elastica*), надъ копорымъ находится гасильникъ. Едва опцупаещъ онъ въ шемношъ гнѣздо, подымаетъ гасильникъ и факель загараетъ, ибо шакъ сильна воспламеняемость гуммиласника. Тупъ легко снятъ гнѣздо, непугая безчисленныхъ пернатыхъ обиташелей пещеры. Вся сноровка эшой сборки состоиптъ въ шомъ, чшобы наблюдать время несепія яичекъ ласпочками, и шо, когда дѣшныши оставяптъ свои гнѣздушки. Въ оба эши періода сборки небываетъ. Чашъ гнѣздъ всегда собирается, пока ппичка не положила еще яичекъ. Эша сборка доставляетъ гнѣзда самыя чпсныя и бѣлыя, которыя называютъ въ торговлѣ первымъ соршомъ. Гнѣзды впорой и прешей добршты сущъ штъ, копорыя наскоро успраиваетъ ппичка въ другой разъ, и гдѣ выкармливаютъ она своихъ дѣпей. Несшоль красивыя и несшоль опрятныя, они бываютъ покрыты перушками, съ шрудомъ опсшающими оптъ нихъ, да-

же и при пособіи воды. Цѣна гнѣздъ салангановыхъ, обыкновенная, первой доброшы по 3000 піаспровъ за пикуль въ 125 фунповъ. Каждый фунпъ (livre) въ 16 унцій (onces) можетъ содержать опъ 50-ни до 60 гнѣздъ. Вторую доброшу даюпъ опъ 1400 до 1500 піаспровъ, а шретью опъ 700 до 800 піаспровъ за пикуль. Въ резиденціяхъ Джоджокар-па и Суракарша, нѣкоторыя изъ салангановыхъ пещеръ принадлежатъ правительству.

Райская пшичка развелась на Ява. Здѣсь считаюпъ ее до 10-ни, или 12 различій.

Пресмыкающихся здѣсь изобиліе; въ рѣкахъ множество каймановъ, а въ лѣсахъ безчисленное количество змѣй. Ихъ считаюпъ пшысячи родовъ, начиная съ боа-великана до билудака, маленькой эхидны, неболе 8 — 10 дюймовъ въ длину, но ядовитое укушеніе которой причиняетъ мгновенную смерть. Лекарствомъ прошивъ нея считаюпъ прижиганіе горячимъ желѣзомъ, или адскимъ камнемъ, а также пріемъ спирту изъ оленьяго рога и аммоніака. Но достоверность послѣдняго, по крайней мѣрѣ, сомнительна. Между вредными насѣкомыми должно упомянуть о скорпіонахъ и пшысяченожкахъ — язвъ жилищъ. Прошивъ нерѣдко случающихся укушеній ихъ, Яванцы употребляютъ луковые кашаплазмы, или известку, служащую для приготоовленія бешеля.

Валенпинъ насчитывалъ на Ява 538 родовъ рыбъ. Новѣйшіе еспешвоиспытатели, Темминкъ, Реинвардпъ, Блюмъ, еще болѣе увеличили длинный спи-

сокъ ихъ. Этимъ просвѣщеннымъ, трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ ученымъ естественное познание Ява одолжено частными трудами, гдѣ они изобразили его подъ всеми видами и во всѣхъ подробностяхъ.

Этнологія острова неменѣе любопытна для изученія. Племя, населяющее здѣшнюю землю, есть различіе отъ Малайскаго покровія, разсыпаннаго на длинной цѣпи острововъ, которые идутъ отъ Ахемскаго угла Суматра до южной конечности Тимора. Это родъ людей съ цвѣтною кожей, сильныхъ, складныхъ, съ широкимъ ртомъ, короткимъ и узкимъ носомъ, рѣдко выдавшимся, маленькими глазами, но живыми и черными, волосами черными, длинными и грубыми. Женщины двумя грудями малорослѣ мужчинъ, съ цвѣтомъ кожи золото-желтымъ, и этнопъ померанцевый цвѣтъ славится въ Яванской поэзіи, какъ свѣтлая близна нашихъ красавицъ въ мадригалахъ и романсахъ. Для Яванокъ придуманы даже припиранья, дающія желтизну, какъ для Евронейскихъ дамъ бѣлилы и румяны.

Эти мѣдноцвѣтные народы дѣятельны, промышленны, ловки, лукавы и особенно надмѣнны. Ихъ почитаютъ, или авпохтонами, или происходящими съ Бирманскаго полуострова. Последнее мнѣніе принадлежитъ доктору Буханану, но Кравфордъ не раздѣляетъ его.

По тѣлесному сложенію, Яванцы крѣпки и здоровы. Продолженіе жизни почти тоже, что въ Европѣ, и спольшіе спарики здѣсь не рѣдкость.

Воспалительныя болѣзни менѣе извѣстны и менѣе опасны, нежели въ Европѣ. За то лихорадки губительны для народонаселенія. До введенія коровьей оспы, оспа производила также на Ява сильныя опустошенія. Чума и водяная болѣзнь, кажется, здѣсь невѣдомы, но увѣряютъ, что одно изъ мѣстъ на Ява, Самарангъ, было первоначальнымъ мѣстомъ происхожденія холеры-морбуса.

Въ климатѣ столь знойномъ, и когда законъ Мугаммеданскій предписываетъ омовенія, бани считаются необходимостью, дѣлаются привычкою, обязанностью. Безпрерывно моются Яванцы и бросающіяся въ воды рѣкъ и ручьевъ. Солнце, въ нѣкоторыя времена года, свѣтитъ такъ ярко, что удары лучей его дѣлаются смертельными. Поэтому мужчины рѣдко ходятъ незакрывши головы плащомъ; женщинъ достаточно защищаютъ ихъ длинныя, заплетенныя волосы. По слухамъ предразсудку, здѣсь думаютъ, что свѣтъ мѣсяца бываетъ также опасенъ. Даже Европейскіе мажоры убеждены, что мѣсячные лучи оказываютъ вредное вліяніе на здоровье, и тщательнѣе предохраняютъ себя отъ нихъ.

Характеръ Яванцевъ тихій, беспечный и уживчивый. Начальникъ повелѣваетъ крошечко и наказываетъ безъ жестокости, паяжкой и бесполезной; кромѣ того, Яванецъ презвъ, щепетливъ, доволенъ немногимъ, покоренъ своему природному повелѣнію, гостепріименъ ко всѣмъ путешественникамъ, къ какому-бы народу они ни принадлежали, привязанъ къ своимъ народнымъ преданіямъ и любитъ землю, гдѣ

родился. Въ противоположность такимъ добрымъ качествамъ надобно присовокупить, что Яванскіе шудецы завистливы, ссорливы, иногда обманчивы и злы, всегда суевѣрны и легковѣрны. Последнему пороку подвержены они въ невѣроятной степени. Исключая немногихъ, которые пославлены выше ребяческихъ повѣрьевъ сообщеніемъ съ Европейцами, все Яванцы вѣрятъ снамъ, предвѣщаніямъ, колдовству и очарованію. Они думаютъ, что духи обитаютъ въ горахъ и въ лѣсахъ. Если воры приходятъ на свой промыселъ, то бросаютъ на домъ немного земли, взятой изъ вновь вырытой ямы, полагая, что этимъ наводятъ они лешаргическій сонъ на всехъ живущихъ въ домѣ. Если можно бросить по немного земли на посѣли, воображаютъ, что такое околдованіе подѣйствуетъ еще сильнѣе. Такія повѣрья доходятъ нерѣдко до того, что поражаютъ нелѣпымъ заблужденіемъ цѣлое народонаселеніе какого нибудь округа или области. Однажды старой колдунѣ померещилось, что божественная какая-то сила низойдетъ съ горы Сумбингъ, одной изъ высочайшихъ горъ святой области Яванской. Тотчасъ пять, или шесть тысячъ людей принялись за работу, и два мѣсяца работали, чтобы долину окрестную сдѣлать болѣе удобною для спуска небеснаго гостя.

Вмѣстѣ съ Яванцами, на островѣ живутъ другія племена, уже описанныя и извѣстныя: Китайцы—кочующіе торгаша Азіи; Мавры, перешедшіе сюда съ Декканскаго полуострова; Малайцы и Буги полуторгаша, полу-разбойники; Арабы, въ одно время

промышленники и священники; наконецъ, поколѣніе мешисовъ, называемое Португальцами.

Яванцы почти все Мугаммеданы. Будетъ около трехъ вѣковъ тому, когда Исламизмъ проникъ на здѣшній архипелагъ, и успѣхи его на Ява оказались таковы, что теперь считаютъ только два селенія, оставшіяся вѣрными древней религіи Буддизма. Изъ нихъ одно, принадлежащее поколѣнію *Бедуи*, находится въ отдаленномъ углу резиденціи Бантамской, а другое въ восточной части острова.

Яванцы довольно своевольные послѣдователи догматовъ исламизма, но строго наблюдающъ все внѣшнее обряды. Обрѣзаніе, омываніе, постъ во время Рамадана, воздержаніе отъ нѣкоторыхъ запрещенныхъ мясъ вспрѣчаютъ мало противниковъ. За то Яванцы совершенные невежды въ нравственности и духовныхъ идеяхъ Мугаммеданства, и не всегда воздерживаются отъ крѣпкихъ напитковъ, какъ слѣдовало-бы истиннымъ правовѣрнымъ. Такому невежеству подвержены и самые священники, не только міряне. Не многіе изъ имановъ умѣютъ читать Алкоранъ, и еще меньше имѣющихъ пишуль *гаджи*, или святого, получаемый спранспововавшими въ Мекку. Все знаніе духовныхъ ограничивается чтеніемъ и письмомъ кое-какъ, бормотаньемъ нѣсколькихъ *суратъ* изъ священной книги и разными пѣснопѣніями, которыя введены при молитвахъ. Поэтому, какъ духовенство, такъ и правовѣрные, ими называемые, неопредѣляются строгостью нравовъ. Религія Мугаммеда на Ява снисходительна и уступчива, и посредствомъ имановъ смягчающъ все ея строгія пред-

писапія, а нравственностъ спановишся весьма мало наставительною. Часто припомъ носишъ она на себѣ оппечашокъ первобытнаго Яванскаго вѣрованія и спановишся смѣсью Исламизма съ Буддизмомъ. Такимъ образомъ, кромѣ двухъ великихъ праздниковъ, предписанныхъ Кораномъ, Яванцы опправляютъ прешій большой праздникъ, въ честь своихъ предковъ. Эпо здѣшнее самобытное торжествъ, которое приспавлено къ мугаммеданскому воспоминанію о днѣ рожденія Мугаммеда. При духовныхъ процессіяхъ носишъ здѣсь позолоченныя фигуры змѣи, или *нага* живоппаго, похожаго на гуся, и еще одного урода въ видѣ оленя. Всѣ сіи изображенія, явно Браминскіе символы, совершенное разнорѣчіе съ господствующею нынѣ религіею.

Какъ во всѣхъ спранахъ, гдѣ власивуешъ Мугаммеданство, многоженство позволено на Ява, но ограничиваешся почти только богатыми людьми, имѣющими средства покупать себѣ женъ за золопо и содержащъ гаремы. Обыкновенно князья и начальники первыхъ степеней имѣють по чепыре жены законныхъ, кромѣ множества побочныхъ; начальники нисшихъ степеней по двѣ, и иногда по три жены; простолюдины принуждены ограничивашся въ своихъ *кампонгахъ*, или селеніяхъ одною пишулярною женою. Правда, законъ, весьма снисходительный въ эпомъ оппощеній, позволяетъ легко развестись, но чаще всего случается, что жена, имѣя дѣтей, или завладѣвши первенствомъ въ домашнемъ быту, доспигаешъ до свободного уничтоженія такого успава, и обращаетъ его, напрошивъ, въ свою пользу.

У князей и правителей бываетъ первая почетная жена, съ которою почти никогда не разводясь, потому что вообще берутъ ее изъ семейства, равнаго значностью семейству мужа. Въ семъ случаѣ супружескія условія такъ утверждаются, что только важнѣйшія причины могутъ довести до развода. Женѣ при такихъ преимуществахъ даются большія права. Она идетъ наравнѣ съ своимъ мужемъ, принимаетъ почести *далама*, и повелительно властвуетъ другими женами, устанавливая всѣ ихъ отношенія и права.

По всему этому, женщины на Малайскомъ архипелагѣ не находясь въ томъ состояніи униженности, какому подвержены онѣ въ другихъ Мугамеданскихъ земляхъ. Мужъ покупаетъ жену, платитъ за нее калымъ, но черезъ то не почитаетъ себя въ правѣ обходиться съ нею презрительно. Жена обѣдаетъ съ нимъ и дѣлается участницею его счастья и бѣдствія. Она можетъ являться въ публику безъ препятствія и безъ соблазна, участвуетъ въ совѣщахъ и пиршествахъ, и не исключается изъ званій общественныхъ. Нѣсколько женщинъ повелевали Малайскими сиранами.

На Ява женщины работающія, отправляютъ разные ремесла и ходятъ по улицамъ занимаясь ими. Только Яванки высшихъ званій сидятъ въ заперти, но Европейцы часто допускаются во внутренность самыхъ знатныхъ гаремовъ.

Женщинъ отдають за-мужъ весьма молодыхъ. Въ двадцать лѣтъ дѣвушка уже старуха. Если

опецъ молодого Яванца полагаешъ, что сынъ его нашелъ себѣ приличную невѣсту, онъ относился съ предложеніемъ о бракѣ къ родителю молодой дѣвушки, а потомъ переговоры отдаются на руки женщинъ и кончались стоворомъ. Тогда женихъ посылалъ отъ себя подарки, состоящіе въ кольцо, или кусокъ шкани, съ прибавленіемъ арекового орѣха, называемаго *pienanang*, отъ чего происходитъ и самый глаголъ *tapriepang* (обручаться). После такого перваго обряда семейство и друзья жениха являются въ свой чередъ, и представляютъ *ламарамъ*, подарки, которыми дается общее извѣстіе о началѣ союза. За тѣмъ устанавливается между родителями: какая будетъ цѣна невѣстѣ и чѣмъ платить за нее, деньгами, украшениями, шканими, сарачинскимъ пшеномъ, буйволами, и проч.

Когда всѣ сіи предварительные обряды учинены, женихъ идетъ въ мечеть, гдѣ *пангулу* спрашиваетъ у него: заплашилъ ли договорную цѣну за невѣсту? После утвердительнаго отвѣта произноситъ онъ слѣдующую священную формулу: «Соединяю васъ, такого-то, союзомъ супружества, съ такою-то, и да будетъ она тебѣ жена опнынѣ. Исполни свои обязательства, или останешься должникомъ. Ты отвѣчаешь за поступки жены своей. Если ты будешь отсутствующимъ изъ дома своего болѣе семи мѣсяцовъ на землѣ, болѣе года на морѣ, неоспавивъ ей средствъ существованія, бракъ вашъ будетъ распорѣзнутъ по требованію жены, безъ всякихъ обрядовъ, и подвергнешся ты взысканію по закону Мугаммеда.» После такого религіознаго бла-

гословенія по правиламъ Исламизма, слѣдуетъ обрядъ число Малайскій. Онъ состоитъ въ томъ, что возящъ обвѣчанныхъ, въ украшеніяхъ и дорогихъ плащяхъ, на лошади, или въ паланкинѣ, и показывающъ въ самыхъ многочисленныхъ мѣстахъ города, или селенія, гдѣ живутъ они. Если супружество совершается между людьми почтенными, процессія предшествуетъ челоуѣкъ въ шуповской одеждѣ, кривляясь и коверкаясь. Такимъ образомъ достигаютъ до жилища отца молодой, гдѣ соединяютъ сунруговъ, заспавляя ихъ ѣсъ сарачинское пшено съ одного блюда и жевая бешель изъ одной коробочки. Это почти *конфареція* Римская. Иногда молодую заспавляютъ мышь ноги своего мужа. Въ иныхъ обласпяхъ несутъ передъ новобрачною зажженную головню, и потомъ тушатъ ее въ водѣ. На другой день послѣ обряда, молодой ведетъ жену въ свое жилище, гдѣ разные праздники дополняютъ бракосочетаніе.

Многоженство, по видимому, уменьшается на родонаселенія на Ява. Спацистика доказываетъ, что оспровъ безпрестанно выигрываетъ въ семь опношеніи. У нѣкоторыхъ изъ власпишелей число дѣтей весьма большое. Правитель Тубанскій, на примѣръ, имѣетъ ихъ до 68-ми челоуѣкъ. Умноженіе семейства празднуется съ великою пышностью. Если женщина беременна первымъ ребенкомъ, то даютъ большой праздникъ; послѣ седьмого мѣсяца беременности праздникъ еще; при рожденіи дѣтяни шрелій праздникъ, и тогда-же даются младенцу имя. Оно всегда бываетъ произвольное,

и фамильных именъ никакихъ нѣтъ. Благочестивые люди избираютъ имена Арабскія; другіе берутъ Малайскія прилагательныя — добрый, любезный, великодушный, и проч. — Подобно Аравіянъ, отецъ прибавляетъ къ собственному своему имени имя первороднаго сына. Мальчикамъ совершаютъ обрѣзание между 8-ю и 12-ю годами.

Похороны отправляются благочинно, безъ крику, безъ шума; если кто умеръ ночью, хоронятъ его на другой день; если кто умеръ днемъ, погребеніе совершаютъ до захода солнца. Деревянная загородка, земляная насыпь означаютъ мѣсто каждой могилы; рѣдко присоединяютъ къ этому надгробный камень, или надпись. Кладбища окружаются *самбаджамы* (*plumieria obtusa*), зелень которыхъ внушаетъ почтеніе. Но при кончинѣ человека богатаго и знатнаго, наблюдается однакожь обрядъ великолѣпіе. Всѣ родственники покойнаго и родственницы собираются въ жилище его и получаютъ тамъ по нѣскольку серебряныхъ монетъ. Каждому священнику даютъ по пасапру, по шпукъшкани и по маленькой рогожкѣ. Тѣло моютъ, завертываютъ въ бѣлую ткань и кладутъ въ гробъ, покрытый расписаннымъ полотномъ и цвѣточными гирляндами. Чѣмъ богаче и великолѣпіе погребеніе, тѣмъ болѣе видно дорогихъ копѣй и красивыхъ зонтиковъ. Толпа друзей и родныхъ провожаетъ умершаго до послѣдняго жилища и удаляется не прежде, какъ по произнесеніи священникомъ прощальной молитвы. Молитвы эти продолжаются еще недѣлю въ домѣ умершаго. Каждый день има-

ны приходящъ шуда просишь Бога за упокой души. Въ шрешии, седьмой, чешырнадацашый, сотый и пысячный дни послѣ смерти ошправляются праздники, именуемые *сидика*, и состоящіе въ родѣ похоронной службы и поминовенія. Разумѣется, что все это дѣлають только послѣ осшавившихъ богатое соснояніе покойниковъ. — Слѣдую своему народному обычаю, Кишайцы здѣшніе ошправляютъ обряды погребенія споль-же пышные и шумные Малайскихъ. — У Каланговъ есшь обычай разби-вашь кокось, молоко котораго выливають на покойника, а скорлупу кладуть ему въ головы и въ ноги.

При ѣдѣ, Яванцы несоблюдаютъ большой чинности. Скорчасъ надѣ рогожкой, руками берутъ они рыбу, сарачинское пшено, говядину. Передѣ обѣдомъ и попомъ они умываются. Вода состав-ляетъ ихъ главное пишье, но ее кипяпятъ прежде, и иногда сдабриваютъ разными пряносшями. Чай пьютъ по два и по шри раза въ день. Но роскошь умножается въ церемоніальныхъ обѣдахъ, гдѣ являеяся множесшво блюдъ. Обыкновенно ѣдятъ дважды въ день, немного прежде полудня, и въ семь, либо восемь часовъ вечера. Выходя изъ дома ушромъ, Яванецъ пьешъ чашку кофе, съ пирожкомъ изъ сарачинскаго пшена.

Употребленіе *сири*, или бешеля съ другими принадлежностшями, всеобще на Ява, какъ и въ другихъ Индійскихъ и Малайскихъ земляхъ. Ложечкою на лисночикъ сири кладуть немного Японской земли

(terra japonica), вещества, имѣющаго пріятную горечь, примѣшивая туда немного извѣстки. Прибавляютъ еще арековъ орѣхъ, имѣющій наркотическое свойство, дѣлаютъ изъ всего этого колобокъ и жуютъ его. Это смѣшеніе, какъ я говорилъ уже, гадитъ ротъ, портитъ зубы, окрашивается губы кроваваго цвѣта слюною. Несмотря на такія отвратительныя неудобства, нельзя убѣдить туземцевъ отказаться отъ употребленія бетеля. Всѣ мужчины и женщины, носятъ съ собою коробочку съ сири. Нюхальный табакъ также здѣсь извѣстенъ. Его знали здѣсь уже съ 1600 года, подъ именемъ *табако* (tabaco). Сигары здѣшнія превосходны.

Крѣпкіе напитки здѣшніе суть двухъ родовъ, *бадекъ* и *бромъ*. Первый дѣлаютъ варкою особеннаго сарачинскаго пшена, называемаго *кетангъ*, съ смѣшеніемъ, именуемыхъ *ражи*, изъ луку, чернаго перцу и *capsicum*. Вся эта смѣсь, скапанная въ колобки, даетъ отваръ, весьма крѣпкій; гуща также имѣетъ спиртной вкусъ и ее продаютъ какъ лакомство. Для выдѣлки брома поже кипятятъ кетангъ съ ража и опдѣляютъ отваръ, но его зарывають потомъ въ землю на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы придать ему болѣе вкуса. Иногда даже переваривають его. Цвѣтъ брома темный, желтый, красный, смотря по качеству пшена. Пропоявъ нѣсколько лѣтъ, этотъ напитокъ можетъ опьянять. Въ Суракарта дѣлаютъ еще родъ пива, изъ листьевъ пари, смѣшанныхъ съ сахаромъ и

пряносимами, но его нельзя сохранятьъ болѣе пяти или шести дней.

Спросить къ этимъ спиртнымъ напиткамъ существуетъ только между немногими Яванцами. Религіозное запрещеніе не даетъ ей возможности распространиться. Но не такова склонность къ употребленію опиума, которая спанивается со временемъ бытствіемъ и неистовствомъ. Хотя по Малайски называютъ *пивунами опиума* (pinang wadat) тѣхъ, кто предается его употребленію, но опиумъ на Ява не пьютъ однакожъ, а курятъ. Для сего употребляютъ деревянныя, или кореневыя трубки, *падуданъ*, толщину и длины съ флейтраверсъ (flûte traversière). Одинъ конецъ открытъ, и его берутъ въ ротъ; другой закрытъ, но на верху его сдѣланъ родъ вороночки, мѣдной, и сюда кладутъ мѣлкій пабакъ, перемѣшанный съ опиумомъ и нарочно пригопьяемый. Курильщикъ вдыхаетъ въ себя дымъ и выпускаетъ носомъ — нѣсколькихъ зашажекъ довольно, чтобы опьянѣть и произвестъ все упояющія чувства. Говоря о Кипайскихъ курильщикахъ, я сказывалъ, какого рода изступленіе слѣдуетъ изъ употребленія этого наркотическаго снадобья. Однажды привыкнувши къ его неизобразимымъ наслажденіямъ, безъ нихъ немогутъ уже обойтись и скорѣе откажутся отъ ѣды и пивья. Надобно тогда всякій день употреблять опиумъ и каждый день прибавлять приемы его. Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцовъ открываются бѣдственныя послѣдствія этого несчастнаго измненія. Пропадаетъ аппетитъ, глаза спановаятся

красны и мупны, умшвенныя способности слабѣюпть, шѣло морщинишся, худѣепть, и человекъ впадепть въ родъ сухошки и чахошки.

Много говаривали во всѣхъ описаніяхъ Индіи о шѣхъ куришеляхъ опиума, копорые въ своемъ болѣзненномъ испушленіи бѣгаюпть по улицамъ съ кри въ рукахъ, поражая всякаго, кпо встрѣпишся, бѣшеныхъ сумасбродахъ, копорыхъ надлежало-бы исключишъ изъ закона, дозволивъ каждому убивать ихъ, какъ звѣрей, подверженныхъ бѣшенству. Гнѣ Гогендорпъ, долго управлявшій Голландскою колоніею, привелъ всѣ сіи рассказы въ предѣлы истины; онъ поставилъ наспойщіе факпы вмѣсто всякихъ сказокъ объ *Амокъ*, *Амокъ* (бей, бей)! вымышленныхъ пушешеспивенниками, болѣе романиспами, нежели повѣспивователями истины.

«Пушешеспивенники,» говоритъ сей благоразумный наблюдатель, «слишкомъ преувеличенно говорили о преспушленіяхъ, въ какія бываютъ увлекаемы куришели опиума въ своемъ упоеніи. Многолѣпнее пребываніе на Ява и ежедневныя сношенія съ полиціею во все это время, убѣдили меня, что такихъ примѣровъ вовсе небываетъ, или бываетъ весьма мало. Спокойствіе, соблюдаемое въ *амбеоен-киттенъ* (мѣснахъ продажи приготовленнаго опиума, гдѣ собираются куришели подъ наблюденіемъ полиціи) рѣдко нарушаетъ. Напропивъ, сіи мѣсна служантъ даже особеннымъ средспвомъ, ибо не одно важное опкрышіе было здѣсь произведено, и довело до опкрышія слѣдовъ преспушленія, долгое время паимаго. Прежнія повѣспивованія говорятъ

много объ *амокспуверахъ*, въ сѣльномъ бѣшенствѣ бѣгавшихъ по улицамъ, убивавшихъ, ранившихъ всякаго, кто ни попадался, пока ихъ самихъ не убивали. Такія сумасшедшія сдѣлались безконечно рѣдки со времени прекращенія шорга невольниками. Наибольше происходили они опть Бугійцовъ и Балійцовъ, проданныхъ въ неволю и привезенныхъ на Ява. Между ними находились несчастные, немогшіе переносить разлуки съ оппечесивомъ, родными, женою, любовницею; другіе немогли исполнять приказаній, худо понимая ихъ, и спрашась припомъ приказанія. Все это производило оппращеніе опъ жизни, иногда переходившее въ безуміе, и тогда несчастные невольники хватали первое, что имъ попадалось подъ руки, и безъ разбора поражали все, напередъ зная, что ихъ поразятъ въ свой чередъ и прекратятъ ихъ мученія. Между Яванцами и во внутренности острова иногда слышно объ *амоксахъ*, но ни однажды незамѣнилъ я, чтобы это безуміе можно было приписать излишнему употребленію опиума, и всегда виною его бывали ревность, мщеніе, часто оппчаяніе преслупника, захваченнаго на мѣстѣ вины, или неизбежно долженствующаго впасть въ руки правосудія. Тогда-то является то, что Малайцы называютъ *слѣпотою* (*matta-glab*) — сумасшедшее желаніе смерти, съ мыслью нанести ее всѣмъ, кто попадется.

«Это выраженіе: *матта-глабъ*, буквально значащее: «пошеченные глаза», весьма обыкновенно между туземцами Индійскихъ острововъ. Дословно, что вообще имѣя умственные способности до-

вольно ограниченные, они легко подвергаются опасности лишаться ихъ, если находясь въ обшпелельствахъ необыкновенныхъ, либо опасныхъ, по съ другой стороны они часто злоупотребляютъ упомянутое выраженіе, почитая его законнымъ извиненіемъ для всѣхъ дурныхъ дѣлъ. Если воры, зажигатели, убійцы будутъ приведены передъ судъ, и судья спроситъ, что могло довести ихъ до преступленія, можно навѣрное ожидать, что девять изъ десяти отвѣтятъ: «Машпа-глабъ», желая сказать: «Я былъ ослѣпленъ — я потерялъ голову.»

Игры и увеселенія Яванцовъ многочисленны и разнообразны. Они спараются убить время забавами на тысячу манеровъ. Самыя ребяческія увѣхи нравятся имъ лѣнннн. Женщины ходятъ въ гости, и тамъ живутъ сирн, рассказываютъ исторіи, поютъ, аккомпанируя себѣ на шамбури. Мужчинъ занимаетъ пѣшій бой, до котораго они страстны, какъ всѣ Малайцы. Сраженія перепелокъ, или *буру-гука*, составляютъ также увеселеніе народное, а въ подражаніе ему дѣти заставляютъ биться кузнечиковъ. Даже и взрослые презираютъ битвы двухъ сверчковъ. Они держатъ большіе заклады за этихъ насекомыхъ, и возбуждаютъ ярость ихъ, щекоча ихъ головы былинкою.

Но иногда битвы бываютъ гораздо важнѣе. Несорливые по природѣ, Яванцы бьются въ условленное время, установивши правила особенной битвы, которую называютъ *актонъ*. Игра эта состоитъ въ томъ, что въ мѣру надобно бить палочкою, пока одинъ изъ бойцовъ не признаетъ себя побѣжденнымъ.

Бить позволяется почемъ попало, но для избѣжанія ранъ на головѣ, ее закрываютъ доскушомъ шкани, такъ, что только глаза остаются открытыя. Ударить позволяется только одинъ разъ, и нанеся ударъ надобно опуститъ и ждешь ошиба. Такой родъ поединка, при звукахъ музыки, иногда продолжается цѣлый часъ, и бойцы выходятъ изъ него съ кровавыми, жестокими ранами. Зрители, принимая званіе судей поля, разлучаютъ драчуновъ, если бой оказывается не по установленнымъ правиламъ.

Вся сіи игры просонародныя; у знашыхъ онъ возвышеніе. Травля буйволовъ шиграми, убіеніе шигра въ каре копейщиковъ, что и другое зрѣлище, уже описанна мною, принадлежатъ къ ушѣхамъ знашыхъ званій. Прежде присовокупляли къ этому битву шигра съ преступникомъ. Этого обычай, кажется, вышедшій изъ употребленія, былъ однакожъ возобновленъ для двухъ осужденныхъ, въ 1812 году, по извѣстіямъ Кравфорда. Каждому изъ нихъ дали принужденный кри, и потомъ открыли кльшку, изъ кошорой выпрыгнулъ шигръ и мгновенно смялъ одного изъ бойцовъ; но другой, послѣ двухъ часовой битвы, успѣлъ умертвить шигра, много разъ нанося ему удары по головѣ, подъ глазами и подъ ушами. Побѣдитель немного былъ прощенъ, но даже получилъ званіе *монтри*. Сраженія съ быками обыкновенны на Ява; здѣсь умѣли даже устроить битвы барановъ съ свиньями. Охотиться на Явѣ нѣтъ ни сколько удовольствія, ни сколько пользы, какъ на Целебесѣ. Дичи здѣсь свободный промыселъ по безконечнымъ долинамъ внут-

ренней области, а если ее слишком живо преследуютъ, она ищетъ убжища въ горахъ, гдѣ невозможно достигнуть ее.

Между другими увеселеніями на Ява должно упомянуть о театральныхъ представленіяхъ. Театръ состоитъ въ открытомъ сараѣ, около котораго собираются зрители. Въ срединѣ его стоитъ чтецъ или суфлеръ (далангъ), вооруженный палкою. Онъ открываетъ пьесу родомъ пролога, и объявляетъ потомъ имена лицъ, долженствующихъ явиться на сцену; онъ подаетъ имъ и знакъ къ появленію, ударяя палкою. Недумаете-ли вы, что послѣ появленія своего, они примутся читать роли? Совсѣмъ нѣтъ — роли читаетъ далангъ; актеры ограничиваются тѣмъ, что соединяютъ съ его словами движенія, и дѣло идетъ такимъ образомъ до конца — онъ читаетъ, а актеры выражаютъ слова его пантомимой. Всѣ актеры богато одѣваются по модѣ нумекой. Роли женщинъ исполняются молодыми людьми, покрывающими лица свои бѣлыми масками, довольно хорошо сдѣланными. Маски эти, однѣ правильны и естественны, другія уродливы и обременены раскраскою. Первые служатъ для актеровъ обыкновенныхъ, другія для шутовъ. Спранно находить на Яванской сценѣ такіе-же хари, какія служили некогда въ сценическихъ играхъ Грековъ и Римлянъ. Впрочемъ искусство младенчески въ Яванской драмѣ. Вотъ одна изъ libretti, списанныхъ путешественниками: дочь Явскаго Царя выходитъ за Князя Балійскаго, который разводится съ нею, чтобы свободнѣе жить съ одной изъ своихъ любимыхъ.

Отецъ царевны хочеть мспиниъ шакую обиду доче-ри оружіемъ. Онъ приходишь къ оскорбителю, и заспаешъ его спящимъ въ объятіяхъ невольницы. Спрашная свалка между Яванцами и Балійцами! Мужъ и жена предводять войсками и вспрѣчаюся въ би-швѣ. Царевну хранишь отъ поражений какой-то богъ; она щадитъ невѣрнаго супруга. Но многояуд-ство одолеваетъ ее и беретъ въ плѣнъ. Напрасно стараюся попомъ побѣдитъ ее множествомъ пред-ложеній, которыя могли бы подѣйствовать на сердце, несполь упорное въ любви. Мужъ уступа-етъ ей все, кромѣ своей любимицы — половину со-кровищъ, половину царства. Гордая Яванка все отвер-гаетъ, шакъ рѣшишельно, что ее садятъ въ лодку, чтобы опдѣлаться какъ нибудь отъ спраши, на-дошней мужу. Снова спасенная чудеснымъ образомъ, царевна приходишь во владѣнія супруга съ свѣжимъ войскомъ, побѣждаетъ его, овладеваетъ его столи-цею и снова предлагаетъ ему руку и сердце. Но не-постоянный предпочитаетъ милой супругъ смерть, закалывается, и по обычаю Яванской шипики, чоршъ беретъ его, чтобы развязать пьесу.

Такія представленія называются *топангъ*, и сю-жеты ихъ всегда берутся изъ Яванскихъ лѣтопи-сей. Завязку составляютъ война и любовь. Если дра-му даютъ передъ государемъ, актеры ненадѣваютъ масокъ и сами читаютъ свои роли. Въ другихъ слу-чаяхъ, чтець, или *далангъ*, затѣняетъ ихъ. Музыка *гамелана* сопровождаетъ игру актеровъ и успано-вляетъ ея переходы. *Топангъ* обыкновенно играется десятиью чловѣками, не считая *даланга*.

Но если *попангъ* есть забава знающихъ, то *вайангъ*, родъ Китайскихъ пѣней, составляетъ утѣху народа. Эпи Китайскія пѣни, или маріонетки, въ 16 и 18 дюймовъ вышиною, дѣлаются изъ буйволодой кожи, рисуются и украшаются весьма тщательно. Фигура ихъ обыкновенно каррикатурная, съ длиннымъ носомъ. Руки, черты лица, длинныя ходули съ заостренными концами, спранныя прическа, все фантастическое въ этихъ вайангахъ, которыми, безъ сомнѣнія, Яванцы придаютъ смыслъ аллегорическій. Часни пѣла этихъ куколъ соединены роговыми гвоздиками, и шевелятся на ниточкахъ, которыя привязаны къ ихъ рукамъ. Бѣлая шкань, въ родъ занавѣса, растягивается передъ зрителями. Мѣсто за нею освѣщается лампою. Три рода бываютъ сихъ представлений: *Вайангъ-Пура*, самое древнѣйшее изъ всѣхъ, почерпаемое въ Яванской мифологіи, прежде царствованія Паракизити, гдѣ земные боги и полубоги выводятся на сцену, слѣдуя поэмамъ Рама и Маншараги; дѣйствіе *Вайангъ-гедода* движется между Паракизити и царствованіемъ несчастнаго Панджи; наконецъ, *Вайангъ-клирикъ* болѣе кукольная комедія, нежели Китайскія пѣни; она состоитъ изъ деревянныхъ маріонетокъ, дюймовъ по 10-ти вышиною, тщательно раскрашенныхъ и расписанныхъ. При нихъ неупотребляется прозрачной занавѣски. Сюжеты берутся изъ исторіи императоровъ Панджарамскихъ до конца царства Маджапахитскаго. Далангъ предводительствуетъ всѣми этими зрѣлищами. Должность его, весьма почтенная въ здѣшней сторонѣ, соответствуетъ званію древнихъ Бар-

довъ. Даланги благословляютъ каждого новорожденного у Яванцовъ, чишая надъ нимъ опрыски изъ старинныхъ легендъ.

Кромъ Вайанговъ есть еще для просполюдства родъ шушовскихъ зрѣлищъ, нѣчто похожее на *sempario*, шушочные разговоры между обезьяною, собакою и дуракомъ, и наконецъ панпомина, при кошорой актеры одѣваются дикими звѣрями. Это *барунганъ*. Имя *тендака* дается забавѣ, состоящей въ пляскѣ ночью. Заслышавъ звукъ музыки, народъ осплавляетъ дома и идетъ на площадь, гдѣ плясуны должны давать свои хореграфическія представленія. Наскоро раскинутый шашеръ, нѣсколькими лампами освѣщенный, укрываетъ зритель. Когда публика соберется, являются плясуны, подунагія, съ собранными на верхушкѣ головы волосами, съ обнаженными руками, плечами и грудью, и въ шакомъ плащѣ, что опъ взоровъ зритель нескрываетъ ни одна часъ пляла ихъ. Онѣ пляшутъ подъ музыку, приплявая. Передникъ съ красивыми цвѣтами, шарфъ, концы кошораго держатъ въ рукахъ, вершия и окружая его вокругъ пляла съ пріятнымъ волнованьемъ, спройныя и ловкія движенія, пріятные голоса, роскошныя движенія — вошъ средства, какими эти плясуны, именуемыя *ронгенъ*, спараются плѣнить Яванцовъ; когда зрѣлище шакого шанца сильно возбудишь спраспи зритель, мужчины начинаютъ сами плясать, и ихъ неловкость производить общій хошъ.

Ронгены суть женщины презрительныя и презираемыя. Но у сумпановъ есть другія плясуны, име-

нуемая бедой, или *срампи*, и онъ могутъ посоперничать съ Индійскими баядерками. Онъ образуютъ правильные балеты, копорые могутъ заслужить вниманіе Европейцовъ, болѣе нелѣпыхъ ломаній ронгента. Но досихъ поръ такія зрѣлища остаются принадлежноспью султанскихъ даламовъ. Пажи Яванскихъ государей, когда власнипели сіи являющіеся передъ народомъ, совершаютъ особенный маршъ, копорый также можно назвать пляскою. Но за исключеніемъ такого марша, у мужчинъ нѣтъ воинскихъ плясокъ, какія находящіяся у сосѣдей Яванскихъ, жипелей Целебеса, Молуковъ, Тимора.

Обыкновенныя жилища Яванскихъ поселянъ немногочыны. За 4 рупіи (менѣе 12 франковъ) куплена будетъ хижина, съ перегородками изъ бамбука, съ крышею изъ копьевидныхъ лиспьевъ *нипа*, или рода бамбука, сирапа. Мѣсто, служащее въ хижинѣ кроватью, немного возвышено надъ землею. Старшіе въ семействѣ находящіяся съ одной стороны, дѣти съ другой. Свѣтъ проникаетъ въ двери; вдоль фасада дѣлаютъ варангъ. Жилища знатныхъ обширнѣе. Въ нихъ находится по 5-ти, по 6 комнатъ, и подпорки ихъ изъ брусьевъ. Неполько раздѣленіемъ оплчаются такіе дома отъ простыхъ жилищъ Малайскихъ, но и окошками.

Сельскія хижины почти всегда соединяются въ селенія. Ихъ прикрываютъ тѣнистыя рощи, и въ каждомъ селеніи есть свои чиновники и жрецы. Эпопатріархальное правленіе во всей его простотѣ. Города Яванскіе суть собранія нѣсколькихъ селеній воедино. Въ главныхъ мѣстахъ округовъ находящіяся

кадатоны, или обиталища Князей, внутреннюю часть которых составляют *даламъ*. Кадатоны почти всегда укрѣпляются; у нихъ есть валы, рвы, пушки.

Прежде управленіе землями Яванскими не было сложно. Во главѣ всего былъ *сузунамъ*, или Султанъ, получая титулъ свой наслѣдствомъ, по праву первородства. Сузунамъ имѣлъ власть деспотическую.

Подъ нимъ находился Визирь, или *Радень-Адипати*, которому предоставлялись заботы правленія, ибо султаны наиболѣе думали о наслажденіи жизни.

За Радень-Адипати слѣдовали *Батапи*, или правители областей, начальствовавшіе надъ *панджерами*, *тумугонгами*, *анджибам*, *монтри*, *правителями уѣздовъ* и округовъ. У каждаго Адипати, или *Пати* былъ намѣстникъ, замѣнявшій его при случаѣ.

Каждый изъ сихъ чиновниковъ, совершенно подвластный Сузунаму и его миниспрамъ, получалъ на свой пай участокъ полной и безопечной власти надъ низшими, основой которой была особа султанская. Каждый въ свою долю былъ полнымъ деспотомъ. *Петинджи*, или начальники общинъ, избирались ежегодно между жителями. У нихъ были совѣтъ старшихъ, и кромѣ того, они должны были спрашиваться съ *Мудиномъ*, или жрецомъ.

Эпихъ изъяснителейъ закона было два рода: *Пугулу*, великіе жрецы, и *Джасаки*, судьи. Первымъ принадлежалъ судъ преступленій противъ духовнаго закона, другимъ наказанія по дѣламъ гражданскимъ. Всѣ сии достоинства предоставлялись избранію Султана, назначавшаго также и воинскихъ чиновниковъ. Сии послѣдніе, если принадлежали къ высшему чиновначалію, имѣли названія *Сипапати*, или военныхъ господъ. — Войско почти все состояло изъ пѣхоты. Пока Голландцы невели новаго устройсва, главное оружіе воиновъ состояло въ *кри*, *ведунгъ* (длинномъ охотничьемъ ножѣ), копѣ, саблѣ, пращѣ, продолговатомъ щитѣ.

Опличіе званій показывается въ манерѣ носить кри и въ цвѣтѣ зонтика. Только власнители имѣли право на *пайонгъ*, или позолоченный зонтикъ; у жены и любовницъ его зонтики желтые; у семейства Султана и дѣтей Султана бѣлые. Зонтики бапаша, или шумугонговъ, зеленые, съ краями и верхушкою позолоченными; у анджибаевъ, моншири, ругговъ и у ниспихъ чиновниковъ голубые.

Мебель простоянскихъ жилищъ составляють понки рогожки, и подушки, накрытыя цѣпными рогожками. Домашняя утварь ограничивается нѣсколькими небольшими горшками, глиняными и фарфоровыми. Ложки употребляютъ только для жидкаго кушанья. Въ богатыхъ домахъ болѣе мебелировки; вездѣ видны ковры, рогожки, кучи подушекъ и постелей. Гдѣ Европейцы находясь въ прямыхъ сношеніяхъ съ владѣльцами, преимуще-

стнуешь Западная роскошь — зеркала, креслы, столы, канапе, бронза, часы.

Мы уже говорили объ одеждѣ Яванской. Многія изъ нашихъ Европейскихъ тканей употребляются шенерь Яванцами; они любящъ носить бархатъ, сукна, гвиней, Индійскія ткани, и въ одѣяніи вообще показываютъ упорченность и изысканіе невѣроятныя. Въ главныя части ихъ костюма: *саронгъ*, родъ понявы, или мѣшка сквознаго; *ко-ламби*, платье съ короткими рукавами; *жаритъ*, юбка, обширнѣе саронга; *сабукъ*, жилетъ, изъ бумажной, или шелковой ткани; *сикапангъ*, то же шелковое, или бархатное, съ опорочкою кружевами; наконецъ, *самбонгъ*, родъ шелковаго, желтаго пояса, съ красными концами.

Издревле, какъ кажется, Яванцы обоимъ половъ тщательнѣе заботились о своей головной уборкѣ. Въ описаніе Яванскаго туалета, взятое изъ поэмы, писанной прежде Исламизма. Оно можетъ служить въ одно время характеристикою образованія той эпохи и данъ поводъ о поэзіи Яванской, у которой есть своя поэтика и свои образцы. Здѣсь говоримъ о поэтѣ, описывая свою возлюбленную:

«Лицо ея свѣтлѣе, какъ мѣсяцъ. Блескъ солнца меркнетъ въ ея присутствіи; она похищаетъ лучи его. Такъ хороша она, что нельзя описать ея красоты. Нѣтъ несовершенствъ въ ея ро-
сѣ, а ея волосы, когда они распущены, падаютъ до ея ногъ черными, волнистыми кудрями. Рѣсницы ея подобны двумъ листьямъ дерева, называемаго *илбо*; блестящъ глаза ея; орлиный у нея носъ; зубы ея черные, блестящіе и стройные; губы ея подобны цвѣткѣ свѣжей корѣ мангустана; щеки ея похожи на дуранъ.

Руки ея, какъ лукъ гибкій; пальцы, длинныя и нѣжныя, уподобляются шипамъ дерева; ногти у ней перловые, а кожа желтая и блестящая. Ножка ея приплюснута къ землѣ, и походка величественна, какъ поступь слонихи.»

«Одѣта моя красавица въ шиндипашолу зеленого цвѣта; спянула шуго золотымъ поясомъ. На пальцѣ ея кольцо, произведеніе моря. Серьги у нея изумрудныя, окруженныя алмазами. Золотою булавкою приколоты ея волосы, и на концѣ булавки рубинъ съ золотомъ и изумрудами. Изъ семи драгоценныхъ камней ожерелье ея. Надушена она такъ, что въ ароматахъ нельзя различить никакого опдѣльнаго благовонія.»

Вы слышите голосъ любовника, и припомъ поэта, со всѣмъ Воспочнымъ преувеличеніемъ. Не угодно-ли еще послушать изъ поэмы *Джаи-Ланг-кара*, что составляетъ опличительныя качества насмѣящаго Яванскаго щеголя?

«Юноша благороднаго происхожденія познается по семи необходимымъ принадлежностямъ. Ему должно быть хорошаго семейства; онъ долженъ быть уменъ; онъ въ состояніи самъ наблюдать за своимъ поведеніемъ; онъ помнитъ наставленія саспоровъ; велики должны быть его намѣренія; онъ блюдетъ религію; безъ остановки употребляетъ онъ качества, какими обладаетъ, на дѣло.»

«Сердце и умъ его должны быть тихи и спокойны. Онъ умѣетъ укрощать спраши свои и молчать, когда надобно. Никогда не скажетъ онъ лжи. Не долженъ онъ бояться смерти, и безъ гордости онъ благочестивъ и благодушенъ къ несчастнымъ. Безъ недостатковъ должны быть роспъ его и видъ его. Крошкѣ долженъ быть онъ, и похожъ на Башара-Асмара бога любви, когда онъ нисходитъ на землю. Если кто взглянетъ на него, то должна пробудиться въ зрящемъ мысль: «Какъ великъ эпотъ юноша среди битвы!» Формы шѣла его складны; кожа его подобна самородному золоту, когда оно не было еще въ огнѣ. Голова у него большая, волосы длинныя и прямые, глаза легко наполняются слезами, брови подобящя лиспу имбо

носъ великъ, маленькіе усы на верхней губѣ, а губы похожи на свѣжую кору мангустана, зубы черные, грудь широкая.

«Все, что говоришь онъ, поражаетъ слушателей; звуки голоса его пріятны. Онъ одѣтъ въ шелана-шинди съ темнозеленымъ *бодотомъ*. Золотой у него поясъ. Кри его въ ножнахъ сапріановыхъ, а рукоять его изъ *тунгъ-гаксли*. Дорогой суммингъ у него (искусственный цѣпокъ, носимый вмѣсто серегъ) весь золотой, на манеръ *суренгъ-пети* (храбрый до смерти). Золотое кольцо у него на палецъ правой руки.»

Такая поэзія можетъ показаться спранныю, но ея нравственная цѣль, ея важный и цѣлпспный слогъ неоспоримо доказываютъ высокую степень образованности у древнихъ обитателей Ява.

Немѣне подтверждаетъ это великолѣпіе развалинъ, какими усыяна земля Яванская. Можетъ быть, ни одна земля столь необильна археологическими сокровищами. Древняя религія Ява, почти изглаженная Исламизмомъ, какъ будто для того хранила еще нѣкоторыя слѣды старинныхъ капищъ своихъ, чтобы счастливая соперница ея стыдилась при сравненіи сихъ оспашковъ съ своими храмами. Оспашки развалинъ находятся во всей восточной части острова, въ округѣ Брамбананской, въ Боро-Бодо, Кулассанъ, Синга-Сари, Брамбананъ и Малангъ. Тамъ вездѣ видите купы каменныхъ храмовъ, съ спашуею въ срединѣ, обломки кирпичныхъ капищъ, и наконецъ храмы менѣ совершенные, постройки новѣйшей.

Чанди, или храмы Брамбананскіе совершенно покрыты кустарникомъ, сквозь который трудно пробираться во внутренность зданій. Передъ ними находятся огромные *реша*, спашуи хранили хра-

мовъ, кошорыхъ пуземные зодчіе изобразили сидящихъ, съ кри, или ведунгомъ въ рукъ. Ренни мамага Брамбананскаго храма сушь величины колоссальной. Они похожи на Индійскихъ факировъ, съ широкими подвѣсками въ ушахъ, похожими на женскія Яванскія серьги, съ браслетами и съ ожерельями; поясъ, нисходящій до коленъ, поддерживающъ съ правой спороны маленькую саблю; въ лъвой рукъ змѣя, кольцомъ, обравившая голову на грудь реша. Каждая спануя посшавлена впереди громады изваянныхъ камней, надъ кошорыми распростираются гусные пуки папоршей. Эшопъ намятникъ къ низу чешыреугольный, а къ верху кончипся чешыреспороннею пирамидою. Внуспи камень бловашный, въ изломъ похожій на кремниспый. Внѣшняя архипектура чрезвычайно проспа, а внутренняя гладкая. Два капища въ Брамбананъ, и оба, малый и большой, одного характера, одного спила. — Подль Брамбанана находится *Чанди-Сиеу*, или *тысяча храмовъ* — одно изъ прекраснѣйшихъ, какія только можно видѣшь, соединеній древностей, покрывающее пространство на 600 фушовъ въ длину, на 530 въ ширину. Всъ сіи храмы распавлены по чешыре, въ крестообразномъ порядкѣ, всъ пирамидальной формы, всъ покрышы изваяніями и имѣющъ по чешыре большіе входа съ чешырехъ споронъ свѣта.

Вся эша линія исполнена одинакихъ развалинъ. Ихъ находящъ въ Рандонъ-Гонпингъ, по дорогѣ къ Джокжокарпа; далѣе пошомъ въ Калибенингъ; наконецъ въ Кулассанъ, селеніи неподалеку ошъ Брам-

банана. Развалины Кулассаискія громада каменнаго спроеія, у копорой фасадъ пробитъ дверьми и множествомъ окошекъ. Изваянныя ниши, красивыя крыльцы, какое-то согласіе въ очеркахъ — вошь опличія сего зданія.

Но всь красота его ничто въ сравненіи съ чудесами храма Боро-Бодоскаго. Построеіе этого зданія относятъ къ VI и VIII вѣкамъ нашего лѣточисленія. Это громада, посвященная на вершинѣ коническаго холма, обширная, квадратная, съ семью ярусами сгѣтъ, каждый ярусъ изящнѣе нисшаго. Кажется, что верхъ холма былъ срытъ для постройки капища. Оно оканчивается къ верху куполомъ, около 50-ти фузовъ въ поперечникъ, и окружается тройнымъ рядомъ башенъ, числомъ 72, и каждая занята статуями, лица коихъ обращены къ внѣшности. Всь сіи памятники покрыты богатою и искусною рѣзбою. Четыреста нишей сдѣлано во внѣшней оградѣ, и въ каждой помѣщена статуя Будды, сидящаго, съ популненными глазами, поднятою головою, съ огромными ушами и въ шапкѣ, похожей на Фригійскій калпакъ, словомъ, Будды въ томъ видѣ, въ какомъ представлень онъ во многихъ храмахъ Индійскихъ. Внутренній помостъ храма проспирается до 600 фузовъ квадратныхъ. Хотя линіи ярусовъ кажутся прямыми, но если смотрѣшь издали, то они сгъзаны, ибо, по видимому, ихъ старались согласить съ неправильными формами вершины холма. Такое-же направленіе дано каждой террасѣ. Полная высота зданія около 100 фузовъ. Боро-Бодо находится подлѣ Гу-

нонгъ-Діенга, мѣстопробыванія боговъ.—Послѣ сихъ величественныхъ развалинъ не сподобитъ уже упомянуть о менѣе замѣчательныхъ памятникахъ въ Кедири, Синга-Сари, Малангъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ находящіяся ряды изваяній, напоминающихъ религіозные предметы, изображенные на стѣнахъ пагодовъ Бенареса, святаго города Индійскаго. Будда и всѣ его эмблеммы, Ганеза съ слоновьимъ хоботомъ, фаннастическіе образы, половина человѣкъ, половина звѣрь, чудовища — фигуры, столь-же непонятныя, какъ и гіероглифы Египетскіе — таковы сушь любопытные предметы, собранные въ священной Яванской области неупоминимыми археологами. Но рисунокъ можешь дать объ нихъ только самое недоспающее понятіе.

Всѣ сіи памятники, всѣ сіи религіозныя зданія свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда совершались въ древности дивныя перевороты. Туземцы Яванскіе сохраняютъ при Испоріи, и въ каждой очевидно есть своя баснословная часть. Раффлесь, подробно соображавшій ихъ, думаетъ, что первые обитатели Ява были выходцы изъ Египта. Съ большою достоверностію, Миддлекопъ починаетъ ихъ Индійцами. Первое лѣточисліе лѣтописей Яванскихъ не восходитъ почти далѣе 72-го года до Р. Х. — Все, что говорится о времени, сему предшествовавшемъ — догадки и предположенія. Самая полная изъ всѣхъ таблица хронологическая представляетъ порядокъ 38-ми владѣтелей, отъ 1-го Яванскаго года до 1200-го, то есть, до 1100-го нашей эры. Тутъ упоминается баснословный вла-

спипшель Панджи, славный въ Яванской поэзіи своими похождениями съ царвною, на копорой женился онъ въ Индіи. За шѣмъ слѣдуютъ Кунда, Лалианъ, Мундингъ, Ванги и Башакъ. Веди основалъ столицу великой Имперіи на шомъ мѣстѣ, гдѣ происходила свяшая война Браша-Юдга. «Положимъ здѣсь начало столицы моего царства,» говорилъ онъ своимъ воипелямъ, «и назовемъ ее *Маджапагитъ* (по еспь, *горечь*).» Такъ учредилась имперія Маджанагитская на Ява, около 1221 года. Царство это незамедлило распростираніе по всему оспрову. Оно пережило введеніе Мугаммеданства на Ява, совершившееся около 1300 годовъ Яванской эры (почпи 1400-хъ нашего счисленія). Въ 1355 году царство Маджапагитское находилось на верху своего величія. Всѣ окрестные архипелаги — Бали, Флоресъ, Сумбава, Тиморъ были его данниками; но черезъ пятьдесятъ лѣтъ попомъ наступила религіозная война, и древняя династія Маджапагитскихъ государей пала подъ ударами Исламистскихъ пришлецовъ. Храмы Будды уступили мѣсто мечешамъ Мугаммеда, а обширная имперія Маджапагитская царству Мапарамскому.

Такое положеніе дѣлъ оспалось до прибытія Европейскихъ мореплавателей. Албукеркъ завоевалъ Малакка въ 1511 и 1521 годахъ. Антонио де-Бришшо, плывя къ оспровамъ Молукскимъ, ошкрылъ оспровъ Мадуре. Первый Голландецъ, появившійся въ здѣшнихъ моряхъ, былъ нѣкто *Гутманъ*. Заключенный въ пюрью Лиссабонскую, онъ получилъ ошъ одного изъ шоварищей своего плѣна драгоценныя

свѣдѣнія о торговлѣ Португальцевъ на островахъ Зондскихъ. Въ послѣдствіи положилъ онъ начало первой Голландской факторіи въ Баншамъ, въ 1596 году, но только уже въ 1610 году, первый Голландскій Генераль-Губернаторъ, *Петръ Ботъ*, основалъ контору Яванскую, на берегахъ небольшой рѣки Джаккапра—это былъ нынѣшній городъ *Batavia*. Съ того времени Голландцамъ надлежало поочередно бороться съ Португальцами, Англичанами и туземцами, пока утвердилось владычество ихъ въ Индіи. Адмиралъ Спельманъ покорилъ Макаassarъ; Девильдъ разбилъ разныхъ небольшихъ раджей Яванскихъ и подчинилъ ихъ своей власти; мятежный начальникъ Яванцовъ, Монгъ-Кураль-Масъ принужденъ былъ принести почепный окупъ къ спопамъ Генераль-Губернатора Фанъ-Гова; баронъ Фанъ-Имгофъ воспоржесивовалъ надъ возмущеніемъ Кишайцовъ, угрожавшимъ всему острову, такъ, что и послѣдователи Имгофа принуждены еще были пруднымъ и продолжительнымъ упорствомъ оканчивашъ это пагубное предпріятіе колонистовъ Кишайскихъ. Наконецъ въ 1749 году, Императоръ, или Сузунамъ Яванскій, на смершномъ одрѣ, отказался, въ пользу Голландской Воспочно-Индійской компаніи, ошъ правъ своихъ за себя и своихъ наслѣдниковъ, предоспавляя Голландцамъ свободу распорядиться его владѣніями. Нѣсколько войнъ надлежало вынести для исполненія сего политическаго завѣщанія, но наспойчивоспъ Банавская превозмогла мало по малу всѣ препяспствія, и островъ Ява сдѣлался то, что онъ еспъ шеперь — покорный вассалъ Голландіи. Въ

1811 году, когда генерала Дендельса смѣнилъ генералъ Янсень, Англичане овладѣли Батавіа и всѣми Голландскими колоніями, возвративъ ихъ пономъ въ 1815 году.

Надобно отдать справедливостъ Голландцамъ, что хотя они строго управляющъ здѣшними землями, но они лучше другихъ поняли, какъ надобно вести дѣло, чтобы колонія давала прибыли своему опдаленному власнику, и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣземные обидѣли ея шергили сколько можно менѣе. Въ семъ случаѣ Голландія поступала умнѣе и расчепливѣе Англіи. Она нерубила дерева, чтобы собрать съ него плоды, неиспощала земли, чтобы имѣть жашву богатѣе, неоспущала пакъ, какъ распощилъ, порощивый насладились жизнью, потому что предвидишь скорый конецъ ея, и хочешь прожить ея какъ можно роскошнѣе. Голландія, сколько позволили это ея собственныя выгоды, уважила нравы, обычаи, законы нѣземные; оспавила Яванцамъ ихъ повелителей и судей, предоставляя только себѣ судъ надъ этими повелителями и судьями; она уважила прежнее раздѣленіе собственности, и когда рѣшилась замѣнить монополією прежнее промѣны, то исполнила это споль оспорожно, что перемѣна была почти незамѣтною.

Должно однакожь и то прибавить, что Голландіи, лучше нежели въ Индіи Англичанамъ, помогалъ характеръ народа, надъ копорымъ она властвовала. У Яванцовъ не было фанатизма, не было неперниности, доведенныхъ въ Индіи до того, что нѣтъ уже никакихъ средствъ сближенія побѣжденнымъ съ

побѣдителями. Эпо было народъ добрый и сговорчивый; нравы его походили на его языкъ, пріятный, звучный, поэтический. Соспавленный изъ 20-ти согласныхъ и 6-ти гласныхъ, языкъ эпо, кажется, происходилъ отъ Санскритскаго. Въ лингвистическомъ и поэтическомъ Яванцовъ есть правила и основанія положительныя. Народная пѣсня здѣшняя благородна, величественна, въ широкомъ и смѣломъ объемѣ. Знанія также нечужды народамъ Яванскимъ. Они знаютъ науку численія и первыя начала Математики. Календарь Арабскій замѣнилъ у нихъ Брамминскій календарь. Прежде *Саливана*, или гражданскій годъ, служилъ для вычета Яванской эры. Такое численіе продолжалось до 150-го года по введеніи Мугаммеданства. Въ правленіе великаго Султана Агунга (въ 1633 году) геджра, или эгира, замѣнила эру Яванскую. Нѣсколькими циклами считали кромѣ того на Ява, и между прочимъ семилѣтіями, копорыя находимъ у Сіамцовъ и Тибетцовъ. Имена годовъ, составляющихъ семилѣтіе, явно Санскритскаго происхожденія: *мангара*, рыба лангунъ; *менда*, коза; *калабангъ*, тысяченожка; *вишитре*, червякъ; *минтонна*, рыба; *васъ*, скорпионъ; *ваиша*, буйволъ.

Мореплаваніе и Географія не были чужды Яванцамъ. Небосклонъ дѣлили они на восемь часпей. Земледѣльцы знали только четыре главныя стороны свѣта. Медицина была предоспавлена старымъ людямъ обоего пола; нѣкоторые изъ рецептовъ достались имъ отъ Аравіянъ.

ГЛАВА XCI.

АВСТРАЛІЯ (НОВАЯ ГОЛЛАНДІЯ). ГАВАНЬ КОРОЛЯ
ГЕОРГА.

За проливомъ Бали, нашъ Кангуру встрѣпилъ С. В. муссонъ, уже начавшійся въ моряхъ Авспральныхъ. Мы распустили было наши паруса, надѣясь что найдемъ погоду столь-же правильною и благопріятною, какою бываетъ она въ моряхъ Индійскихъ. Но надежда наша была обманута. Потому ли, что не настало еще время, или что близость огромнаго Авспральнаго материка дѣлала измѣнчивымъ и переменчивымъ муссонъ, но мы потерали, по крайней мѣрѣ, двадцать дней, борясь съ волненіемъ отъ юга и прошивными перелехами вѣтра. Только 28-го Ноября показались передъ нами берега Авспрали, близъ мыса *Лувина* (Leeuwin); на слѣдующій день обогнули мы уголъ *Балдъ-Гидскій* (Bald-Head) и бросили якорь при входѣ въ заливъ *Королевской Принцессы*, въ портъ *Короля Георгія*, зашишномъ и безопасномъ отъ вѣтровъ и волнъ.

Первый взглядъ на землю поразилъ меня. Ничего подобнаго произрастанію Новой Голландіи не находилъ я въ моихъ воспоминаніяхъ, ничего не могъ съ нимъ сравнить изъ видѣннаго мною въ Малезіи и Океаніи. Въмѣсто удивительныхъ прозабеній, споль зеленыхъ, споль величественныхъ, обремененныхъ плодами споль полезными, я видѣлъ полько на голыхъ берегахъ поція деревцы блѣднаго, печальнаго цвѣта и между ними спелющіеся кушарники, или правы до половины почернѣвшія.

Въ предшествовавшее плаваніе, съ Кангуру оспалось здѣсь семь мапировъ для ловли шюленей. Едва появился нашъ корабль при входѣ въ гавань, шесперо изъ нихъ приплыли къ намъ въ киполовки; седьмой оспался спорожемъ при складкѣ добычи, учрежденной на оспровѣ *Михаэль-Масъ* (Michael-Mas), неподалеку отъ мѣста нашей споянки. Занятіе промышленниковъ было весьма удачно, и нашъ капитанъ, по видимому, былъ имъ очень доволенъ. Для меня ловъ ихъ былъ вовсе неваженъ, но съ радостью услышалъ я отъ нихъ, что одно племя пуземцовъ, человекъ пятнадцать всего, кочуетъ неподалеку. По разсказу мапировъ, дикари эши были люди самые смирные, и отъ времени до времени дружески посѣщали ихъ. Я изъявлялъ желаніе скорѣе увидѣть Авспралійцовъ, споль замѣчательныхъ въ этнологическомъ отношеніи. «Да за чѣмъ-же спало?» отвѣчалъ мнѣ смѣючись капитанъ. «Начинайте ваше знакомство въ эшими обезьянами сей часъ; вопъ одинъ изъ красавцовъ—видите, тамъ, на носу киполовки! «Я спалъ глядѣшь на указанное мѣсто

и разглядѣлъ что-то, чего никогда не почелъ-бы
 человѣкомъ. Но это былъ *человѣкъ*, лежавшій спи-
 ною въ верхъ, и въ этомъ положеніи можно было
 подумать, что шутъ распянулъ кто нибудь кожу
 сушился на солнцѣ. По крику одного изъ манрозовъ,
 уродъ оборотился ко мнѣ. Ничего невозможно
 представить себѣ безобразнѣе! Вообразите голова-
 шу со включенными волосами, съ плоскимъ лицомъ,
 преширокою, съ выдавшимся надъ глазами костя-
 комъ, съ глазами углубленными, блѣдо-желтоваты-
 ми, ноздрями далеко отдѣленными одна отъ дру-
 гой и распянутыми, съ губами довольно полными,
 деснами синеватыми и рномъ до ушей. присоеди-
 ните кожу цѣпса сажи, съ желтизною, пѣло худо-
 щавое, щедушное, и ноги сухопарыя, слабыя. Несо-
 размѣрность рукъ и ногъ шакова, что это чудище
 можно было уподобить нѣкоторымъ породамъ
 пшницъ изъ рода яспрезовъ. И на такое уродство,
 вмѣсто всякой одежды, наброшено было лоскутъ
 изношенной кожи кангуру, едва прикрывавшій съ
 одной стороны половину груди, а съ другой висѣв-
 шій ниже пояса. Представьте себѣ все это, и—вы
 будете имѣть вѣрное изображеніе Австральскихъ
 автохтоновъ. И еще шутъ, на котораго глядѣлъ
 я шеперь, былъ не самый уродливый изъ чи-
 сла его земляковъ. *Monsieur Ялеуоль* (имя его) по-
 лучилъ даже нѣкоторую образованность, ибо ему
 было лишь 18-лъѣе; онъ приспалъ къ Евро-
 пейцамъ и охотно оказывалъ имъ множество раз-
 ныхъ услугъ, счастливый шѣмъ, что въ награду за
 то его кормили лучше и сытнѣе, нежели могъ онъ

надѣялся между своими соопичичами. Живши съ Англичанами уже нѣсколько мѣсяцовъ, Ялепуоль выучилъ нѣсколько Англійскихъ словъ, могъ бытъ переводителемъ и даже полмачомъ. Ему сказали, что я хочу посѣпить его земляковъ. Онъ охотно согласился сдѣлаться моимъ чичероне. Мы перѣехали вмѣстѣ на берегъ, взявши ружья, чтобы поохотиться за птицами и кангурами; того и другого тутъ множество. На побережьи собралъ я довольно *фазанеллей*, прелестныхъ раковинъ, которыя долгое время были рѣдки въ нашихъ коллекціяхъ, но сдѣлались весьма обыкновенны съ тѣхъ поръ, когда Европейцы стали посѣщать портъ Георгіевскій.

Не много вѣкъ отъ того мѣста, гдѣ мы приспали, была основана маленькая колонія въ 1826 году; ее основали незадолго до нашего прибытія. Дюжина небольшихъ домиковъ составляла ее, и только два, или три были кирпичные, а остальные изъ глины и земли, и всѣ съ проспичниковыми крышами. Сначала назвали эту колонію *городъ Фридерика* (Frederick-Town), но правительство неутвердило сего названія. Свободные люди съ Лебязьей рѣки должны были поселиться здѣсь. Прежде портъ Георгіевскій выдавалъ только солдатъ и ссыльныхъ, привозимыхъ изъ Портъ-Джаксона.

При входѣ въ проливъ, мой чичероне указалъ мнѣ площадку, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ останавливались Европейцы не-Англичане. Сколько могъ я понять изъ его движеній и ломаныхъ словъ, эти не-Англичане должны были бытъ моряки съ Аспролябіи, дѣйствительно, би-

ваковавшие въ здѣшнемъ мѣстѣ. Я спарался расшолковать моему красавцу, что принадлежалъ къ бывшимъ здѣсь господамъ. Онъ понялъ меня, и казался очень доволенъ, давая мнѣ разумѣть, что его земляки, и онъ лично, могли только хвалиться Французами, съ которыми были у нихъ самыя дружескія сношенія, и что часнѣ экипажа Аспролябии ночевала даже однажды въ хижинахъ дикарей.

Подлѣ мѣста, гдѣ мы приспали, вился между правую и кустарниками ручеекъ воды, къ прибрежью образовывавшій довольно удобную агваду. Слѣдуя по немъ, мы достигли вершины полуострова, гдѣ рисовалось множество кустовъ *канторрей* и *кингий*, съ длинными, узкими листьями, соединенными въ густыя пучки и падающими по бокамъ въ видѣ древней вазы. Первое изъ эпихъ распеній даетъ крѣпкую гумму, которую дикари употребляютъ для приклейки оспрыхъ камней къ рукояткамъ, послѣ чего это орудіе замѣняетъ имъ ножикъ, пилу и молотокъ.

Хотя вершина полуострова была не болѣе 50 фузовъ возвышена отъ воды, но видъ съ нея открывался превосходный. Къ С. спокойныя заливья, которыми ограничивается берегъ; потомъ заливъ гавани Усприцъ, съ его зеленѣющимъ островомъ Сада, опороченнымъ купами огромнѣйшихъ *эвкалиптовъ*. Къ Ю. В. красивый заливъ Королевской Принцессы, гдѣ съ двухъ сторонъ проспираются блестящія побережья изъ песку мѣлкаго и ослѣпительнаго. Къ Ю. дикое пригорье полуостро-

ва Балдъ-Гидскаго, о которое пѣниспо разбиваются волны большаго прилива. Къ В. два утѣсиспытые островка Михаэль-Масъ и *Брикъ-Си* (Break Sea), находящіеся при входѣ въ заливъ Георгіевскій; далѣе наконецъ правильный конусъ горы Гарднера. Подъ ногами нашими, подлѣ пролива, былъ холмикъ, увѣнчанный громадными обломками развалившейся гранитной скалы, окруженный при подножіи разными прозябеніями, но совершенно голый на всемъ его объемѣ. Кругомъ насъ лежало множество морскихъ птицъ, какъ-то: чегравокъ (sternes), чайкъ-рыболововъ (mouettes) и гоголандовъ, почти касавшихся насъ въ своихъ разлѣтахъ.

При сходѣ на другую сторону полуострова начали мы встрѣчать эвкалипты, весьма огромные, съ банксіями и другими сродными имъ прозябеніями; но ихъ темныя стволы, ихъ бѣдная шѣнь, ихъ неправильныя и безлистные вершины придавали всему этому видъ безплодія и испоганоси. Здѣсь мой товарищъ началъ пронзительно кричать: ку-ги! и ему отвѣчали крикомъ: ку-ги! почти на шотъ-же тонѣ. Вопли эти отдавались изъ нѣсколькихъ лачужекъ, кошорыя вскорѣ замѣтили мы при подшвъ холма, въ небольшой рощицѣ, заграждавшей ихъ опѣ З. въпра. Лачужекъ было съ полдюжины, всѣ поспроены на шутемный манеръ, и подлѣ нихъ сидѣло два дикаря, какъ будто ожидая насъ. Одинъ изъ нихъ, лѣтъ пятидесяти, подошелъ ко мнѣ и предложилъ ножикъ, съ чешырьмя зубами въ родѣ пилы, приклеенными къ рукоянкѣ смолою ксанпор-рей. Я отдарилъ также ножикомъ и обрадовалъ

его. Другой дикарь, сильтѣе и моложе, но неменѣе безобразный, оставался скорчась надъ своею кухнею и мало заботясь обо мнѣ. Припасы состояли у него рыбки, ракушки, ящерицы, маленькія змѣи и коренья, луковицы респіаційныхъ шравъ. Нѣсколько минушъ наблюдалъ я любезнаго гаспронома, и увидѣлъ, что печенье снадобьевъ состоявало болѣе его забаву; сырыя и печенныя ѣшва онъ пожиралъ съ равною жадностью. Одна ящерица особенно ему понравилась; онъ взялъ ее, поднесъ было къ огню, но попомъ нервнился жарить и началъ чавкать съ такою охотою, какъ Европейскій какой нибудь объѣдало кушаль-бы превосходно исжареннаго дубельшвена.

Самыя лучшія изъ видѣнныхъ здѣсь мною жилищъ можно было уподобить полукруглому улью, перерѣзанному вдоль на двое, фуша по шри, или по чепыре вышиною. Основаніе ихъ состоявало мѣлкія вѣшки, а листья ксанпоррей образовывали крышу. Единственную мебель во внутренности этихъ жилищъ составлялъ широкій камень, положенный впереди. Тутъ дикари трутъ красную охру, копорю расписываютъ себѣ щеки при большомъ шумѣ. Старшій изъ дикарей показалъ мнѣ кусочекъ этихъ румянъ, называя ихъ *бойель*; онъ перетеръ его ногтемъ въ порошокъ, собралъ въ ладонь и провелъ нѣсколько полосъ по своему лицу, въ какой-то симметріи; попомъ выпянулся онъ, и по виду его можно было заключить, что онъ почищалъ себя гораздо величавѣ послѣ эпой размалевки. Но мнѣ сдѣлался онъ еще немножко гаже. Что дѣ-

лапъ! Я былъ вовсе незнапокъ въ нарядъ прелестнаго щеголя Авспрали.

За этимъ бѣднымъ кочевьемъ, мы перешли небольшой лужокъ, по которому протекалъ спруисный ручей. Потомъ открылся передъ нами значительный лѣсъ, состоявшій изъ эвкалиптовъ, банксий, казуаринъ, и проч. — Нѣкоторыя изъ деревьевъ были значительной вышины. Пустынные и лишенные всякой обработки, эти мѣста были однакожь довольно доступны; мы ходили безъ труда и опасности, благодаря множеству пропировъ, которыя образовались отъ обычая Авспралийцевъ зажигать праву, едва только она высохнетъ, чтобы очистить землю и сдѣлать удобнѣе для ловли кенгуровъ и другихъ животныхъ, служащихъ дикарямъ пищею. Они зажигаютъ правы головнями банксий, которыя всегда носятъ съ собою, сколько для согреванья, сколько и для того, чтобы всегда имѣть наготовѣ огонь, не прибѣгая къ упоминенной вытеркѣ его изъ сухаго дерева. Головни эти горятъ долго неугасая. Спарикъ, ознакомившійся со мною близъ хижинъ, кромѣ своего дролика и палки, имѣлъ при себѣ и головню, забавляясь отъ времени до времени зажиганьемъ сухой правы, пока шелъ подлѣ меня.

Идя вдоль заспыхъ озеръ прѣсной воды, въ одномъ мѣстѣ, закрытомъ проспникомъ и болотными растеніями, я слышалъ довольно сильный шумъ, сопровождаемый глухими и мѣрными ударами, какъ будто отъ какого нибудь тяжелаго пѣла,

падающаго на землю. Это привлекло мое вниманіе. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ я во всѣ стороны и ничего не видалъ. Потомъ выспавилась небольшая голова звѣря, какъ будто прыгавшаго въ проспникъ—но былъ кангуру. Я прицѣлился и выпрѣлилъ, но ловкое живошное было уже далеко. Я мпуоль далъ мнѣ замѣшнѣ, что пакъ убить кангуру шрудно. «Мы окружаемъ ихъ,» говорилъ мнѣ дикарь своими выразишельными движеніями, «сбиваемъ съ обѣихъ споронъ и подгоняемъ подъ удары дрошниковъ.» Англичанамъ помогаютъ при охотѣ собаки, гоняющія кангуру. Не въ силахъ добыть ни одного изъ этихъ звѣрей, я расплачивался съ ушкками, населяющими озера. Наблюдая положеніе и шрѣлая въ ушкѣ, мы дошли до берега залива Усприцъ, гдѣ островокъ, именуемый Садомъ, округлялся среди волнъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто корзина зелени. Множество птицъ занимали одинъ изъ его выдавшихся мысовъ, собравшись спаями.

Отсюда снова пустились мы во внутренность земли и вошли въ лѣсъ, гдѣ кангуры прыгали опять вокругъ меня, и ни одного изъ нихъ не удалось мнѣ убить. Ничего неможеть быть сравнѣе прыжковъ этого звѣря, перескакивающаго черезъ большія проспранспва, упираясь на свои заднія лапы и на хвостъ, между шѣмъ, какъ обѣ переднія лапы его, будучи гораздо короче заднихъ, немогутъ служить ему на бѣгу и кажутся какими-то бесполезными приспавками къ шѣлу живошнаго. Подошедши къ мѣспу, гдѣ на землѣ лежишь множество обломковъ гранита, мои спутники начали свои произи-

пельные ку-ги, и на нихъ были опивъпомъ такіе-же ку-ги. Черезъ нѣсколько минушъ окружила насъ толпа дикарей всѣхъ возрастовъ; они были одѣты въ кангуровыя шкуры и нѣкоторые держали въ рукахъ дробики. Ялеуоль сказалъ имъ нѣсколько словъ, и шущъ всѣ наперерывъ начали ласкать меня. Только въ то время, когда слышавъ голоса женщинъ и дѣтей, обратился я въ эту сторону, можно было замѣнить стараніе туземцовъ оборотить меня по направленію противоположному. Вышло, что гостепріимство было неполное и уступало ревности къ красавицамъ Австралійскимъ. Впрочемъ, это вообще черта характера Меланезійцевъ, что они не любящъ показывать женъ своихъ посѣщителямъ. Замѣнивъ неудовольствіе моихъ знакомцевъ, я не упорствовавъ и пошелъ, куда имъ было угодно. Мы отправились къ кораблю, а спутники мои осптывали одинъ послѣ другаго, такъ, что на приморьѣ пришелъ я съ однимъ Ялеуолемъ.

На другой день сопровождалъ я моего капитана. Онъ поплылъ въ своей китоловкѣ, желая осмолрѣть проптяженіе побережья рѣки Французовъ. Плывъ мимо оспрова Сада, мы хотѣли засмрѣлить нѣсколькихъ бабъ - пипицъ, засѣвшихъ въ кустарникъ оспрова, но прежде нежели успѣли мы приблизиться на доспапточное разстояніе, онѣ побѣжали по землѣ и длинною цѣпью полетѣли по воздуху. Но потомъ мы доспали ихъ въ высокихъ правахъ, покрывавшихъ побережье. Одинъ изъ нашихъ матпрозовъ добылъ даже прехъ, или чептырехъ молодыхъ дѣтенышей, у которыхъ, вмѣсто перьевъ,

былъ только пушокъ. Мясо ихъ, приготовленное въ рагу, было вкуснымъ кушаньемъ.

Въ углубленіи залива охотились мы также за стадами черныхъ лебедей, утокъ и *церепсовъ*. Чѣмъ далѣе плыли мы, тѣмъ неровнѣе и мѣлче встрѣчала насъ глубина залива. Мы вошли наконецъ въ рѣку Французовъ, копорая въ милъ отъ устья своего становится весьма мѣлкою. Ширина ея у моря около 50—60 саженъ, а глубина отъ 8-ми до 10-ти футовъ. Оба берега красуются прелестными ландшафтами, гдѣ надъ красивымъ кустарникомъ высіяны огромные эвкалипты. Милъ почти на пять можно плавать по рѣкѣ въ лодкѣ весьма свободно. Но далѣе цѣпь огромныхъ утесовъ совершенно загораживаетъ теченіе и мѣшаетъ плаванью. Подлѣ этой гряды каменьевъ при островкѣ, у копорыхъ дикари устроили рыбные заколы весьма просто и остроумно. Это сушь спѣнки изъ каменьевъ, образующія при кружка, съ опверсціемъ къ споронъ моря. Волны, впекая сюда, влекутъ рыбу, и она остается запущавшись въ лабиринтъ закола, у копорого внутренній выходъ гораздо уже вѣшняго. Подлѣ устья рѣки и даже по берегу залива находятся рыболовки, устроенныя на эщомъ-же манеръ, но только въ размѣрѣ гораздо болѣе. Тушъ выходы замыкаются маленькими шестиками, сполъ сближенными одинъ къ другому, что рыба поболѣ неможеть сквозь нихъ пробраться.

Мы вышли на берегъ рѣки и шли нѣсколько часовъ, по подѣ тѣнью огромныхъ эвкалиптовъ, по

по прекрасному гладкому лугу, по пробираясь съ прудомъ черезъ переплешенныя напороти. Такимъ образомъ держались мы печенія рѣки на двѣ, или на три мили за грядою ушесовъ, и тамъ, откуда мы поворошили, ширина ея проспирается едва на 4 или на 5 пуазовъ. Рѣка соспавляетъ здѣсь по ушесамъ водопадъ, льющійся съ высоты фуновъ пяни, а за нимъ эшо просто быспрый ручей, мчащійся по руслу, усяянному опрысками ушесовъ. Все, кажешся, доказываетъ, что печеніе рѣки почти невосходитъ далѣе, и истоки ея находящся у подошвы горъ, возвышающихся къ С. З.—Все эшо проспиранство наполнено кангурами, а при возвращеніи нашѣмъ по рѣкѣ, черныя лебеди, цереонсы и ушки взмешали во всѣ стороны. Мы выспрыли въ одного лебедя, но только ранили его, а пошому намъ было весьма прудно его поймать. Онъ нырнулъ въ воду и выплывалъ на дальнихъ разстояніяхъ, такъ, что надобно было три, или чепьре раза спрылать въ него снова. Пшица была красива и благороднаго вида, но все ее нельзя было сравнить ни красою, ни величїемъ съ бѣлыми Европейскими лебедями.

Вблизи острова Сада насъ поразилъ ужасный шумъ. Эшо были снада морскихъ ласпочекъ и усприцѣдовъ, поднявшихся съ острова при нашѣмъ приближеніи. Бабы - пшицы, пробужденныя изъ усыпленія своего общимъ волненіемъ, также пометѣли и пропали изъ виду. Говорятъ, что эши пшицы, подобно многимъ родамъ обезьянъ, прежде нежели сядутъ на опдыхъ, спавашъ спорожей, наблюдающихъ за безопасностью снада. Пошому

ихъ весьма прудно подсперечь и бипъ. Тоже должно сказать объ усприцеѣдахъ—превосходной дичинѣ.

Такъ, не смощря на испытанные мною досель пруды пушешесивія, я неушомимо продолжалъ свои наблюдения на берегахъ Авспралійскихъ.—Въ одну изъ прогулокъ моихъ съ Ялепуолемъ, подошли мы къ могилѣ, гдѣ, по словамъ моего проводника, недавно похоронили дикаря. Могила эша была чешыре фуна въ длину и шри въ ширину. Съ каждой стороны обрѣзь ея былъ въ видѣ полумѣсяца. Пуки зеленыхъ вѣшвей были посажены по всему холмику, а надъ шѣмъ мѣспомъ, гдѣ находился шрушъ, положены оружіе, ушваръ и украшенія покойнаго. Наконецъ, на корѣ ближнихъ деревьевъ, въ высоту шесши и семи фушовъ, начерчены были круги различной величины. Мершваго, по разсказу моего спущника, кладушъ сложа руки на груди и подогнувши колѣна къ груди. Пошомъ набрасываюшъ на него множество зеленыхъ вѣшвей и засыпаюшъ яму землею. Присущивующѣ на похоронахъ мажушъ себѣ лица чернымъ и бѣлымъ, что продолжается нѣсколько времени, какъ признакъ печали. Эшо-же доказываюшъ разрѣзывая кончикъ носа. Пока слѣдуешъ время шраура, запрещаетъ носить какія-бы шю ни было украшения. И шакъ и у эшихъ получеловѣковъ, по наружности шюль скошоподобныхъ, шюль чуждыхъ всякаго образованія, ешъ ушановленные обряды въ чешъ покойниковъ.

Замѣчательно въ этомъ отношеніи повѣрье, по которому, въ теченіе нѣкотораго времени, запрещается произносить имя умершаго, изъ опасенія, что нарушеніемъ такого запрета можно призвать мертвеца, или духъ его (*гноить*). Если изъ оставшихся въ живыхъ кто нибудь имѣетъ одинакое съ умершимъ имя, онъ долженъ перемѣнить его на все то время, пока продолжается запрещеніе. Такое опасеніе духовъ и предосторожности противъ нихъ заставляютъ подозрѣвать, что дикари имѣютъ какія-то идеи о жизни за гробомъ, и это весьма вѣроятно, но для опредѣленнаго рѣшенія подобнаго вопроса, слѣдуетъ лучше ознакомиться съ ихъ языкомъ. Когда я спрашивалъ по сему отношенію у моего соупущика, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Въ мѣсяцъ.» Но что это значило? Вѣрованіе дикарей, или частное замѣчаніе? Другой спрошенный мною дикарь, на слова мои: куда дѣвались его предки? отвѣчалъ указаніемъ къ западу.

Докторъ Скошинъ Ниндъ, имѣвшій время на досугъ наблюдать дѣяніяхъ дикарей, говоритъ, что у нихъ есть родъ жрецовъ-лекарей, именуемыхъ *мулгарадокъ*. Эти шарлатаны раздѣлены на нѣсколько классовъ, власть и преимущество которыхъ измѣняюща, смотря по относительному достоинству ихъ. Мулгарадокъ пользуется между дикарями властью прогонять бурю и дождь. Онъ можетъ по волѣ накликавъ на нелюбимаго имъ человека болѣзнь, либо болѣзнь. Если дѣло идетъ о прогнаніи бури, колдунъ становится на открытомъ воздухѣ, машетъ руками, попрыскаетъ свою одежду и капаетъ на-

конецъ по землѣ въ жестокихъ судорогахъ. Если ворожбы неслушается долго упрямая буря, то, съ перемѣшкой отдыха, комедія продолжается, пока буря не рѣшится переспать и не послушаетъ заклинаний. Для прогнанія болѣзни употребляется такое-же средство, но только шуму бываетъ меньше, и къ судорогамъ прибавляютъ колдунъ ширеніе большого мѣста, употребляя для того зеленныя вѣтки, нагрѣтыя на огнѣ; онъ душитъ кромѣ того на больного, изгоняя болѣзнь. Дикари вѣрятъ также, что мулгарадокъ можетъ прибавить силы и храбрости, и прибѣгаютъ къ пособию колдовства для приобретенія такихъ драгоценныхъ свойствъ. Мулгарадокъ водитъ руками по рукѣ желающаго сдѣлаться богатыремъ, отъ плеча до кистей, упираясь сильно и всприхивая пальцы, такъ, что они шрецаютъ. Трениемъ неограничается лекарственная ворожба. Въ поносахъ, которыми часто подвержены здѣшніе дикари, колдунъ даетъ больному ксанторейную гумму, а иногда молодые листочки шуберознаго растенія, называемаго здѣсь *мирнесъ*. Главныя болѣзни, свирѣпствующія между дикарями, суть простудныя, какъ-то: боль въ горлѣ и желудкѣ. Последнія нередко спановаятся смертельными, особливо для дѣтей. Мулгарадоки весьма искусно заживаютъ раны, нанесенныя сагаями. Ловко извлекаютъ они обломокъ оружія, если онъ оспался въ плѣть, и потомъ прикладываютъ къ язвѣ порошокъ изъ бойели, служащій имъ вмѣсто румянъ, крѣпко завязываютъ рану покровками изъ нѣжной коры, и потомъ тщательно предписываютъ діету, назначая

для каждого періода болѣзни извѣстные роды кушанья, сперва распенія, потомъ ящерицъ, и наконецъ рыбу.

Ниндѣ незамѣнилъ между дикарями никакого особеннаго уродства. Глухота и слѣпота весьма рѣдки. Увидѣвши однажды пьяныхъ Англичанъ, особливо одного, который немогъ держаться на ногахъ, она испуганные побѣжали къ доктору, изъясняя опасеніе, что эти люди умрутъ непременно. У насъ, говорили они, бывають иногда такіе больные, и всегда умирають. Ниндѣ спрашивалъ ихъ подробно, и сколько могъ понять, дикари говорили о солнечномъ ударѣ.

Отъ укушенія змѣй, дикари имѣють особеннаго рода леченіе. Выше раны перевязываютъ они шло покроемъ изъ коры, увеличиваютъ рану когнемъ кангуру, или оспреемъ дропика, и потомъ высасываютъ изъ раны ядъ, безпрестанно полоща между шлѣмъ ротъ водою. Если нельзя при высасываніи полоскать рта, операція починается весьма опасною. Одинъ дикарь, укушенный въ палецъ, по разсказамъ Нинда, чувствовалъ себя весьма дурно дня съ два, и долго потомъ былъ худъ и боленъ.

Мы одолжены доктору Нинду множествомъ любопытныхъ подробностей, касающихся нравовъ и обычаевъ Австралійскихъ дикарей. Такъ, на примѣръ, онъ успѣлъ открыть, что въ здѣшней сторонѣ Австраліи дикари дѣлятся на два какіе-то класса: Эрнунговъ и Темовъ, или Таамановъ. Два эти класса обязаны брать жёнъ взаимно одинъ у другаго; Эрнунгъ непременно женился на Тааманкѣ, et vice-

verga. Названіемъ: *Юредангеръ* опличаютъ преступниковъ этого закона, наказывая ихъ кромѣ того весьма строго. Дѣти считаются принадлежащими къ племени ихъ матери, такъ что у Эрнунга всѣ дѣти Тааманы, между нѣмъ какъ дѣти родной сестры его Эрнунга. Только поколѣніе *Мурранъ*, обитающее около залива Георгіевскаго, кажется, исключено изъ сего рода общественныхъ условій.

Дѣвушекъ обручаютъ съ дѣтства, и часто даже даютъ слово за неродившихся. Все зависитъ тутъ отъ уговора между опцами, такъ, что иногда молодыя дѣвочки напередъ назначаются для сгариковъ, уже имѣющихъ многихъ женъ. Для дѣтей мужескаго пола существуетъ особый родъ усыновленія, похожій на крестничество между Европейцами. Обычай этотъ именуется *котертай*, и цѣлю его бываетъ доставленіе ребенку помощи и кровопительства чловѣка, добровольно принимающаго на себя обязанности опца.

Кажется, что у дикарей нѣтъ никакихъ общественно-вѣнчальныхъ обрядовъ. Невѣсту представляютъ жениху, но подарки его принадлежатъ не столько ей, сколько опцу ея. Ихъ составляютъ обыкновенно дичина и съѣстное; иногда присовокупляются еще для опца невѣсты плащъ, дрошники, или какая нибудь ушварь. Одиннадцать и двѣнадцать лѣтъ дикарка послушаетъ въ полную волю мужа, котораго называютъ въ такомъ случаѣ *паризъ-оккеръ*. Похищающіе себѣ женъ, что бываетъ весьма нерѣдко, принуждены употреблять болѣе заботы для склоненія красавицы. Но иногда

употребляется просто насиліе, и дикарку пащашъ къ мужу силою, либо назначенная спарику, она самовольно опдаешся дикарю болѣе молодому и красивому. Все поколѣніе дикарки знаютъ о побѣгѣ невѣсты, но не преслѣдуешъ ее. Однакожъ, въ шеченіе нѣкошораго времени, спраспные супруги должны перемѣняшъ мѣсто жилища и прячашся, ибо раздраженный спарый женихъ можетъ жестоко мстить имъ. Опасность продолжается, пока прелестная бѣглянка не окажется беременною. Тутъ вснунающъ въ посредничество общіе друзья; спараго рогоносца успокоивающъ какими нибудь подарками, и онъ соглашаешся уничтожить свои права на жену счастливаго соперника. Бѣжашъ и скрывашся такимъ образомъ по лѣсамъ съ невѣстою другого, называешся у Авспралійцовъ *марръ инъ колата*. Если невѣрную невѣсту поймашъ, то ей бываетъ плохо. Обманутый женихъ колонитъ ее, и въ заключеніе прощываетъ ей лядвен коньемъ. Впрочемъ, невѣрность нерѣдко разрушаешъ здѣсь спокойствіе супружесствъ. Мужья Авспраліекъ знаютъ слабостъ своихъ милыхъ половинокъ, сперегунъ ихъ, и при малѣйшемъ подозрѣніи исправляющъ ихъ кулаками. Почти всѣ мужчины остающся холостяками до 30-ти лѣтъ, а иногда еще долѣе. Только старикамъ позволяешся имѣть много женъ всякаго возраста.

Всѣ эти спранные обычаи дополняющся еще болѣе спраннымъ, называемымъ *тарра манаккаракъ*, и похожимъ на Ипальянское *чичизбейство*. Позволяешся ласкашъ жену другого при жизни мужа, съ не-

премѣннымъ условіемъ женишься на ней, когда свалился ея старый мужъ. Тогда связь почитаютъ позволенною, хотя припомъ должно наблюдать скромность и приличія, пакъ, чтобы неоскорбить мужа и неподашь примѣра соблазнительнаго другимъ счастливымъ чепамъ.

Когда мужъ умираетъ, всѣ жены его, на время праура, переселяются къ своимъ опцамъ, и должны строго убѣгать опъ всякаго сообщенія съ мужчинами, даже и съ пѣми, конорымъ дали права на сердце и руку. Нарушивъ въ семъ случаѣ уваженіе къ памяти покойника значило-бы подвергнуть себя жестокому наказанію. Но если попомъ вдовы убѣгаютъ съ своими возлюбленными, объ этомъ никто уже не заботится.

Дикарки родятъ легко и безъ большихъ спраданій. На другой день идутъ уже опъ на добычу пищи, какъ будшо ни въ чемъ не бывали. Дѣтство раздѣляется на нѣсколько періодовъ, и для каждого естъ извѣстныя условія. Сначала ребенка носятъ на лѣвой рукѣ, прикрывая одеждою, а попомъ мать шаскаетъ его за плечами. Дѣти бываютъ совершенно нагія, пока не станутъ ходить. Если родятся двойни, одного младенца убиваютъ, и если одинъ изъ близнецовъ мальчикъ, то ему опредѣляется смерть. Въ оправданіе обычая споль варварскаго, дикари говорятъ, что у матери недостаесть молока для двухъ дѣтей и силы шаскать ихъ обоихъ, когда она пойдетъ за добычею пищи. Дикарки кормятъ грудью до 4-хъ и 5-ти лѣтъ, но задолго до опнятія опъ груди приучаютъ уже

дѣтей добывать самимъ себѣ пищу. Дикарки девяти и десяти лѣтъ обыкновенныя няньки дѣтей меньшаго возраста. Онѣ ведутъ стада ихъ въ окрестности того мѣста, гдѣ кочуютъ ошцы и мапери, и заготавливаютъ рыбу коренныя ошскими папочками. Если спая дикаренковъ и дикарокъ замѣтитъ приближеніе чужаго, тотчасъ спрячется въ траву, какъ дичина, и лежачъ, прикинувшись къ землѣ.

Дикари пляшутъ нагѣ, но если идутъ прислушиваются Европейцы, то они одѣваются, покрывая себѣ среднюю часть плеча. Рожи у нихъ обыкновенно вымазаны красною охрою, съ разными каркульками бѣлыми на рукахъ и по плечу. Бѣлый цвѣтъ почтается признакомъ печали, но при пляскѣ его употребляютъ потому, что его легче различить въ темнотѣ. Мулгарадоки никогда не пляшутъ.

Въ торжественные дни зажигаютъ большой огонь на ровномъ мѣстѣ, и за нимъ садятся спарикъ, котораго можно назвать царемъ пира. Всѣ плясуны производятъ однообразныя движенія, движутъ руками и ногами въ одинъ разъ, измѣняя позиціи и жесты. Иногда вдругъ всѣ останавливаются, ворчатъ что-то сквозь зубы, оборачиваютъ головы въ ту и другую сторону и принимаютъ самыя смѣшныя положенія. Всѣ пляски здѣшнія имѣютъ какъ будто какое-то аллегорическое или символическое значеніе. Часто изображаютъ ими охоту, что можно заключать по крику при шой, или другой пляскѣ: «варркъ, уайтъ, тоуртъ,»

(ему, кангуру, собака). Плясуны держатъ въ рукахъ зеленыя въпви, машутъ ими, подходятъ поочередно къ спарику, что подлѣ коспра, и кладутъ ихъ передъ нимъ, въ знакъ почета. Иногда, вооруженные коньями, плясуны дѣлаютъ видъ, будто хотѣтъ сражаться одинъ съ другимъ, и конья и въпви опдають почешному спарику. Во все время пляски, спарикъ оспашетъ на своемъ мѣстѣ, соблюдая важный и угрюмый видъ, и только оборачивая голову, то туда, то сюда, какъ будто направляя и наблюдая движенія пляшущихъ. Кроме того, онъ долженъ обдсргивать и поправлять свою бороду, то правой, то лѣвой рукой. Докторъ Ниндъ ни разу не видалъ дикарокъ, пляшущихъ съ дикарями, и думаетъ, что этого никогда и не бываетъ. Во время пляски дикари ревутъ, и доказываютъ своимъ крикомъ, что у нихъ нѣтъ нислѣйшаго понятія о гармоніи музыкальной. При каждомъ прыжкѣ плясунъ произноситъ слова: *вую, вую!* Значеніе этихъ словъ неизвѣстно. Знаютъ только, что когда дикари выгоняютъ палками дичь изъ травы и кустарника, то это называется у нихъ *вую э ня тоуръ*—что-то смѣшное, гдѣ слышны однакожъ звуки *вую*. Вдругъ останавливаясь, плясуны начинаютъ визжать пронзительно. Вся пляска производится только тогда, когда дикарей сберется много, и въ мирное время. Во время войны непляшутъ, боясь, чтобы непріятель неподстерѣвъ во время разгуля, узнавши по крику и воплю, что ждутъ его и предаются веселью.

Въ первое время колонизаціи, Англичане считали

нѣкопрыхъ изъ дикарей начальниками оспальныхъ. По два, по три чловѣка въ полѣ замѣчали шакихъ, копорые опличались роспомъ, складносью пѣла, дѣяшельностью и особливо раскраскою кожи. Имена прехъ шакихъ дикарей были: «Найкеннонъ, Гневипъ, Варши.» Но въ послѣдствіи свѣдали, что все преимущество мнимыхъ начальниковъ ограничивалось нѣкопрымъ вліяніемъ, происходившимъ опъ ихъ пѣлеснаго и умспвеннаго превосходства, и что собственно гражданскаго, неоспоримаго и условленнаго владычества у Авспралійцовъ вовсе нѣтъ. Найкенонъ расхваспался однакожъ, будпо онъ капитанъ и царъ надъ черными. Долго боялся онъ обнаружить мнимоспъ своей власпи при посѣщеніи Евронейцовъ, и вѣрояпно, опважился погда только, когда уговорилъ поварицей изъявишъ къ нему родъ почена. Они говорили Англичанамъ объ немъ продолжительно, съ уваженіемъ, и опзывались какъ о старшемъ между ними.

Этотъ Найкеннонъ былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ дикарей. Волосы были у него собраны назадъ въ видъ пучка, крѣпко перевязанаго снуркомъ, а сверху украшены бѣлыми перьями. На лѣвой рукѣ его былъ шакой-же пукъ перьевъ. Грудь и плеча были испещрены рубцовымъ татуажемъ (умбинъ). Онъ опличался благоприличіемъ въ манерахъ своихъ, говорилъ мало и рѣдко пребывалъ чего нибудь. Долго опказывался онъ провожающъ колонисповъ на охоту и прислуживающъ имъ, какъ дѣлали это обыкновенно другіе земляки его. Но кончилось шѣмъ, что онъ смирился, какъ равно и

брагъ его Маукоррай, сдѣлавшись въ послѣдствіи такимъ пріятелемъ Англичанъ, что почти всегда былъ съ ними. Тогда-то легко могли увидѣть прежнее плутовство ихъ, и то, что они неимѣли никакой власти надъ дикарями.

Въ супружествахъ не наблюдается никакого различія племенъ, но дикари охотнѣе женятся однаковъ на дикаркахъ даже живущихъ. Въ такомъ случаѣ дѣши имѣютъ право на охоту въ окрестностяхъ ихъ матерей. Австралійцы чрезвычайно заиспывы къ праву собственности, и земли раздѣлены между ними на участки; каждымъ владѣетъ одно семейство. Въ извѣстное время года, молодые дикари, идя на промыселъ, посѣщаютъ своихъ соседей и родню, иногда заходя для такого визита за 40, 50 миль отъ дому. Посѣщеніе продолжается немного, но празднуется всегда плясками и увеселеніями. Оно можетъ быть только между дружными племенами, и при этомъ наблюдаются нѣкоторыя условія, свидѣтельствующія о дружескомъ расположеніи посѣщенныхъ. Гости всегда являются въ полдень.

«Бывши однажды на охотѣ,» говоритъ Ниндъ, «съ пятью, или шестью дикарями, я услышалъ крикъ: *куй, куй, кай!*» Едва крикъ этотъ огласилъ лѣсъ, мои поварицы остановились, заговорили, что это долженъ быть непріятель, и просили меня пособить имъ драться. Но вскорѣ увидѣли они, что это были друзья, и мы пошли къ незнакомцамъ. То были пять, шесть человекъ изъ поколѣнія Мурранъ; они шли въ гости и плясали дорогою.

Ихъ дропки и *мира* (tearas), или палки, копорыми бросають они свои дропки, несъ одинъ, а всъ прочіе шли безъ орудія. Дикари были всъ раскрашены и размазаны по всему пълу; на головѣ у каждаго была повязка съ лисьями ксанпорреи, висѣвшими кругомъ въ видѣ вѣнца; каждый дикарь держалъ кромѣ того въ рукѣ зеленую вѣпви. Едва завидѣли посѣщители моихъ шоварищей, какъ начали ходишь кругами, и тоже дѣлали съ нашей споронъ; попомъ всъ обнимались нѣсколько разъ. Каждый обхватывалъ своего пріятеля кругомъ пѣла, немного приподнималъ его отъ земли и цѣловалъ ему попомъ руки; шочно тоже было сдѣлано съ другой споронъ. Тутъ началась пляска, и я оставилъ госпей пѣпшишься съ хозяевами.»

Зеленія вѣпви, видимыя при всякихъ обрядахъ, кажесть, соспавляють у Австралійцовъ символъ мира, но онѣ играютъ важную ролю въ пляскахъ. Если между двумя дикарями начинается ссора, родные съ обѣихъ споронъ стараются помирить ссорящихся, и вступаютъ въ посредничество. Если убьютъ дикаря, шотчасъ все его поколѣніе начинаетъ думать о мщеніи за кровь кровью, при чемъ мало заботы о томъ, будетъ-ли убитъ виновный—пребуесть шолько жертва изъ его поколѣнія. Чувство шакого мщенія вкоренено въ понятія Австралійцовъ, шакъ, что если кто нибудъ умираетъ нечаянно, упавши съ дерева, упонувши въ морѣ, или погибнувши какимъ-бы шю ни было образомъ, несчастье приписываютъ друзья умершаго какому нибудъ злоумышленію мулгарадока изъ враждебнаго племени, и обязан-

послѣ, чести соснавляетъ непремѣнное убійство кого нибудь изъ племени злаго колдуна. Когда дикарь чувствуетъ себя весьма больнымъ, теряя всякую надежду на выздоровленіе, онъ старается убить кого нибудь, увѣренный, что смерть другого спасетъ его собственную жизнь.

Въ частныхъ ссорахъ бьются дикари своими палками и дубинами, но рѣдко такой бой оканчивается смертельнымъ ударомъ. Неимѣя щиповъ, ловко умьютъ бойцы избѣгать опъ удара дрошниковъ. Самымъ обыкновеннымъ предметомъ ссоры бывають опшрапительныя здѣшнія красавицы. Въ случаяхъ менѣе важныхъ, каковы нарушения права поземельнаго владѣнія, на смерть небьются, стараются только ранить другъ друга, въ ноги наиболее. Едва кровь потекла, битва прекращается. Нельзя ли передъ каждымъ поединкомъ между Европейцами сказывать соперникамъ, что они слѣдуютъ обычаямъ получеловѣковъ Ново-Голландскихъ?

Въ другихъ мѣстахъ Австраліи дикари выходятъ на опкрытый, правильный бой, но живущіе около Георгіевскаго залива незнають способа вести такимъ образомъ войну, стараются напасть въ расплоть, часто ночью, и почти всегда ограничиваются вероломною засадою. Съ видимымъ приближеніемъ непріятеля раздается пропизнательный вой; всѣ, кто можетъ биться, схватываютъ дрошники и бѣгутъ на поле битвы, съ страшными криками, такъ, что герои Австралійскихъ считают за сумасшедшихъ или бѣснующихся. Но рѣдко

бьются болѣе двухъ, прехъ человекъ за-разъ съ каждой спороны. Въ это время, другіе немного что небуются, но стараются разнять драчуновъ, отъ чего происходитъ чершовская сумятица. Спановясь въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, дикари кидаются дрошиками, но, какъ я уже говорилъ, ловкость ихъ избѣгать ударовъ бываетъ удивительная, такъ, что самага едва примѣтнаго движенія бываетъ имъ для сего довольно. Поэтому перебросясь съ обѣихъ споронъ много дрошиковъ, пока ранятъ какого нибудь великаго Сарпедона, или Діюмида Австралійскаго.

Во время военное туземцы Георгіевскаго порта оспавляютъ свои обыкновенныя мѣста пребыванія и уходятъ въ удаленныя лѣса, для обезопасенія своихъ женъ и дѣтей, а не то собираются въ большомъ числѣ, чтобы составить сильный защитительный шаборъ. Рѣдко зажигаютъ тогда другіе огни, кромѣ самыхъ необходимыхъ для приготвленія пищи, и стараются обмануть непріятеля, часто переносятъ свои спановья съ одного мѣста на другое. Войска составляютъ обыкновенно изъ холосняковъ. Они бродятъ маленькими опрядцами, по три, по чепыре человека, стараются оставить на проходѣ сколько можно менѣе слѣдовъ, и пошому удаляясь отъ дорожекъ и пропировъ извѣстныхъ. Чувъ замѣняятъ гдѣ слѣдъ, то легко угадываютъ уже дорогу и направленіе опряда. Ошкрывши непріятеля, подходятъ къ нему полпами, но только ночью, ползя на рукахъ и на ногахъ, пока приблизятся на разстояние, въ какомъ можно доспать

дрошикомъ. Увидѣвъ, что есть уже возможность приняться за оружіе, съ крикомъ начинаютъ бросать дропки. Внезапно захваченный паборъ дикарей бѣжитъ безъ обороны, не думая защищаться, пользуясь ночью, чтобы оспавить мѣсто своего пребыванія и сыскать другое убѣжище. Если-бы спали защищаться отъ нападка, то, по мнѣнію дикарей, можетъ произойти страшное смятеніе, ибо въ просонкахъ осажденные не могли-бы ночью оплечить своихъ отъ чужихъ, когда враги хорошо могутъ все разглядывать, бодрые, при свѣтѣ огней паборныхъ. Иногда при нападеніи бьютъ женщинъ и дѣтей, хотя часно побѣдиши довольствуются одною жертвою. Война для этихъ дикарей, продолжаясь почти непрерывно, должна быть причиною малаго ихъ умноженія. У каждаго убишаго оспающагося родные и друзья, которые обязаны мстить за него, и отъ такой планы головою за голову вражда планется безконечно.

Языкъ дикарей окрестъ Георгіевскаго порша не предсавляетъ ничего непріятнаго, и напрошивъ, въ немъ есть какая-то гармонія. Обыкновенно дикари говорятъ весьма скоро, и если соберутся большою планою, то иногда поютъ импровизаціею пѣсни, въ память замѣчательныхъ для нихъ событій. Особливо пѣніе занимаетъ женщинъ, если онѣ оспаются однѣ. Туть дають онѣ свободный разгулъ своей досадѣ, и поютъ пѣсни нерѣдко весьма оскорбительныя для мужчинъ. Спановище дикарей вообще всегда шумно; молчаніе наспунаетъ только съ приходомъ чужихъ людей, и продолжается не-

болѣе того времени, сколько нужно узнать, кто такой явился.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, мнѣ все еще невыходило счастья поохотиться за кайгурами. Небыло ни случая, ни благопріятнаго времени. Наконецъ подулъ сильный Ю. Э. вѣтеръ, и другъ мой Ялепуоль увѣдомилъ меня, что это самая лучшая пора для охоты, кѣмъ надобно пользоваться. Несмотря на бурную погоду, отправился я съ чепырьми дикарями и достигъ болоша, заросшаго проспнникомъ, гдѣ нѣсколько разъ прежде замѣчалъ этихъ млеконипающихъ. Дикари развѣдали, что у одного изъ нихъ было тушь гнѣздо. Съ приближеніемъ сюда прямо противъ вѣтра, что соблюдали самымъ спарашельнымъ образомъ, охотники дали мнѣ знакъ остановиться въ нѣкоторомъ разстояніи. Они сбросили съ себя свои лоскутья и поползли по волчьимъ, двигаясь на рукахъ и на ногахъ, и останавливаясь, если вѣтеръ переспавалъ душь. Чуть только кайгуру, беспокойный и испуганный, обращался къ нимъ и замѣчалъ ихъ, они прикидывались неподвижными, будно мертвые. Продолжая все сипхипроси минути десяти, охотники приблизились къ звѣрю на разстояніе немногихъ шаговъ, и вдругъ бросили въ него свои сагаи. Однимъ ранили его въ заднюю лапу, другимъ попали въ голову. Бѣднякъ упалъ, прыгнулъ еще нѣсколько разъ, но дикари кинулись на него и пошчасъ добили его сильными ударами по головѣ. Едва я успѣлъ подойти, добыча была уже почти расперзана, ибо каждый спарался поскорѣе захватить что было самага

лучшаго и болѣе полезнаго. Одинъ опорвалъ нижнюю челюсть съ двумя ея передними зубами, служащими для насадки на дропки. Другой зубами опгрызъ хвостъ и вытягиавалъ изъ него фибры нервовъ; ихъ сушилъ пономъ, навивая на палку, и онѣ драгоцѣнны дикарямъ для шитья ихъ мѣховыхъ одеждъ и для привязки оспреевъ къ дропикамъ. Съ шоржесивомъ опправились мы наконецъ въ дикарскій паборъ, и все поколѣнiе вспрѣпило насъ радостными криками. На мою долю достался кусокъ опъ задней часни кангуру. Изрубленное и сваренное съ кускомъ свинины, мясо кангуровое считающся довольно лакомымъ въ кушанья, которое Англичане называютъ steamer (душенымъ мясомъ).

Если дикарей соберется много, то охота за кангурами производится иначе. Они составляютъ около звѣря плотный кругъ, мало помалу уменьшая его объемъ, пока удары могутъ достигнуть до испревоженнаго живошнаго. Для кангуровъ малаго рода употребляется такое-же средство ловли. Когда опкроютъ гнѣздо звѣря, то рубящъ около него, на значительную ширину, куспарики и праву, непрогала самой срединъ; пономъ изъ срѣзанныхъ и вырванныхъ шравъ и въшвей образуютъ родъ кругообразной огорожи, могущей удержатъ кангуровъ въ ихъ бѣгъ. Когда все это приготоовлено, одинъ, либо два дикаря, съ собаками, пускаются на оспавленное въ срединъ мѣсно и поднимаютъ изъ него звѣрей. Кангуры прыгаютъ черезъ очищенную полосу но добѣжавъ до огорожи, легко могутъ быть убиваемы охотниками. Поному добыча, при большомъ числѣ ловцовъ, всегда быва-

ещь обильная и легкая. Дикари дѣлають также ловушки въ болописныхъ мѣстахъ, куда приходять кангуры пить. Для этого роютъ глубокий ровъ, покрываютъ его вѣтвями и засыпають слегка землею. Такой манеръ ловли особливо употребляется во внутреннихъ земляхъ Австралійскихъ.

Охота за ему́, или казуарами, производится жителями около Георгіевскаго залива большею частью зимою, когда эти птицы кладутъ свои яйца. Опкрывши гнѣздо, дикари прячутся за кустарникомъ и спаряются сперва убишь самца, ибо послѣ того почти навѣрное можно убишь самку. Впрочемъ, эта добыча даётся имъ рѣдко, хотя они чрезвычайно дорожатъ ею.

ГЛАВА XIII.

АВСТРАЛИЯ. — ОСТРОВЪ КАНГУРОВЪ И ЗАПАДНЫЙ ПОРТЪ.

Декабря 6-го нашъ капитанъ кончилъ всѣ свои дѣла, и мы вспушили подъ паруса, направляясь попомъ къ В., при довольно неблагопріятной погодѣ, хотя тогда было лучшее время въ Австралійскихъ моряхъ. Черезъ десять дней скучнаго плаванія бросили мы якорь въ *Напинскомъ* заливѣ (Narpen-Bay), на островѣ *Кангуровъ* (Kangaroo Island). Имя острову дано было при его открытіи. Когда Флиндерсъ приспалъ здѣсь въ 1802 году, кангуровъ было здѣсь такое множество, и они были такъ ручны, что въ одинъ вечеръ мажоры убили ихъ прицѣпъ одну штуку, изъ кошорыхъ самыя малыя вѣсили по 60 фунтовъ, а большіе по 120 фунтовъ. Они спядами паслись по лугу, около лѣса. Неменьше многочисленны были спая тюленей, кошорые ползали по берегу до мѣста пребыванія кангуровъ и, казалось, жили съ ними въ большой

дружбѣ. Флиндерсъ замѣтилъ, что племена, при приближеніи людей, показали болѣе ловкости, нежели соплеменники ихъ кангуры. Эпи вовсе не заботились о приходѣ Англичанъ, и какъ будто почили ихъ за племеней, не разспрашивая своей безопасности для своихъ и для другихъ. Но племена оказались не столько глупы и несочли Англичанъ родичами кангуровъ. Флиндерсъ могъ-бы дополнить къ своему разсказу, что можетъ быть, племена ознакомились уже съ людьми на другихъ берегахъ Австраліи, между тѣмъ какъ кангуры, оцѣленные опытъ всего міра на своемъ островѣ, не могли имѣть подобныхъ этнографическихъ познаній. Какъ-бы то ни было, но теперь кангуры пріобрѣли новыя свѣдѣнія объ людяхъ и совершенно измѣнили свои доверчивыя нравы. Едва только пошли мы на мысъ Кангуровъ (Kangaroo-Head), который Флиндерсъ называлъ любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ, изъ 12-ти живошныхъ, шамъ находившихся, девять бросились бѣжать во всю мочь, только что замѣтили насъ, и едва могли мы убить двухъ, пригнанныхъ собаками къ мѣсту нашей засады. Напрасно также стрѣляли мы нѣсколько разъ по казуарамъ. Ихъ трудно убить съ одного раза, и какъ ни будучь они ранены, если только могутъ бѣжать, то бѣгутъ и скрываются.

Островъ Кангуровъ садъ цвѣтущій подлѣ безплодныхъ и голыхъ береговъ Австралійскихъ. Свѣжій дернъ заспилаетъ его аспидные утесы, расположенные слоями, совершенно горизонтальными. Произрастаніе на прекрасномъ коврѣ зелени, безъ сомнѣнія, дол-

женствовало привлекать сюда множество кангуровъ и способствовать ихъ размноженію. Лѣсъ, довольно густой, покрываетъ многія части острова.

Когда Флиндерсъ открылъ здѣшнее мѣсто, онъ замѣтилъ, что деревья, здѣсь росшія, были гораздо хуже множества другихъ, стволы и пни которыхъ стояли и валялись по лѣсамъ, изсохшіе и загорѣлые. Всѣ эти исполинскія прозябанія казались погибшими въ одно время, и какъ будто отъ общаго пожара. Ничто не показывало, чтобы люди когда нибудь сходили на этотъ островъ, и поному заключили шакъ, что молнія, или случайное шреніе одного сухаго дерева о другое, зажгли здѣшніе лѣса. По вычислу Флиндерса, это могло случиться лѣтъ за 20-ше до его прибытія.

Островъ Кангуровъ около 30 лѣ въ длину и лѣ 12-ше въ ширину, при высотѣ весьма посредственной. Внутренность его неизвѣстна; жителей здѣсь еще не открыли; извѣстно только, что земли около Джервисова мыса (Jervis-Head), отдѣленные отъ острова Кангуровъ проливомъ въ двѣ, или три лѣ, населены такимъ же бѣднымъ и дикимъ народомъ, какой обитаетъ около залива Короля Георга. За нѣсколько мѣсяцовъ до нашего прибытія въ Наппинскій заливъ, дикость этихъ варваровъ погубила опличнаго Англійскаго офицера, пожертвовавшаго жизнью своего любви къ наукамъ. Съ мѣста спянки нашей, мы могли видѣть вершины Высокой (Lofty) горы, гдѣ совершилось бѣдствіе. Вотъ разсказъ, какъ передали его намъ пошомъ въ Портъ-

Джаксонъ. Благородное самопожертвованіе на безвѣстныхъ, опдаленныхъ земляхъ сподобило того, чинобы опзывы объ немъ были вѣдомы свѣту, и имена спрадальцовъ науки и познанія были чшими наравнѣ съ именами другихъ спрадальцовъ для блага чловѣчества.

Лейтенантъ Спуртъ, о которомъ будемъ мы говорить въ послѣдствіи, узналъ печеніе рѣки Муррая (Murray), и открылъ обширное озеро *Александринское*, сообщающееся съ заливомъ *Встрѣчи* (Encounter) подлѣ мыса Джервиса, посредствомъ пролива, неспособнаго для плаванія даже малыхъ судовъ, хотя онъ и довольно широкъ. Въ слѣдствіе сихъ открытій Спуртъ подозрѣвалъ, что озеро можетъ также сообщаться съ заливомъ Сентъ-Винценнскимъ, особымъ, болѣе глубокимъ печеніемъ. Дѣло было важно для точнаго изслѣдованія. Съ этимъ могла соединиться вся система колонизаціи по южной Австраліи, а также и средства сообщенія съ внутренними землями.

Капитанъ Баркеръ, возвращаясь изъ посылки въ заливъ Георгіевскій, предпринялъ разрѣшеніе сего важнаго географическаго вопроса. Апрѣля 10-го 1831 года прибылъ онъ къ мысу Джервису, вблизи обмылъ восточнымъ берегомъ Сентъ-Винценнскаго залива, и увѣрился, что нѣтъ никакой видимости полагать проѣздъ на разстояніи земель весьма значительномъ.

Но чинобы удостовѣриться гораздо лучше, 17-го Апрѣля Баркеръ сошелъ на берегъ, въ сопровожденіи комиссаріатскаго чиновника Кенпа, двухъ

солдана и служителя своего. Они вышли подлѣ небольшого залива, устье котораго заграждалось мѣлю, а пропѣженіе, мѣли на чепыре, доходило до подошвы горной цѣпи, параллельной съ берегомъ. Окрестность казалась довольно плодородною. Прибрежье залива состояло изъ натуральныхъ луговъ, слегка покрытыхъ мѣсомъ и заросшихъ травами всякихъ родовъ. Почву составляла пучная земля, цѣпля шоколаднаго, которую полагали происшедшею отъ разложенія извѣстковаго, синеватаго камня, составлявшаго берега залива. Въ концѣ долина, огороженная ущесами, вела въ горы. Тутъ нашли довольно прѣсной воды въ болотистыхъ мѣстахъ, куда спускала она во время послѣднихъ дождей. Небольшой отрядъ Баркера остановился здѣсь.

На другой день, Баркеръ, съ Кенномъ и служившимъ своимъ, пустился на Высокую гору, следуя направленію гребня ея. Нисшія части казались здѣсь составленными изъ глинистаго шиста, а ребра и вершины были покрыты деревьями, достигавшими необыкновенныхъ размѣровъ. На В. зрѣніе ограничивалось другими горными цѣпами, параллельными той, по которой шли. Но на З. видны были прелестныя прибрежья залива.

Въ теченіе дня шли по краямъ глубокой рывины, уклоны которой покрыты были травами, красивыми на видъ. Въ 600 футовъ глубины шумѣлъ въ эппой пропасти небольшой потокъ, разбиваясь по каменистому дну. Тамъ и здѣсь ужасные камни полагали какъ будто преграды теченію, и при такихъ мѣстахъ вода до того испирала и вымывала ка-

меня, что жилы красного и синего кварца, между ними лежавшія, казались искусственной мозаичною работою. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ рытвины, спутники остановились на второй почмгѣ.

На слѣдующій день достигли они вершинъ Высокой горы, 2250 футовъ надъ поверхностью моря и на одиннадцать миль отъ берега. Всего болѣе изумила ихъ здѣсь громадность распухшихъ деревьевъ. Въ одномъ изъ пней древесныхъ оказалось до 40 футовъ въ окружности, и эти дивныя прозбенія, по видимому, не спирали ни отъ парсвующихъ здѣсь вѣтровъ, ни отъ возвышенія, на которомъ они находились. Большая часть ихъ принадлежала къ роду эвкалиптовъ, и одно было замѣчательно по особенному благовонію своей коры.

Путешественники сошли по сѣверному покапу горы и достигли мѣста, гдѣ цѣль горная оканчивается на С. С. В.—Тутъ насладились они видомъ обширнѣйшимъ, нежели съ самой горной вершины. Они видѣли большую часть залива, могли различить горы, ограничивающія его на С. С. З., а прямо на В. другую гору, совершенно похожую на Высокую, весьма возвышенную и, казалось, соспавляющую предѣлъ въ этомъ мѣстѣ, закрывая собою Александринское озеро. Баркеръ заключилъ, что этотъ пикъ упоминаемъ былъ Спурномъ, какъ стоящій на самомъ озерномъ побережьи, и, вѣроятно, смѣшанный имъ съ Высокою горою, болѣе удаленною къ З.—По всей справедливости, пикъ этотъ былъ наименованъ горою Баркера.

Ниже почки, на которой остановились путешественники, продолжалось къ С., столь далеко, сколько могло обнять зрѣніе, простраженіе земли плоской, слегка волнистой, но открытой, но опчаси лѣсистой, но всюду устланной травой. Такое-же простраженіе шло къ В., и казалось, окружало бока Барнеровой горы. — Путешественники провели ночь на вершинѣ горной цѣпи, подлѣ огромной впадины, удобившейся жерлу волкана; ужасные обломки грубого, сѣроваго гравіа сгромождены были въ ней, въ величайшемъ безпорядкѣ. Вершины всего простраженія горной цѣпи отъ Высокой горы состоятъ изъ подобнаго основанія, находящагося такимъ образомъ между низовымъ, окружающимъ проходъ, лежащій на шемъ горной цѣпи.

Эта первая экспедиція кончилась весьма счастливо. Путешественники воропились на морское побережье 21-го Апрѣля. Они снова опправились, черезъ нѣсколько дней пошомъ, къ небольшому заливу, довольно надежному, находящемуся непосредственно на С. отъ мыса Джервиса, и во внутренности его нашли долину, 9-ть или 10 миль въ длину, и 3 или 4 мили въ ширину. Сія долина, закрытая двумя вѣтвями главной цѣпи горъ, изобиловала пасбищами, по копорымъ бродили многочисленныя стада кангуровъ. Хотя каменистая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, земля казалась вообще плодородною и пріятною на видъ. Направляясь прямо къ В., Баркеръ и его шоварицы перешли первую цѣпь холмовъ, и пошомъ вступили въ долину, безплодную, каменистую, покрытую кустарникомъ. Они перешли че-

резъ нея и другую цѣпь холмистую, откуда былъ видъ на заливъ Encounter. Проспираясь внизъ, долина оканчивалась здѣсь песчаными горами, или холмами, покрытыми кустарникомъ. Баркеръ взошелъ на самое возвышенное мѣсто, и отсюда открылъ онъ наконецъ озеро Александринское и промокъ, которымъ сообщается оно съ заливомъ Encounter. Переходя къ этому пункту, Баркеръ достигъ береговъ промока, и слѣдовалъ ими къ песчаному обвалу, пока незамѣтилъ Ю. В. точки мыса Джервиса. Здѣсь промокъ былъ около четверти мили въ ширину. Баркеръ рѣшился переплыть его, чпобы достигнуть песчанаго пропьяженія на другомъ берегу, гдѣ надѣялся онъ обширнѣйшаго объема для зрѣнія на пространство земель къ востоку.

По несчастію, изъ всего маленькаго снаряда только онъ одинъ умѣлъ плавать, и слѣдственно никто не могъ его сопровождать. Напрасно старались отговоришь его отъ такого смѣлаго предпріятія; хотя онъ былъ тогда нездоровъ, но упорствовалъ. Кенпъ привязалъ ему компасъ на голову; онъ раздѣлся и поплылъ. Черезъ десять минутъ былъ уже онъ на другомъ берегу. Входя на возвышенность, взялъ онъ нѣсколько измѣреній своими инструментами, а потомъ сошелъ на другую сторону ихъ, и—его не видали уже послѣ того.

Здѣсь прекращается записка Кенпа, и жребій несчастнаго капитана Баркера оставался-бы еще загадкою, еслибы одна дикарка, долго жившая у Англійскихъ рыболововъ, не разсказала подробностей его гибели.

По ея словамъ, Баркеръ, перешедши одну песчаную возвышенность, направился къ другой, находившейся въ далекомъ разстояніи. Тутъ при дикаря, шедшіе тогда отъ приморья въ свое становище, замѣтили издали бѣлаго человѣка. Они слѣдовали за нимъ, но не смѣли напасть на него, боясь дѣйствія инспируменша, который держалъ онъ въ рукъ. Увидя дикарей и предчувствуя ихъ непріязненные намѣренія, Баркеръ старался сначала обласкать ихъ, а потомъ, находя болѣе выгоды предупредить нападеніе, бросился на непріятелей. Но отвага его оказалась неудачна; дикарь отъ него увернулся, а товарищъ его бросилъ въ Баркера дрошикомъ и ранилъ его. Онъ кинулся тогда къ морю, видя невозможность спастись противъ проихъ, и побѣжалъ по камнямъ. Еще дрошикомъ попали ему въ плечо, а другимъ въ грудь. Несчастный упалъ въ воду и дикари докололи его дрошиками. Онъ былъ совсѣмъ изуродованъ ранами; послѣ чего убійцы потащили шруцъ за ноги по камнямъ и бросили въ волны, откуда съ приливомъ увлекло его въ открытое море.

Дикарка, передавшая всѣ сіи подробности, уверяла, что шрое земляковъ ея, при нападеніи на Баркера хотѣли только увериться въ томъ, можно-ли убить бѣлаго человѣка? Но Спуршъ полагалъ, что дикари выполнили этимъ возмездіе за обиды, которыя часто причиняли имъ промышленники шолений. Племена, окрестъ обитающія, незадолго передъ тѣмъ оказали самыя непріязненные намѣренія противъ Спурша и его товарищей, и шрое

убійць Баркера, вѣроятно, обрадовались случаю, удовольствовавъ безъ большой опасности народную ненависть къ Европейцамъ.

Декабря 18-го, нашъ Кангуру оставилъ пристань Напинскую и пошелъ проливомъ Бакстера, между мысомъ Джервисъ и оспровомъ Кангуру, а потомъ направился къ проливу Басса (Bass's strait). При этомъ переходѣ неоднократно приближались мы къ берегамъ, вообще низкимъ, песчанымъ, печальнаго, мрачнаго вида. Опъ времени до времени густыя туманы скрывали ихъ опъ насъ. Мы обогнули 21-го мысъ Опвай, состоященный изъ горъ и высокихъ утесовъ, лѣсистыхъ, зеленѣющихъ и пріятныхъ на взглядъ болѣе всѣхъ другихъ здѣшнихъ мѣстъ. Въ томъ-же вечерѣ остановились мы въ Западномъ заливѣ (Western port), въ сѣверной части оспрова Филиппа.

Немедленно хотѣлъ я пустишься на прогулку по берегамъ глубокаго залива, прорѣзывающаго земли сего оспрова. Пока держался я на самомъ прибрежьи, то могъ еще ходить тушь по мѣлкому и зыбкому песку, но едва захотѣлъ проникнуть далѣе, то произрастаніе изъ деревцовъ и кустовыхъ травъ представило мнѣ преграду, до того колючую и плотную, что изорвавши нѣсколько разъ мое платье, принужденъ я былъ воротиться къ морю. При маломъ приливѣ, берегъ окружается слоемъ мягкаго ила, препяшствующаго подходить къ нему лодкамъ. Далѣе покрывъ онъ округленными, черноватыми камешками, съ перваго взгляда какъ будто волканическаго происхожденія, но собственно это земля-

ники (géodes), получившіе пѣжеснѣ и цвѣтъ свой отъ значительной примѣси желѣза.

Удобнѣе ходить по песку, образующему западную окраину залива. Здѣсь прекрасное побережье, ограниченное увалами, покрытыми деревьями разныхъ родовъ. Во внутренности ландшафтъ великолѣпенъ и прогулка прелестная. Можно идти по прекраснымъ лугамъ, усыпаннымъ разными цвѣтами, пересѣкаемымъ пропѣшными пропѣшками, или подъ величественными кучами деревьевъ, гдѣ ничто васъ не останавливаетъ. Смотря на это чистое, доступное повсюду мѣстоположеніе, подумаешь что его обработали руки человѣческія. Но по достоверно, что человекъ ничего здѣсь не прибавилъ, не очистилъ. Бѣдные поколѣнія здѣшнихъ туземцевъ вовсе немышляютъ объ украшеніи своей стороны. Забота о пищѣ уже достаточное ихъ занятіе. Сомнительно даже, чтобы пропѣшки здѣсь были произведены ими, и ихъ скорѣе можно приписать живописнымъ, которые всегда ходятъ по одному направленію и пролагаютъ такимъ образомъ дорожки. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ рыбаки, привычные жители здѣшней стороны.

Въ довольно отдаленномъ мѣстѣ побережья, мы замѣтили нѣсколько тюленей, весьма огромныхъ, распянувшихся на песчаномъ ошвалѣ. Едва побѣжали мы къ нимъ, какъ боясь насъ и предвидя опасность, эти водоземныя живошныя бросились и исчезли въ морѣ, съ быстротою и ловкостью, невѣроятными для подобныхъ тяжелыхъ тушъ. Тюлени эти принадлежатъ къ роду, называемому естественнымъ

лями *otarie cendré*. Если они въ совершенномъ возрастѣ, по величинѣ опъ 7-ми до 10 фушовъ въ длину. Голова у нихъ преогромная, лобъ высокій, рыло коропкое и квадратное, верхняя губа длиннѣе нижней. Опъ головы до середины пуловища полщина пуленя постепенно увеличивается, а далѣе уменьшается по немногу, такъ, что на первый взглядъ живошное кажется ссравненнымъ изъ двухъ кусовъ, сложенныхъ вмѣстѣ широкими концами. Кожа сверху сплошь сьропепельная. Подбородокъ, подмышки и бока рыжіе, заднія части почти черныя, а переднія темнаго цвѣта, рыжеватыя. Волосы на головѣ и шеѣ длинны, грубы и жестки, на другихъ частяхъ шѣла короче и гуще. Пепельный цвѣтъ живошнаго происходитъ опъ смѣшенія его волосовъ, изъ коихъ одни бѣлые, желноватые, а другіе темно-ватые. Раздѣляя ихъ, находите, кромѣ того, при основаніи довольно мягкій, рыжій пухъ, смятый войлокомъ. У молодыхъ пуленей волосы черны и весьма шелковисты. Голова у нихъ кругла, и видъ вообще несполь безобразенъ, какъ у старыхъ живошныхъ. Въ нѣсколько дней пріучаются они, и дѣлаются такими ручными и ласковыми, будпо маленькія собаченки. Крикъ ихъ походитъ на блѣяніе козленка, и они подходятъ брать пищу изъ рукъ того, кто зоветъ ихъ. Въ юности пулень движется гораздо легче, нежели выросши, потому, что члены его не бываютъ еще споль уродливы, какъ при полномъ возрастѣ. Кожа пуленя довольно дорога цѣнится во многихъ странахъ сѣверной Европы. Открывши множество этихъ водоземныхъ

на южныхъ берегахъ Австраліи, особливо около пролива Басса, Англійскіе, Американскіе, Русскіе (?), Французскіе промышленники, лишьъ двадцатьъ занимались ловомъ ихъ здѣсь съ большими выгодами. Но непрерывные и дѣшечные промыслы почти совершенно уничтожили во многихъ мѣстахъ и значительно уменьшили во всѣхъ спада шюленей. Теперь промышленники принуждены подвергаться большимъ трудамъ и опасностямъ для добычи весьма посредственной. Часто, для бивья звѣря, они пускаются на голые, безплодные утесы, на низкія, но непрístupныя побережья. Ремесло Австралійскихъ шюленей промышленниковъ сдѣлалось самымъ неблагоприятнымъ, какое только можно себя представить, и между тѣмъ множество Англійскихъ и Американскихъ шкиперовъ охотно предаются ему, и отдаются за него жизнь свою и имѣніе.

Мы довольно погуляли по здѣшнему берегу, и особенно въ восточной части залива, гдѣ подлѣ прохода къ В. можно пристать къ прекрасному песчаному побережью. Прибытіе наше сюда привѣствовало щебетанье безчисленнаго множества филедоновъ, привычныхъ жильцовъ по деревьямъ окрестнымъ. Большая часть этихъ деревьевъ, разбросанныхъ по прелестнымъ лугамъ съ красивою зеленью, принадлежала къ родамъ банксіи, эвкалиптовъ, казуаринъ, подокарповъ, лепноспермовъ, и проч.—Поверхность здѣсь вся въ легкихъ ошвалахъ, и всюду можно идти безъ труда и препятствій, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ ноги путаются въ длин-

ныхъ и переплешенныхъ въпвяхъ папоротей и одного рода *дамперіи* съ желтыми цвѣтами.

Тупъ видѣли мы бездну птицъ изъ рода кукушекъ, зимородковъ, филедоновъ, попугаевъ, и проч.— Два, или три часа охоты дали намъ большую добычу. Множество кангуровъ побѣжало повсюду при нашемъ приходѣ, и нѣкоторые изъ нихъ проскочили даже у насъ между ногами, но они пакъ скоры на бѣгу, что ни одинъ выстрѣлъ нашъ не попалъ въ нихъ. Подлѣ берега нашли мы съ полсотни хижинъ, болѣе или менѣе разрушенныхъ, окруженныхъ признаками очаговъ и обломками ракушекъ—очевиднымъ доказательствомъ недавняго здѣсь пребыванія дикарей. Я сожалѣлъ, что мнѣ не удалось видѣть ихъ, ибо, по разсказу Туккея, знавшаго здѣшнихъ туземцовъ при самомъ основаніи Поршъ-Джаксонской колоніи, они многочисленны, благообразны, образованнѣе жителей всѣхъ другихъ частей Австраліи. Между ними есть, говоритъ Туккей, начальники, которые украшаютъ голову перьями черныхъ лебедей, раскрашиваютъ краснымъ, бѣлымъ и желтымъ, и заспавляють подчиненныхъ носить ихъ на плечахъ. Впрочемъ, здѣшніе дикари, гордые своимъ превосходствомъ, оказывали характеръ свирѣпый и негосподствующій, а неоправданность ихъ превосходила все, что только можно вообразить себѣ неоправданнаго.

Нѣсколько лѣтъ тому начались жестокія и кровавыя сшибки между ними и промышленниками шюленей, и кажется, что съ того времени дикари удалились во внутренность земель, показываясь на

прибрежьяхъ тогда только, когда бѣлые удаляющіеся изъ Западнаго порта. Если сообразишь съ одной стороны дикій характеръ туземцовъ, а съ другой беспутные и развратные нравы промышленниковъ, то легко разсудишь, что вина была обоюдная, и дикари благоразумно поспунають, удаляясь отъ гостей своихъ.

Фазіанелль много по здѣшнему побережью, но въ раковины ихъ попадаются пустыя. Наши усердныя черпаки давали намъ много перебрашуль, но весьма мало находили мы въ нихъ моллюсковъ. Родъ эгопъ сходствуетъ съ тѣми, какіе находятъ въ ископаемыхъ Франціи, особливо окрестъ Парижа.

Англійскіе путешественники, сухимъ путемъ перешедшіе къ Западному заливу отъ Двойнаго (Twofold), въ началѣ 1826 года, говорили, что на восточной сторонѣ его открыли они великолѣпную рѣку, безконечныя, весьма плодоносныя сѣпи, и множество чудесъ такого рода. Убѣжденные этими рассказами, правители Портъ-Джаксона отправили сюда отряды солдатъ и ссыльныхъ, долженствовавшихъ основать колонію. Посланные явились здѣсь въ концѣ 1826 года, черезъ нѣсколько дней послѣ отбытія капитана Дюрвиля, но вмѣсто прекрасной, громко расхваленной рѣки, едва нашли они широкій протокъ, совершенно изсохшій въ его руслѣ. После краткаго пребыванія, недоставокъ прѣсной воды принудилъ правительство призвать посланныхъ обратно въ Портъ-Джаксонъ, и отказавшись, по крайней мѣрѣ, на время отъ колонизаціи Западнаго залива. Вообще трудно предположить, что здѣсь

воды нѣтъ вовсе, и впрочемъ легко-бы вырыть колодцы. Западный портъ представляетъ превосходное пристанище для кораблей всякаго рода, а положеніе его посреди пролива Басса неможеть не придашь ему со временемъ особенной важности.

ГЛАВА ХСІІІ.

АВСТРАЛІЯ. — НОВЫЙ ЮЖНЫЙ ВАЛЛИСЪ.

Вечеромъ 23-го, Кангуру нашъ ославилъ Запад-
ный порпъ, и на слѣдующій день прошли мы меж-
ду полуостровомъ Вильсона (Wilson's Promontory)
и островомъ Редондо — первый спрашная гряда
границная, оканчивающая Авспралию къ югу; впо-
рой, величественный конусъ своимъ видомъ, высо-
пою и опдѣленіемъ опъ маперика, ушесисный при
подонвѣ, покрытъ прекраснымъ произраспаніемъ.
Въ слѣдующіе дни плыли мы мимо, на 12, или 15
льѣ разспояніемъ, около песчаного побережья, ко-
порое простирается опъ Бараньей головы (Ram-
Head) до полуострова Вильсона. Уже въ 20 льѣ
можно видѣть цѣнь горъ Варрагонскихъ, главныхъ
на здѣшнемъ берегу и называемыхъ опъ Англичанъ
Авспралійскими Альпами и Бѣлыми горами (Wagga-
gong Mountains or Australian Alps). Близко прошли
мы около мыса Гове (Howe), побережья песчаного,
безъ воды и зелени, а попомъ дальѣ мимо горы

Дромадера, болѣе замѣчательной по своей формѣ, нежели по высотѣ, ибо она составляетъ едва 500 футовъ отъ поверхности моря. Прибрежье густѣе, песчаные холмы, но за ними открываются пріятныя для взора луга, опѣшенные прекрасными деревьями. Впрочемъ, мы рѣдко могли видѣть яснымъ образомъ землю. Наиболѣе, густыя туманы, или облака дыму, производимые зажигаемою обыкновенно дикарями правую, для очищенія земли отъ папоротной, совершенно скрывали отъ насъ берегъ и его очерки.

Утромъ 30-го, выйдя на шканцы, я удивился, видя, что нашъ корабль плывъ въ устьѣ пролива, довольно узкаго, съ обѣихъ сторонъ обсаженнаго утесами и спремнинами, черноватыми, печальнаго вида. Налѣво видѣлся высокій, красивый маякъ, который могъ-бы уже явиться намъ предѣлы Англійскихъ владѣній, еслибы и не видѣлъ я на корабль нашъ лоцмана, управлявшаго имъ и показывавшаго собою образованіе Европейское, перенесенное на берега Австраліи. Едва прошли мы проливомъ, передъ нами раскрылся обширнѣйшій бассейнъ моря, могущій вмѣстить вдругъ всѣ флоты цѣлаго свѣта — великолѣпное озеро соленой воды, берега котораго красиво разнообразятъ заливы, бухты, мысы. Направо земля большею частію безъ обработки, и представляетъ кучи деревъ и оболочку папоротной высокаго роста. Но налѣво развивается земледѣльская колонизація—селенія, увеселительныя дома, мызы, все съ такимъ видомъ довольства и богатства. Среди сей подвижной панорамы городъ и портъ, или гавань Сиднейская (Sydney-Cove). Вы

видишь городъ совершенно Европейскій, болѣе Европейскій, нежели всѣ шѣ, какіе видѣлъ я до сихъ поръ въ Индійскихъ моряхъ. Корабли, магазины, укрѣпленія, улицы, дома, все напоминаетъ здѣсь Англію. Забываешься, думая, не въ маленькій-ли какой нибудь портъ Ламаншскаго пролива вы приспали? Въ сорокъ лѣтъ было придумано и исполнено построеніе этого города въ землѣ анишподовъ. За сорокъ лѣтъ небыло здѣсь положено ни одного камня—была пустыня съ варварскими жилищами.

Едва спали мы на якорь, я опсправился на берегъ съ моими пожилками. Капитанъ рекомендовалъ мнѣ гостиницу, гдѣ меня хорошо угостили и взяли за все цѣну почти противъ впороспешенныхъ гостиницъ Лондонскихъ. Служилели, коммисіонеры мои, всѣ были ссыльные изъ Англіи за воровство и другія пресупленія. И между шѣмъ могу смѣло увѣришь, что во все время моего здѣсь пребыванія, пресупленія случались здѣсь нечаще противъ самыхъ образованныхъ спранъ Европы. Разлука съ опечесшвомъ, продолжительный переѣздъ, новая жизнь на землѣ неизвѣстной и полудикой, все доводило несчастныхъ къ лучшему пониманію о собственныхъ своихъ выгодахъ, доказывая имъ, что добрымъ шолько поведеніемъ они все приобрѣтутъ себѣ.

Нѣсколько часовъ прогулки по Сиднею скоро познакомили меня съ шимъ городомъ, въ кошоромъ самое главное чудо онъ самъ и его сущесшвованіе. Большая часть домовъ здѣсь разбросана, раздѣлена дворами и огородами, и пошому Сидней занимаетъ обшир-

ное пространство. Строения почти все в один и два этажа. Улицы большею частью прямые, с приличною шириною и довольно хорошо содержаться. Они невымощены, и по тому иногда надобно здесь пыль. Грязи редки, благодаря почти постоянной сухости климата. Главная городская Георгиевская улица (George-Street) почти на милю длинны; она делится на кварталы под прямыми углами, поперечными улицами, между которыми как другие улицы тянутся в параллель с нею. Вода для употребления жителей берется в колодцах, или в водохранилищах, изъятых в ущельях. Только небольшой ручей протекает по городу, начинаясь в близком болоте, и в том вода испорчена нечистотами всякого рода.

Часть Сиднея на восточном приморьи гавани заключает наиболее общественных зданий и жилищ богатых частных людей: В их число оплещается домъ Губернатора, строение удобное и прекрасное, окруженное обширным паркомъ, красивыми бульварами и прелестными рощами. Часть здания, наиболее поражающая — конюшня, странность, не кснати къ другимъ частямъ, ошибочное произведение здешняго, вздумавшаго строить готическое здание в городъ, который начал со вчерашняго дня. Легко ошибиться и почести эти конюшни какимъ нибудь Католическимъ монастыремъ.

На западномъ берегу Сиднейскаго залива расположена часть города, пропонародно называемая *Rocks*, ибо основание ея действительно на голомъ утесе. Это мѣсто жилищъ проснаго народа и

ремесленниковъ. Паприціи Новаго Южнаго Валлиса рѣдко являюся здѣсь, и когда я захотѣлъ поспѣшить эту часпѣ города, мнѣ совѣщовали беречь карманы. Однакожь со мною неслучилось ничего не-пріятнаго и убыточнаго.

Почти всѣ дома въ Сидней построены изъ пещаника, добываемаго на берегахъ Порпѣ-Джаксонскаго пролива. Потому была возможность воздвигнуть зданія значительныя, какъ-то: обширныя казармы, пенныцы для ссыльныхъ, морскіе магазейны, Каполическую церковь, копорая впрочемъ начата была въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что у Каполиковъ здѣшнихъ недоспало средствъ, и зданіе осталось недостроеннымъ. Больше скромный, храмъ Протестантскій оидѣланъ, и его пирамидальная колокольня есть самое возвышенное зданіе въ Сидней.

Не заботясь о будущемъ, первые колонисты уничтожили лѣса, окружавшіе нынѣшній городъ, и потому видъ его печаленъ и опкрытъ. Съ нѣсколькихъ уже лѣтъ спараются замѣнить такое неудобство насажденіемъ Европейскихъ деревьевъ, но они распушъ медленно и часпо изнемогаюшъ на здѣшней горячей и дикой почвѣ. Самыя шужемныя деревья распушъ весьма шихо, и это осуждаешъ всю Сиднейскую окрестность на печальную нагопу еще много лѣтъ.

Нынѣшнее народочисліе Сиднея полагаюшъ въ 15,000, изъ числа коихъ 2000 ссыльныхъ и 400 военного народа. Вообще можно дѣлать жипелей города на пять званій: чиновники правительсва;

купцы и земледельцы; люди разныхъ чиновъ и состояній, непричастные ссыльнымъ; оппущенники изъ ссыльныхъ; сосланные невольники.

Оппущенники (émancipistes) суть пть люди, которые прибыли въ колонію за вины въ ссылку, но получили свободу, или пошому, что годы наказанія ихъ кончились, или за доброе поведеніе на время, а иногда вполне. Этотъ классъ довольно многочисленъ, и многіе изъ оппущенниковъ приобрѣли здѣсь значительныя имѣнія. Еслибы мысль Австралійскихъ колоній была понятна всімъ, нынѣ ихъ составляющими, то сіи люди, возвращенные изъ бездны пресупленія въ жизнь обществѣнную и изгладившіе пятна жизни своей временемъ и наказаніемъ, должныствовали-бъ быти почитаемы наравнѣ съ другими, и приняты, какъ будто прошедшее для нихъ не существуетъ, другими колонистами, никогда не бывшими подъ тяжестію наказанія. Но этого нѣтъ. Колонисты свободнаго происхожденія уже составили въ Сидней аристокрацію, оскорбляющую оппущенниковъ. Бѣдные сіи люди недопускаются ни въ одно общество здѣшнихъ напшрицевъ; они исключены изъ всѣхъ должностей, сколько нибудь значительныхъ, и покушенія ихъ возстановить уравненіе, слѣдующее имъ по праву законному, нерѣдко бываетъ поводомъ къ спору и смятенію. Подобное униженіе неограничивается лицомъ пресупника, но переходитъ на его потомство, и печать проклятія знаменуетъ сына и внука на сей землѣ, должныствовавшей по назначенію своему быти мѣстомъ очищенія пресупниковъ—

не только наказаніе не очищаетъ ихъ, но передаетъ позоръ ихъ потомству. Какой поучительный урокъ для людей, мечтающихъ теоріями рѣшить практику жизни!

Всего страннѣе то, что оппущенники, въ слѣдствіе ложной и несправедливой укоризны имъ, установили опять отношенія между собою—исключеніе рождаетъ исключеніе, несправедливость одна ведетъ къ другой. Званіе оппущенниковъ само собою дѣлился на *чистыхъ*, не пошерпѣвшихъ вопричнаго наказанія въ колоніяхъ, и *нечистыхъ*, осужденныхъ за вины, здѣсь учиненныя. Тѣ и другіе враждуютъ между собою не менѣе свободныхъ колонистовъ противъ тѣхъ и другихъ. Нѣсколько лѣтъ тому, какой-то публичный обѣдъ данъ былъ числыми оппущенниками, и одинъ нечислый попался въ мѣсто собранія. Собесѣдники узнали бѣдняка, и пошчасъ раздалось со всѣхъ сторонъ: «Вонъ, вонъ! гониме его!» Нечислый не слушалъ словъ, сидѣлъ и молчалъ. Рѣшились приняться за кулаки, испоцивши брань и краснорѣчіе. Удаецъ все предвидѣлъ и зналъ, что надобно дѣлать. Онъ рѣшился перешерпѣть бурю, наградою которой былъ славный обѣдъ: будь что будетъ, онъ не хотѣлъ опъ него опказаться. Но какъ одному противъ кучи народа! Нечислый завершѣлъ руку угломъ скаперши, шакъ, что еслибы потащили его, онъ потащилъ бы за собою скапершъ и опрокинулъ все, что было на столѣ. Хладнокровно указалъ онъ на свою уловку, и продолжалъ спокойно ѣсть супъ. Увидѣвши придуманное средство защиты, при совершенномъ хладно-

крови богатыря, все собранье расхохоталось. Нечиспаго оставили объдаиь; онъ только того и добивался.

Нѣсколько поѣздокъ въ окрестности Сиднея не могли дать мнѣ надлежащаго понятія объ этой части Австраліи. Я рѣшился распространить мои прогулки, и посѣпить самыя замѣчательныя мѣста Новаго Южнаго Валлиса. Прежде всего отправился я въ Параматта. Туда ведутъ двѣ дороги: моремъ и сухимъ путемъ. Я воспользовался обѣими: одною для проѣзда впередъ, другою для обращенія назадъ. Оплывши рано, мы обогнули мысъ Даверъ (Dawer), за копорымъ вполне раскрылись передъ нами отдѣленіе утесовъ (Rocks), гавань Дергингъ, превосходное заведеніе покойнаго Джона Макъ-Аршура, потомъ прелестныя прибрежныя хижинки (cottages). Когда плыли мы мимо одной изъ нихъ, лодочникъ, до того молчаливъ, сказалъ со вздохомъ: «Здѣсь жилъ бѣдный Валліамъ Бардлей!» По выраженію рѣчи, я догадался, что тутъ должно быть что нибудь замѣчательное. «А кто это былъ Валліамъ Бардлей? Губернаторъ, Лордъ, чиновникъ?» — Нѣтъ, сирѣ, ни чиновникъ, ни Лордъ, ни Губернаторъ, а просто бѣдный спарикъ, зарабатывавшій насущный хлѣбъ честными трудами. Тутъ жилъ онъ, въ этомъ домикѣ, копорый виднѣе въ на берегу, довольный немногимъ, обрабатывая свой маленькій огородъ и ловя рыбу для пропитанія. Городскіе господа оспанавливались поговорить съ спарымъ Бардлеемъ, всегда веселымъ, умнымъ, болтливымъ. Вотъ однажды замѣтили, что Бардея нѣтъ, и что

его домишка запертъ, никто не беспокоился. Но нѣсколько дней прошло — Бардлея все таки нѣтъ; начали беспокоиться, пошли къ его жилищу, и что же увидѣли, когда разломали двери? Хижинка сползла пущая, все въ ней раззорено; собака спарика лежила на полу и гложетъ кость. Спали вглядываться — человѣчья кость! Явно, что Бардлей былъ убитъ, и собака ѣла своего бывшего хозяина. Но гдѣ шрупъ? Сначала не могли доискаться. Полиція ничего не находила. Догадались наконецъ проморить собаку голодомъ, чтобы она опять достала себя часть шруна. Такъ и съдѣлалось. Собака проголодалась и побѣжала туда, гдѣ лежалъ шрупъ. Его открыли уже полуизгнившій. Ссылный, бывший въ рабочихъ у спарика, навелъ на себя подозрѣніе и былъ взятъ. Онъ во всемъ признался, и его повѣсили въ городѣ, да опъ этого бѣдный спарикъ не ожилъ — славный былъ спарикъ, и всѣ жалели объ немъ!»

Далѣе, по обоимъ берегамъ пролива до половины дороги, мало видны обработанные земли. Прибрежья состоятъ изъ пещаниковыхъ утесовъ, покрытыхъ кустовыми травами, а во внутренность земель слѣдуютъ холмики, невысокіе и покатые слегка, съ поросшими на нихъ кустарниками и зелеными деревьями. Тамъ и здѣсь, въ заливахъ и бухтахъ пролива, хижины, временные припоны дровосѣковъ, землепашцевъ и кочевыхъ винокуровъ. Жизнь последнихъ узнаете по непрерывному дыму.

Миляхъ въ семи отъ Сиднея, на правомъ берегу, является шаверна Сивира, съ ея приспаями, спрое-

ніями, огородами, копорые окружають зеленые палисады. Основатель заведенія, недавно умершій, былъ первымъ пивоваромъ колоніи, и долгое время пиво его опмѣнно славилось по всей Авспрали. Далѣе, по тому же берегу, идутъ лѣспнищей жилия и мызы Налво видяне обширныя соловарни Блэкслонда, съ его красивымъ домикомъ, садами и парками, прелестный ландшафтъ зелени, возвышающійся амфишпромъ. Послѣ хлѣбной мѣльницы направо слѣдуешь непрерывная цѣнь загорожокъ. Однѣ тупъ пажипи, другія поля съ хлѣбомъ, до самой мызы Ганнибала Макъ-Аршура, великолѣйнаго сельскаго жилища, сокрышаго въ изгибъ пролива подъ купами померанцовъ, покрытыхъ цвѣтами и плодами, гдѣ бѣгаютъ и рѣзвятся по побережью ручныя кангуры.

Немного далѣе находится Сирошская Школа, на возвышеніи, со всѣхъ сторонъ окруженномъ садами и пашбищами, прямо противъ жилища Джона Макъ-Аршура, желныя зданія коего опличаются на фондѣ прекрасной зелени. Тупъ проливъ суживается и получается уже названіе рѣки, хопя вода въ немъ все еще соленая. Прѣсная вода начинается уже за Параматскимъ мостомъ, гдѣ море удерживается плотина, препятствующая ему разливаться далѣе. Этого доспащочно для показанія, какъ мало возвышается побережье отъ Сиднея до Параматта, на проспранствѣ почти 14 миль.

Оспанавливаются здѣсь на лѣвомъ берегу, передъ большимъ кирпичнымъ спроеіемъ, комиссириашскими магазинами. Отсюда, черезъ четверть часа тупи,

вы въ Параматта. Городъ занимаетъ значительное пространство, но большая часть домовъ стоятъ отдѣльно одинъ отъ другаго, построены въ одинъ этажъ, и многіе состоятъ только изъ нижняго этажа, окруженнаго дворами и садами. Улицы широки, прямо протянуты, хотя большею частью необитаемы. Земля не такъ крепка, какъ въ Сидней, и недосыпокъ мостовыхъ здѣсь чувствительнѣе, особливо послѣ дождей. Губернатору построенъ прекрасный домъ въ Параматта, и городъ этотъ предназначаютъ сдѣлать главнымъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Но донынѣ Губернаторы продолжаютъ жить въ Сидней, и собраніе мѣстныхъ начальствъ удерживаетъ въ немъ центръ областной администраціи. Отъ того Параматта неидетъ впередъ, а народонаселеніе въ немъ не превосходитъ 3-хъ, или 4000 душъ.

Замѣчательныя зданія въ Параматта суть казармы для солдатъ, другія для ссыльныхъ, двѣ церкви и гостинница Golden Flesse (Золотого руна). Она складена изъ кирпичей, въ два этажа, спереди ея скверъ, вокругъ котораго дорожки для прогулокъ въ каретѣ и красивая рѣшетка. Здѣсь принимаютъ почтенныхъ путешественниковъ, и они могутъ найдти Англійскій *комфортъ*, самый полный и самый утонченный. Въ четверти льѣ отъ города обширное зданіе, называемое female Factory. Въ немъ заключаютъ женщинъ, которымъ предоставляютъ свободу по прибытіи ихъ въ колонію, а также и тѣхъ, которыя поведеніемъ своимъ въ колоніи оказались недостойны свободна-

го жипья. Хотя эта шюрма окружена со всѣхъ споронъ спѣнами, фушовъ 12 вышиною, но ловкія пресступницы нерѣдко находятъ средство перескочить такое препяшствіе.

Параманша расположенъ по долинь, окруженной пригорками; солнечные лучи скопляются шупъ со всѣхъ споронъ, и пошому шемпература здѣсь всегда выше Сиднейской 3-мя и 6-ю градусами. Следствіемъ этого бываетъ продолжительная и жестокая засуха въ лѣтніе мѣсяцы. Тогда всѣ здѣшніе зеленые ковры и цвѣточные баскены обнажаются и вянутъ. Въспло дѣятельнаго и блестящаго произраспанія видите все въ пыли, безцвѣтнымъ, безводнымъ и безлиственнымъ.

Мой Капитанъ не хотѣлъ пробывать въ Сидней болѣе двухъ недѣль, и не смотря на все мое желаніе, я не могъ посѣпить Батурсповыхъ долинь за Синими горами. За это времени оспавалось у меня достаточно взглянуть на замѣчательныя мѣста Кумберланда и Новаго Южнаго Валлиса. Молодой Ангійскій докторъ, по имени Гарри, съ копорымъ мы хорошо познакомились, предложилъ мнѣ руководствоваться меня по здѣшней споронъ, извѣстной ему во всѣхъ направленіяхъ. Мы наняли въ Параманша красивую жигу, запряженную двумя бодрими лошадьми, и раннимъ ушромъ на другой день пустились къ Виндзору.

Отъ Параманша до Виндзора считаются 21 мило, что переѣзжаютъ въ нѣсколько часовъ. Виндзоръ находится на берегахъ Говкесбурн, прекрасной рѣки, которая становится прѣсною только въ

60-ти миляхъ отъ ея успья, въ 30-ти передъ Виндзоромъ. Это прекрасное мѣстечко, пославленное на вершинахъ Синихъ горъ, которыя возвышающіяся здѣсь послѣдовательными террасами, одѣтыми на всемъ протяжении ихъ вѣчно зелеными лѣсами, до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ горизонта къ западу.

До сихъ поръ здѣсь только одна улица, достроенная сего названія, обсаженная домами и садами, хорошо расположенными и хорошо содержимыми. Должно упомянуть о красивомъ помѣщеніи управленія здѣшняго, двухъ церквахъ, тюрьмѣ, судѣ, казармахъ для военныхъ и ссыльныхъ, двухъ хорошихъ гостиницахъ, и наконецъ объ лавкахъ, гдѣ продаются всѣ необходимыя для жителей товары. Плодородіе почвы, безпрестанно подкрѣпляемое разливами рѣки, дѣлаетъ Виндзоръ весьма значительнымъ. Каждый годъ вывозитъ отсюда большое количество хлѣба.

Противъ него, на другомъ берегу Говкесбури, находится селеніе Викберфорсъ, а за шѣмъ Ричмондъ, оба весьма значительныя и миляхъ въ пяти разстояніемъ отъ Виндзора.

Въ 12 миляхъ отсюда находится селеніе Эму (Emu-Ford), тамъ, гдѣ дорога изъ Башурста пересѣкаетъ рѣку въ бродъ и входитъ въ обширныя и плодородныя долины Эму, образующія съ сей стороны подолье Синихъ горъ. На протяжении 12-ти миль почва удивительно плодородна, хотя и подвержена наводненіямъ, причиняемымъ разливіемъ рѣки. Передъ Эму находится ферма правительства,

гдѣ множество ссыльныхъ употребляется на разныя работы и особенно для возрощенія табаку и хлѣба.

Мы остановились въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе у помѣщика Джамисона, имѣющаго прекрасную усадьбу на вершинѣ одного холма, откуда открывается прекрасный и обширный ландшафтъ—рѣка, веселыя, лучныя равнины Эму и великолѣпный видъ на Синія горы. Источникъ свѣжей воды—неоцѣнимое сокровище въ Новой Голландіи, течетъ подлѣ усадьбы. Владѣнія Джамисона занимаютъ обширнѣйшее пространство. Около 1000 акровъ земли расчищены и даютъ въ обилии всѣ роды произрастаній. Сиръ-Джонъ славится въ колоніяхъ своимъ неисчислимымъ гостепріимствомъ. Его сельское убѣжище мѣсто сборища лучшаго Сиднейскаго общества. Въ паркѣ его множество ручныхъ кангуровъ. Когда я прогуливался здѣсь, одно изъ этихъ животныхъ приблизилось ко мнѣ. По его огромному росту, по его важному и почтенному виду, я почелъ его старшиною всѣхъ другихъ. Онъ подошелъ ко мнѣ шакъ крошко, шакъ ласково, легъ подлѣ меня, дружески обнюхивалъ меня, какъ будто приглашая поласкаться его. «Берегись мошенника!» вскричалъ Гарри; «вопъ вы увидите.» Дѣйствительно, Докшоръ началъ ласкаться кангуру; плушъ игралъ съ нимъ, положилъ свои переднія лапы на плеча Гарри, и вдругъ, укрѣпясь на своемъ хвостѣ, задними лапами шакъ сильно толкнулъ онъ Докшора, чю мой соупникъ ошлелъ шаговъ на пять и упалъ на праву, хопя и предвидѣлъ проказу. Хит-

рый кангуру давалъ эпимъ знашь людямъ, чшобы они и объ немъ подумали и поискали чего нибудь въ карманахъ для уполенія его прожорливости. Кангуры весьма жадны, и ѣда кажешся главнымъ занятіемъ ихъ. Когда мы съѣли за ужинъ, кангуру прокрался въ распворенныя двери споловой, переважно спалъ за спуломъ Гарри на заднія лапы, какъ будшо слуга, замъчая всъ движенія своего сосъда, шрепля его опъ времени до времени лапою, какъ будшо прося подачки за своюу чпивость. Не полагая прежде, чшобы кангуры могли сдълашься до такой степени домашними животными, я занимался съ нашимъ проказникомъ долго и не могъ налюбовашся имъ.

Неподалеку опъ жилища Сиръ-Джона, Говкесбури (пуземное имя ея *Варраганба*) пещешъ черезъ дикія ущелья, гдъ ушесы перемыкающъ ей пушь и образуюнтъ водопады. Пріятна прогулка опсюда въ Регентъ-Глентъ. Тамъ берега ръки сближены, возвышены, утесисты; въпви деревъ проспирающся съ нихъ, и какъ будшо образуюнтъ сводъ надъ ръкою, а кустарники, устьянные цвътами, покрывающъ нагопу спремнинъ, выходя изъ ращелинъ.

Первый слъдующій далъе городъ еспъ *Ливерпуль*, въ округъ Бринджеллійскомъ, на западъ ограниченномъ цъпью Синихъ горъ, а на югъ долинами къ заливу Cow-Pasture. По обширности своей Ливерпуль слъдуетъ непосредственно за Виндзоромъ; онъ находится на Георгіевской ръкъ, впадающей въ море въ Бопанибейскомъ заливъ. До самаго устья ръка

эша, по прямой линіи, не болѣе 12 миль, но можно положить вдвое, если считатьъ всѣ ея извилины. Небольшія суда ходятъ по ней до самаго Ливерпуля. Эшопъ городъ, занимающій обширное пространство, оплчается прямыми улицами; въ немъ есть церковь, судъ, пнорьма, казармы для солдатъ и ссыльныхъ, общая госпиталь, много хорошихъ гостинницъ и магазиновъ. Народонаселеніе не превышаетъ 1000 душъ. За 15 миль, на мѣстѣ всѣхъ этихъ домовъ, улицъ, зданій, находилась только одна огромная доска, прибитая къ дереву, на которой было написано: This is Liverpool (здѣсь мѣсто Ливерпуля). Ни одинъ домъ, ни одна казарма не были застроены. Но Ливерпуль былъ перекресткомъ двухъ дорогъ: одной въ богатые округи Айрда, Аппира, Имавапа, а другой на Ю., въ области Апожиль и Камбденъ. Быстрое, постепенное заселеніе этихъ земель ускорило устройство Ливерпуля, и все показываетъ, что со временемъ будетъ онъ болѣе и болѣе распространяться.

Чрезвычайно любопытно наблюдать въ долинахъ Коу-Пасшурскихъ, что успѣли Англичане извлечь изъ дѣвственной земли. Тутъ фермы и спада помѣщика Макъ-Аршура, произведенія коихъ составили торговую славу Новаго Южнаго Валлиса. Жилища поставлены широкими, съ разными заведеніями, на возвышеніи, въ полумилѣ отъ рѣки, и все помѣстье занимаетъ болѣе 1000 акровъ земли. Это цѣлый уѣздъ, состоящій изъ безлѣсныхъ, слегка холмистыхъ прибрежьевъ, по которымъ разстилаются превосходныя пастбища. Самое побережье, утучняе-

мое наплавомъ, даешъ хлѣбъ и кукурузу лучшихъ соршовъ.

У меня не доставало времени обозрѣть всѣ богатства внутреннихъ земель. Послѣ суточного пребыванія въ Ливерпуль, мы поворошили обратно съ Гарри въ нашей джигѣ, и одного дня довольно было для насъ добраться до Сиднея, по дорогѣ, ровной какъ аллея, широкой, прямой, вымощенной по системѣ Макодама, словомъ, такой дорогѣ, какія пролагаютъ Англичане во всѣхъ своихъ колоніяхъ. Это первое дѣло, которое здѣсь доведено до совершенства.

По возвращеніи въ Сидней, едва подъѣхали мы къ нашей гостинницѣ, какъ я увидѣлъ двери ея окруженными полудюжиною какихъ-то спранныхъ чудаковъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ шляпѣ съ галунами и длиннымъ чернымъ перомъ, въ синей венгеркѣ съ бранденбургами, довольно похожей на шапку, какія носятъ высшіе Англіійскіе чиновники, въ сапогахъ, въ панталонахъ, и—все это было запачкано и висло лоскутьями. На груди чудака блиспала большая мѣдная бляха. Товарищи этого шута были въ разодранныхъ рубашкахъ и дыровавшихся калесопахъ. «Что это за нищіе,» спрашивалъ я у Гарри, — «и этошъ шупъ какъ будшо командиръ ихъ?»—Гарри расхохотался. «Какъ?—сказалъ онъ — вы еще не знаете власшишеля здѣшнихъ земель, короля Бунгари?—«Вовсе не знаю.»—Это Бунгари, начальникъ Авспральныхъ племенъ, которымъ принадлежала нѣкогда земля, гдѣ построень Сидней. Кажется, визитъ его опносится къ вамъ. Чупъ

явился въ Сиднеѣ какой нибудь новый человекъ, онъ почипаетъ обязанностью явиться и пребываетъ себѣ подарка. Это немного надѣдаетъ прїѣзжему, но имѣетъ свою любопытную спорную, и при этомъ его Австралійское величіе не дѣлаетъ много убѣдительно, ка, доволенъ малымъ, на примѣръ, бутылкой джина, либо водки. Посмотрите, вотъ подлѣ него въ лохмотьяхъ его знаменитая сожигательница, а эти дженгелмены главные вельможи и храбрѣйшіе полководцы племенъ Гуя-Гальскихъ! Видно, по прибытіи вашемъ, Бунгари былъ въ опсупствии, и вотъ онъ спѣшилъ исполнить свою обязанность и взялъ съ васъ дань.

И почто. Только что вышли мы изъ нашей коляски, знаменитый Бунгари подошелъ ко мнѣ, снялъ шляпу и раскланялся учтиво нѣсколько разъ. Я опвѣчалъ ему пѣмъ-же съ самою комическою важностью. Непонятнымъ Англійскимъ языкомъ Его Величіе поздравилъ меня съ прїѣздомъ въ его владѣнія, и прибавилъ довольно ловко, что онъ, какъ власпитель здѣшнихъ земель, надѣется на мое великодушіе. По наущенію насмѣшливаго Гарри, я казался непонимающимъ, въ чемъ тутъ заключается дѣло. Тогда Его Величіе заговорилъ опредѣленно, и проспо потребовалъ отъ меня бутылку *бранди* (водки). «Охотно, знаменитый Бунгари,» опвѣчалъ я—«только завтра, а не теперь.» Забавно было, какъ при этой дипломатической опговоркѣ измѣнилась фізіогномія великаго Бунгари! Его уклончивое болтанье перешло въ неопсупную навязчивость.—No, massa—говорилъ онъ—no foma; de-

rekle, brondy, derekle! Это значило: No, master, not to morrow; directly, brandy, directly—(нѣтъ, господинъ, не завтра, а шотчасъ водки, шотчасъ)! Я не хотѣлъ долѣе спорить противъ знаменитаго любителя *бранди*, шѣмъ болѣе, что онъ могъ быть мнѣ полезенъ для узнаванія правовъ здѣшнихъ шуземцовъ прежде колонизаціи Англичанъ. Рука моя протянулась къ нему съ цѣлымъ шаспромъ. Такая неожиданная щедрость имѣла дѣйствіе громовое. Въ воспоргъ Бунгари запрыгаль, сначала самъ и одинъ, а потомъ, по данному имъ знаку супругъ и вельможамъ, запрыгали всѣ, и вся эша шайка представила мнѣ своими прыжками самую смѣшную, какую шолько можно себя вообразить, каршину. Прыжки перешли въ пляску. Это былъ родъ марша, состоявшаго въ скачкахъ нелѣпныхъ и шяжелыхъ, похожихъ на кангуровые. Наконецъ, подойдя ко мнѣ и сжимая мнѣ руку съ величайшею ласковостью, Бунгари объявилъ, что всѣ они, онъ и его супруга, готовы къ моимъ услугамъ. Я спѣшилъ воспользоваться, и при помощи Гарри, понимавшаго очень хорошо его непонятное болпанье, предложилъ ему родъ допроса, на что Бунгари отвѣчалъ весьма охотно. Мы вошли въ мою комнашу, куда допустилъ я шолько Бунгари и жену его, а чшобы лучше пріобрѣсти ихъ дружбу, вельмъ принесши имъ добрый спаканъ водки. Бунгари проглотилъ его, не поморщившись, но прежде раскланялся самымъ учпивымъ образомъ, чупъ не до земли. Какъ ни жаденъ былъ онъ къ водкѣ, однакожь оспавилъ на доньшкѣ спакана немного драгоцѣннаго напитокка

и опдалъ спаканъ женъ; знаменишая власпишельница проглотила свою долю шакъ спокойно, какъ будшо эшо было молоко.

Со всевозможною учтивостію опвѣчалъ попомъ Бунгари на всѣ наши вопросы. Мы узнали, что теперь великій власпишель обремененъ чрезвычайно важными дѣлами по управленію своимъ народомъ. Дѣло шло о конгрессѣ для рѣшенія споровъ, возникшихъ между различными племенами въ окрестностяхъ Сиднея. Тушъ же великіе керредки вздумали исправлять порожеспиленный обрядъ гна-лунгъ. Обрядъ эшопъ соспиопъ въ шомъ, что выбивающъ по зубу у каждаго дикаря, пришедшаго въ совершенный возрастъ. Пригошвенія къ столу обширнымъ дѣламъ, выборъ мѣспа, успановленіе бесчисленнаго множества подробностей, соединенныхъ съ обрядомъ, все эшо зашпавило уже спаршинъ нѣсколько разъ собирающъ для шолкованій, и самъ великій Бунгари принужденъ былъ оплучишъ изъ Сиднея, для подтвержденія своею власпью положеннаго на совѣпахъ. Водка развязала языки моихъ госпей, и они наговорили мнѣ сполько о гна-лунгъ и обо всемъ, что возбудили мое желаніе посмощъ, что шакое будетъ у нихъ дѣлашъся. Бунгари вызвалъ самъ провожащъ меня, и я охотно согласился. Было уже поздно, и мы раскланялись съ знаменишыми посѣшителями, пошедшими опъ насъ швердо, но уже довольно на весель.

«Докшоръ!» сказалъ я, обращаясь къ Гарри; «вопъ люди почпи живопиная; и какъ же вы сорокъ лѣшъ живете съ ними, и они оспающъ споль-же

скопоподобны, какъ и прежде вашего здѣсь поселе-
 нія? Одному только научились они опъ вась по-
 року, кошорый и образованиаго челоуька низво-
 дитъ на спепенъ скопа—пьянспву!»—Вы правы—оп-
 вѣчалъ Гарри—эти люди болѣе скопы, нежели че-
 ловѣки; но не думайте, чшобы не спарались очело-
 вѣчипъ и образовапъ ихъ. Ничшо не помогаешъ:
 ни филантропическія спаранія колонисповъ, ни
 духовная ревностъ миссіонеровъ. Всяческія заботы
 объ нихъ пропали по пущому; инспинкпъ дикоспи
 и бродяжничества всегда превозмогаешъ все, чшо
 для нихъ дѣлаюпъ. Думая пріучипъ ихъ къ жизни
 осѣдой, Губернапоръ Маккари поспроилъ было
 подль Сиднея опряпный домикъ, окруженный са-
 домъ. Онъ опдалъ его въ распоряженіе дикарей,
 обитающихъ окреспъ Порпъ-Джаксона. Подарокъ
 явился бесполезнымъ. Садъ скоро заглохъ опъ не-
 обработки, и дикари приходили только иногда
 въ домикъ укрывапъ опъ непогоды, но ни одинъ
 не захопъль опказапъ опъ бродяжничества. «На-
 чшо вамъ домъ?» спросили однажды у Бунгари. «Magi
 boudjrgi, Massa, poss i gain.» опвѣчалъ онъ (они на-
 добны, когда дождъ идепъ). Тотъ-же Губернапоръ
 основалъ неподалеку опъ Параманша училище,
 гдѣ даромъ хоппъли учипъ молодыхъ дикарей. При-
 манка хорошей ѣды сначала привлекла было нѣ-
 сколько дикаренковъ, но вскоръ надобло имъ сидѣнье
 на мѣспъ, шакъ, чшо они лучше согласились пер-
 пѣпъ бѣдную и тяжкую жизнь своихъ земляковъ,
 нежели оспавапъ въ училищѣ сыпными и спокой-
 ными. Теперь заведеніе совѣмъ брошено.

«Изъ множества бесполезныхъ опытовъ передашь образованіе эшимъ дикарямъ, вотъ два примѣра, весьма замѣчательные. Основатель колоніи, Губернаторъ Филлипъ, допустилъ къ себѣ, въ 1788 году, Австралійца Бенилонга, оказавшаго разныя услуги первымъ колониспамъ. Онъ сажалъ его съ собою за споль, и когда опправился въ Англію, въ 1792 году, то взялъ его съ собою, держалъ у себя въ домѣ до 1795 года, времени назначенія Капитана Гунпера на Губернаторское мѣсто въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Бенилонгъ опправился съ Гунперомъ, продолжалъ въ Сидней житье у Губернатора и обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Нѣсколько времени послѣ возврата на родину, дикарь велъ себя весьма хорошо. Думали, что онъ убѣдился въ выгодахъ образованія, и уже никакъ не полагали, чтобы онъ оспавилъ свое спокойное житье на кочевое шашанье по лѣсамъ съ земляками. Но всѣ ошиблись въ надеждахъ. Сначала онъ посѣщалъ своихъ родичей, не чувствуя никакой охоты съ ними оспаться, но мало помалу привычки юности пробудились въ немъ съ такою силою, что кочеванье въ лѣсахъ показалось ему истиннымъ счастьемъ. Онъ не вытерпѣлъ, скинулъ съ себя платье и убѣжалъ навсегда опъ Евронейцовъ, такъ, что его болѣе никогда не видали. Почтенный Маредень встрѣтился съ Бенилонгомъ въ лѣсахъ и рассказывалъ, что вновь принявши всѣ нравы и обычаи дикарей, Бенилонгъ нисколько не сожалѣлъ о выгодахъ Европейскаго просвѣщенія.

Другой примѣръ, рассказанный теми-же свидѣте-

лями. Маредень говоришь, что онъ зналъ дикаря, принадлежавшаго къ племенамъ Параматскимъ. Англичане прозвали его Даниломъ. Это былъ весьма красивый молодой человекъ. Бошаниспъ Калей взялъ его къ себѣ и держалъ у себя нѣсколько лѣтъ. Возвращаясь въ Англію, Калей уговорилъ Данила ѣхать вмѣстѣ. Здѣсь прожилъ онъ долго, и какъ Калей былъ чиновникомъ при покойномъ Банксѣ, то Данило введенъ былъ во всѣ лучшія Лондонскія общесства. Наконецъ ворошилъ онъ въ Новый Южный Виллисъ, и Маредень съ изумленіемъ увидѣлъ его въ лѣсу, немедленно послѣ его возвращенія, миляхъ въ восьми на сѣверъ отъ Параматта. Онъ былъ нагой, и ничѣмъ не отличался отъ другихъ земляковъ. «Я изъяснилъ ему мое удивленіе (говоришь Маредень) о томъ, какъ могъ онъ оставивъ плащъ и скинаться по лѣсамъ, но онъ отвѣчалъ, что житье въ лѣсахъ для него первое наслажденіе въ свѣтѣ.» Вскорѣ потомъ Данило встрѣпилъ молодую Англичанку изъ свободныхъ колонистовъ, когда бѣдная женщина возвращалась къ своему отцу, миляхъ въ трехъ отъ Параматта. Данило позволилъ себѣ исповѣствоваться, сродное дикарю, былъ преслѣдуемъ за то, повѣшенъ, и умеръ дикаремъ, безчувственнымъ и скопоподобнымъ, не смотря на всѣ выгоды, какія могъ видѣть въ общественной нашей жизни.

«Потерявши всякую надежду на успѣхъ, Англійское правительство рѣшилось оставить здѣшнихъ дикарей на бродяжничество по волѣ ихъ, и только

пребываютъ онѣ нѣхъ уваженія къ собственности колоній и прикрытія безспыдной нагоны, если они являются въ города. Кромѣ частныхъ нарушеній, но и другое условіе равномерно уважаются дикими. Прибрежные пуземцы мирно живутъ между нами и довольствуются только изобильемъ, выкапывая себѣ запасовъ и водки, до которой они спрасные охотники. Но во внутреннихъ областяхъ часто бываютъ жестокія схватки между Англичанами и дикарями. Дѣло доходитъ до кровопролитія. Иногда нападаютъ дикари; случается тоже и со стороны Европейцевъ, но въ обоихъ случаяхъ принуждены посылать военные отряды для усмиренія безпокойствъ. Почти за достовѣрное можно сказать, что прибрежные жители не людоеды, но множество есть свидѣтельствъ, что обитатели горъ и лѣсовъ внутреннихъ бьютъ иногда Англичанъ для того только, чтобы сожрать пошомъ ихъ трупы.

«Но эти уроды, по видимому, столь глупые и грубые, не лишены однакожъ здраваго разсудка. Рассказываютъ о Бунгари самомъ весьма забавную черту необыкновенной памяти. Лишь 10-ль, или 12-ль тому, сопровождалъ онъ Капитана Кинга, при его обзорѣиъ сѣверныхъ береговъ Австраліи, и показъ при семъ случаѣ много опытовъ дѣятельности и усердія. Присутствіе его не рѣдко бывало полезно при сношеніяхъ, какія спарались заводить съ дикарями. Какъ переводчикъ, онъ оспавался безполезенъ, ибо языки Австралійцевъ различны на весьма малыхъ разстояніяхъ. Такъ, на примѣръ, нарѣ-

чія племень на сѣверномъ берегу не представляють ни малѣйшаго сходства съ языками дикарей Новаго Южнаго Валлиса. При оспановкѣ на Тиморѣ, Бунгари, выйдя на берегъ, шопчасъ опсправился къ шорговцу джиномъ, вышилъ порядочную порцію и опшдалъ піаспръ, шребуя сдачи. У купца не случилось мѣлкой монеты; онъ взялъ піаспръ и сказалъ, что сосчитаются въ другой разъ. Но корабль шопчасъ пущился въ море, и Бунгари принужденъ былъ оспавить долгъ за купцомъ. Онъ не позабылъ объ немъ. Когда на слѣдующій годъ корабль опять оспановился близъ Тимора, Бунгари прямо пошелъ къ своему должнику, напомнилъ ему о долгѣ, и допилъ оспальной джину, кошорый слѣдовалъ ему за піаспръ, данный въ прошломъ году.»

По обѣщанію своему, Бунгари явился въ назначенный для праздниковъ день въ мою госпшиницу. Въ девять часовъ ушра неспройные, пронзительные крики возвѣстили мнѣ прибытіе его шайки. Бросившись къ окошку, я увидѣлъ съ дюжину дикарей, раскрашенныхъ бѣлымъ, чернымъ и краснымъ. Впереди всѣхъ горделиво шесшвовалъ Бунгари. Онъ одинъ вошелъ ко мнѣ, возобновилъ свои поклоны, но только былъ на сей разъ развязнѣ какъ-то и ловчѣе, будпо чувствуя, что шеперь является въ санѣ властителя, гоповаясь исполнять важныя обязанности свои. Ничего не было въ немъ шеперь нищенскаго, попрошайки, бродящаго за піаспромъ и спаканомъ джину. Вымытый, съ лицомъ раскрашеннымъ неправильными полосами красной охры, онъ казался молодцомъ, и какъ будпо помолодѣлъ

двѣдцатью годами. Я предложилъ ему спаканъ рому, но онъ выпилъ только половину, давая разумѣть, что ему надобно сберечь свѣжую голову для битвъ, какія надлежитъ выдержашъ. Онъ просилъ меня пошоропиться, потому что его храбрые воины неперпѣливо ждали его, боясь придти послѣднѣе на поприще славы и чести.

Мы оправились, Гарри и я, и слѣдовали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дикарей. Толпу ихъ составляли челоѣкъ двѣдцать, шедшихъ мирно, пока были въ городѣ. Но едва вступили мы въ поле, началось шествіе парадное. Дикари, по бѣжали поспѣшно, пробѣгая куспарниками, по вдругъ оспанавливались и начинали свой воинскій танецъ. Такъ прыгая и подплясывая, мы добрались на небольшую равнину, возвышенную надъ Порпъ-Джаксономъ и Бошанибемъ. Тутъ мѣсто было очищено отъ куспарниковъ, и казалось превосходно приготовленнымъ для дикарскихъ забавъ. Уже множество племенъ сидѣло тутъ въ окружномъ куспарникѣ и въ лѣсу. Вступивши на мѣсто позорища, Бунгари и его товарищи прошли по немъ торжественно, какъ будто вызывая на битву непріятелей и поджигая ихъ мужество. Совершивъ сей обрядъ, они удалились и дали мѣсто другимъ, которые дѣлали поже самое.

Вскорѣ, по данному знаку, всѣ племена пошли изъ куспарниковъ, двигаясь къ сценѣ битвъ кучками, челоѣкъ по 15-ти и по 20-ти. Каждый дикарь былъ вооруженъ дропикомъ, щипомъ, дубиною и *вомерангомъ*. Бунгари приставилъ къ намъ родъ чичероне, дикаря, которъй за тяжелою раною въ

могъ участвовашъ въ бившѣ, и осматривался подлѣ насъ. Онъ исчислялъ намъ, одно за другимъ, всѣ племена, по мѣрѣ вступленія ихъ на площадку: Сидней, Параматта, Эму, Бошанибей, Виндзоръ, Иллавара, Морригонгъ, Моррумбиджи и множество другихъ, которыхъ я не припомню. Всѣ дикари были размазаны краснымъ, бѣлымъ и чернымъ. Каждое племя отличалось формами и цвѣтомъ своей раскраски. Изъ всѣхъ особенно замѣтилъ я племя Морригонгское, состоявшее почти сплошь изъ людей малолетнихъ. Но они были всѣ сильны и ловки; мясистыя и стройныя части тѣла ихъ составляли противоположность съ щими и неловкими формами прибрежныхъ дикарей. Вѣроятно, такимъ преимуществомъ одолжено это племя пицѣ, болѣе изобильной и существенной. Раскраска на груди изображала у нихъ родъ ношъ, и это не мало способствовало ихъ воинскому виду.

Дѣло началось около полудня. Прежде всего спалъ посреди молодой дикарь звѣрскаго вида. Одинъ и нагой, онъ имѣлъ только въ рукахъ деревянный, узкій и продолговатый щитъ. То былъ знаменитый воинъ. Въ бившѣ одинъ на одинъ, бывшей когда-то прежде между нимъ и дикаремъ сосѣдняго племени, онъ вѣроломно убилъ своего противника, когда щитъ хотѣлъ только взяться за дубину. Такое злоумышленіе могло омыться только кровью убійцы. Этого не ожидалъ побѣдившій, бѣжалъ, скрылся, но упомленный бродящею и бѣдною жизнью, явился снова добровольно и предоставлялъ искупить вину его мщителямъ публично. Пятеро друзей покойника

должны были, поочередно, кидать въ него конья въ 15 шагахъ разстояніемъ. Это былъ первый опытъ наказательнаго дѣла. Убійца вышелъ изъ него весьма счастливо; щипомъ и малымъ наклономъ плеча онъ избавился отъ всѣхъ дропиковъ. Второе испытаніе было не столь удачно: по пяти сагаевъ надлежало кидать въ злодѣя въ одно время и въ нѣсколько пріемовъ. Два раза избѣжалъ онъ явной опасности, но въ третій однимъ коньемъ его ранили. Тотчасъ поднялся ужасный крикъ. Друзья раненаго вступили въ посредничество, и хотя мстители хотѣли продолжать мѣшанье коней, но ихъ тотчасъ убѣдили, что отмщеніе уже доспапочно. Раненый удалился къ своимъ, и ему принялись перевязывать рану.

Послѣ этой нелѣпой сцены явились пять дикарокъ и сжали полукругомъ, каждая держа въ рукахъ короткую палку. Неподалеку отъ нихъ сжали шрое дикарей, каждый со щипомъ. Весь этотъ народъ обвиняли въ убіеніи дикаря изъ сосѣдняго племени. Наказаніе женщинъ долженствовало состоять въ извѣстномъ количествѣ ударовъ палкою; но для четырехъ изъ нихъ исполнили правосудіа удовольствовались только видомъ, будно бьютъ бѣдныхъ дикарокъ. Пятая не разсчиталась такъ дешево; ее били столь жестоко по груди, что она падала на землю, подымалась и сама должна была подавать палку своему палачу. Намъ говорили, что эта несчастная была особенно виновна въ преступленіи.

За тѣмъ перешли къ мужчинамъ. Двѣнадцать человекъ помѣщались въ 15-щи, или 20 шагахъ

опъ нихъ, и бросали въ нихъ сагаи, опбиваемые щипами съ величайшею ловкостью, хотя и нападающіе дѣйствовали весьма искусно. Нѣкоторые изъ сагаевъ вонзались на дюймъ и на два въ корковые щипы. Иные вонзались въ землю. Шагахъ въ 30-ти далѣе, одинъ дикарь, пославленный подлѣ виноватыхъ, опбрасывалъ копыя обратпо мспишелямъ. Иногда перебрасывали ихъ назадъ сами пресупники, подсмѣваясь иадъ неловкостью бросавшихъ. Такимъ образомъ перекинуто было копей пиадсашъ, послѣ чего оппустили виноватыхъ, какъ потерпѣвшихъ довольное наказаніе.

Топчасъ явился дикарь изъ племени Илавара, уличаемый въ шомъ, что ночью, измѣнически, нанесъ нѣсколько ударовъ кинжаломъ другому дикарю изъ племени Морригонгъ. На сей разъ самъ обиженный долженъ былъ наказашъ виноватаго. Преступнику дали въ руки щипъ, и при помощи его уснѣлъ онъ опбить пиадсашъ копей, брошенныхъ въ него по одинакѣ шагахъ въ 15-ти разсноянїемъ. Взяли у него щипъ, и еще десяшъ копей опбилъ онъ легкимъ движенїемъ шѣла и взмахомъ руки. Тушъ опдали ему щипъ, но привязали руку къ шѣлу, повыше локтя. На сей разъ попало въ него копье, вонзаясь въ связанную руку, и хотя рана была не важна, но кровь потекла обильно. Наказанїе почтено доспапчнымъ.

Тушъ два опряда, каждый человекъ изъ 25-ти. со щипами и копыями, кинулись другъ на друга. Оба взаимно наносили сильные и жестокіе удары, Хотя смѣшанная по виду, бпшва сія была произво-

дима въ удивительномъ порядкѣ и стройно. Сражающіеся оказывали хладнокровіе и смѣлоспъ превосходно. Бунгари принималъ участіе въ турнирѣ съ большимъ оплчїемъ. Онъ былъ неслѣдній изъ мастеровъ бросающъ копье и опбивающъ удары своихъ противниковъ. Надобно было только зрїтелямъ, собравшимся въ большомъ числѣ, принимать большую предосторожность, ибо сражавшіеся безпрестанно перемѣняли положенія, и по видимому мало заботились о томъ, не долетятъ-ли ихъ копья до свидѣтелей ихъ храбрости. Ничего непрїятнаго однакожь не вышло, хотя нѣсколько копей упало подлѣ ногъ нашихъ. Битва продолжалась нѣсколько часовъ одинаково стройно, и никто не былъ изувѣченъ.

Мы съ Гарри не дождались ея конца, и почили болѣе любопытнымъ посмотришь на окружность турнира, гдѣ по лѣсу расположились кочевьемъ всѣ различныя племена дикарей. Тутъ заглянули мы въ шалаши, гдѣ находились тогда женщины и дѣти. Дикарки казались встревоженными тѣмъ, что будетъ слѣдствїемъ начавшей битвы. Онѣ изъявляли желаніе поскорѣе ворошиться въ свои уединенныя лѣса, и спрашивали, чтобы начальники семействъ не пострадали въ смятенїи драки. Всѣ эти дикарки вообще были самой непрїятной физїогномїи, хотя у нѣхъ, которыя помоложе, формы казались довольно складны, и большіе черные глаза ихъ имѣли что-то угрожающее, не смотря на дикое ихъ выраженіе. Обошедши всѣ шалоы дикарскіе, мы увидѣли, что въ собранїи здѣсь долженствовало быть не менѣе

няпи сошъ Авспралійцовъ обоого пола и всякихъ возрастовъ. Собранія споль многочисленныя здѣсь весьма рѣдки, и для того, которое было теперь передъ нашими глазами, надлежало придти полови- нѣ всего народонаселенія пузежнаго съ проспран- сива на придцанъ лѣе кругомъ.

Мнѣ хотѣлось узнать, что сдѣлалось съ бѣдною женщиною, получившею давича жестокое наказаніе, но въ это время раздался сильный и всеобщій вопль дикарей. Гарри обезпокоился. «Надобно остеречься,» сказалъ онъ; «у этихъ скоповъ не рѣдко шушка кончился убійствомъ!» Но дѣло оказалось совсѣмъ не такъ важно; причиной смятенія былъ дикарь, ко- шораго довольно жестоко ранили, и теперь шаци- ли съ поля битвы. Конье попало ему въ бокъ и вонзи- лось довольно глубоко. Обломокъ вынули, рану вы- сосали и раненаго перевязали пряжками. Хотя ра- на была жестокая, операція довольно мучительная, но спрадалецъ не испустилъ ни одного спона. Женщины и дѣти его семьи рыдали вокругъ него и спенали жалобно. Мнѣ сказали, что раненый на- зывался Уру-Море, былъ изъ племени Видзорскаго, и обвиненъ въ убійствѣ одного изъ его родспвен- никовъ. Въ числѣ доказательствъ вины его приво- дили сонъ, видѣнный однимъ изъ спаршинъ племени убиваго. Этого достаочно было для жестокаго наказанія на общемъ сборищѣ. Но потому ли, что поло- женіе обвиненнаго возбуждало общее участіе, или по недоспажку доказательствъ поможительныхъ, позволено было друзьямъ и родспвенникамъ его явиться съ нимъ вмѣстѣ и сражаться подлѣ него,

хотя онъ съ своей стороны долженствовалъ не имѣть права отбивать удары, ему наносимые. Долго бѣднякъ успѣвалъ увертываться отъ сагаевъ, но какъ въ него особенно мѣтили, то кончилось тѣмъ, что ранили его жестоко. Послѣ сего друзья бились еще нѣсколько минутъ за раненаго, но болѣе для формы, нежели въ самомъ дѣлѣ, ибо противники ихъ удалялись, и наконецъ совсѣмъ вышли изъ боя, довольные тѣмъ, что мщеніе было совершено.

Здѣсь кончились всѣ спорныя дѣла конгресса, ибо за тѣмъ слѣдовали только примѣрныя воинскія игры, забавныя пляски и киданье копей въ деревья. Нѣкоторые изъ дикарей бросали вомеранги, спранный мешапельное оружіе, которое взлетаетъ на значительную высоту, повертываясь безпрестанно, и падаетъ подлѣ ногъ того, кто его бросилъ. Это весьма ловко дѣлали всѣ дикари. Вомерангъ служилъ имъ, кажется, болѣе для потѣхи, нежели для битвы настоящей, потому что онъ не можетъ быть опасенъ, и изучивши спранный полетъ его, совсѣмъ не трудно отъ него уклониться.

Первое дѣйствіе здѣсь заключилось, и многіе изъ присутствовавшихъ готовились уже къ отбѣгу, когда неожиданное приключеніе нарушило общее спокойствіе. Поднялся ужасный вопль; на средину позорища двое дикарей насильно тащили молодую дикарку. Несчастная сопротивилась отчаянно, цѣплялась за деревья и кусты, крича изъ всѣхъ силъ, но дикари не заботились ни о крикѣ ея, ни о сопротивленіи, и волокли ее насильно. Голова дикар-

ки билась о кусты, деревья, камень; кровь несчастной мѣшалась съ ея слезами — зрѣлище было невыносимо! Я хотѣлъ даже броситься на помощь бѣдной спрадалицѣ. Гарри остановилъ меня. «Не вѣшивайшесь», говорилъ онъ мнѣ; «вѣдь эшо сватовство, и дикарка, можетъ быть, согласна съ похищеніями; она играетъ глупую комедію, но такъ здѣсь водится.» На эшотъ разъ онъ былъ не совсемъ правъ. Только что оба похищенія привлекли свою жертву на средину луга, дикарь, близкій родственникъ похищаемой, приблизился къ нимъ съ грознымъ видомъ, какъ будто думая оспорить у нихъ добычу. Они готовились ему отвѣчать, и уже мѣряли другъ друга глазами, когда приближали съ разныхъ сторонъ дикари другихъ племенъ, посредничавшъ въ дѣлѣ. Пользуясь начавшимся смятеніемъ, какой-то Англичанинъ, зритель происходившей сцены, бросился къ дикаркѣ, схватилъ ее, упавилъ, и разогналъ палкою дикарей, хотѣвшихъ ему воспротивиться. Бѣдная женщина, казалось, съ благодарностью приняла заспущеніе богатыря, спрятавшись за него, и по видимому, была весьма рада, избегнувши свирѣпства своихъ земляковъ. Тупъ дѣло совсемъ зашумалось. Превосходя силою, дикари толпою окружили Англичанина, и ему могло быть плохо, еслибы другіе Англичане не уговорили его опуститься отъ дикарки. Мужественный сынъ Албіона оставилъ бѣдную женщину; ее опять схватили похищители и отдали подъ надзоръ воиновъ своего племени, а сами снова спали въ грозную позицію пропавъ защитника дикарки, ея родствен-

ника. Дѣло кончилось нѣсколькими копьями, переброшенными съ обѣихъ споронъ.

Непонятное для насъ скоро объяснилось вполнѣ. Изъ племени Морригонгскаго похищили двухъ дѣвушекъ войны одного племени, кочующаго въ окрестностяхъ Сиднея. Чеснѣ Морригонговъ прѣбывала, чѣмбы взаимно двѣ женщины принадлежали имъ изъ племени похищителей. Сцена была подготовлена для торжественнаго мщенія. Назначили, какихъ дикарокъ похищитъ, и положили совершитъ это при торжественномъ собраніи, чѣмбы такимъ безспрашнымъ дѣйствіемъ совершенно изгладитъ безчестное племя Морригонговъ. Масперовой, Англичанинъ, житель Сиднея, шопъ, который засступился за дикарку, узналъ все, и мѣсяца за два до конгресса увелъ къ себѣ одну изъ назначенныхъ къ похищенію дикарокъ. Недовольный этимъ, онъ хотѣлъ завладѣть и другою. Но такой поступокъ былъ жесточайшимъ оскорбленіемъ обычаевъ дикарей, и отважному засступнику дѣло не могло иройдти даромъ, еслибы онъ спалъ упорствовавъ. Упрямый Англичанинъ успушилъ, и красавица принуждена была идти за шѣмъ, кого назначили ей въ супруги законы ея земляковъ.

Площадка, гдѣ все это происходило, была неподалеку отъ Южной горы (Jouth-Head), находящейся въ разстояніи 5, 6 миль отъ Сиднея. Сюда идетъ прекрасная мощеная дорога, кончаясь у красиваго маяка, поставленнаго на вершинѣ высокаго пещаниковаго утеса. Это шѣмъ самый маякъ завидѣли мы съ моря. Впрочемъ, насажденія въ этомъ мѣстѣ незначительны. Коегдѣ разбросаны сельскіе домики пріятной наружности,

но почва земли вообще малопродуктивна и большею частью покрываема еще произрастаниями, какія разсыпана на ней дикая природа. Некоторые изъ нихъ образуютъ кусты прелестной зелени, покрываемыя различными красивыми цвѣтами. Посрединѣ кустовъ, пропѣлка ведетъ къ отдельной площадкѣ, называемой Belle-Vue (красивый видъ), откуда съ одной стороны открывается море, а съ другой обширное пространство земли. Дорога къ South-Head есть любимое гулянье Сиднейскихъ щеголей. Въ воскресенье тутъ все пространство, до самаго маяка, покрывается экипажами и всадниками верхомъ. Шумъ, движеніе, веселость, видъ богатства и образованности напоминаютъ здѣсь самые богатые города Европейскіе.

Знаменитый Бунгари обѣщали показать мнѣ обрядъ *гна-лунга*, и сдержали свое слово. Мы отправились съ нимъ мило за двѣ присущивавшія при сей странной церемоніи, описанной Губернаторомъ Коллинсомъ столь вѣрно и точно, что изъ его описанія не лѣзя ничего ни прибавить, ни убавить. Вотъ драгоценныя подробности, показывающія исполненіе нравы Австралійцевъ.

На пространстве земли, нарочно приготовленномъ, дикари начали прежде всего пляски и игры. Это приготовленное пространство земли, 25 футовъ длины и 16 ширины, называется *ю-лангъ*. После совершенія предварительныхъ веселій, явились *керредди*, или жрецы, которымъ предоставлено право совершать *гна-лунгъ*. Почти все они принадлежатъ къ племени Кеммираи. Прибывши на мѣсто совершенія обряда, становящіяся они съ оружіемъ въ одномъ

углу площадки, между шѣмъ, какъ молодые дикари, копорымъ назначено вытерпѣть операцію, держався въ другой споронѣ, окруженные родными и друзьями.

Церемонія началась входомъ на позорище толпы дикарей, вооруженныхъ и кричавшихъ особеннымъ образомъ, ударяя щипами и копьями, и подымая около себя сильную пыль. Одинъ изъ нихъ приблизился къ молодымъ дикарямъ, опдѣлился опъ толпы, схватилъ одного дикаренка, обернулся къ поварищамъ, и былъ привѣщиваемъ радостными ихъ криками, какъ будто они принимали похищеннаго подъ свое покровительство. Въ приготовленные такимъ образомъ къ операціи молодые дикари были переданы одинъ за другимъ на другую спорону ю-ланга. Ихъ было 15 человекъ, и они съли на земль, сложивъ подъ себя ноги, сжавъ руки и повѣся головы. Такъ надлежало провести имъ цѣлую ночь, не принимая никакой пищи.

Устроивши въ порядокъ свои жертвы, керредаи совершили нѣсколько таинственныхъ обрядовъ. Одинъ изъ нихъ распянулся на земль, и капался по ней, какъ сумасшедшій, пока взяли у него какую-то оспрую косточку. Куча дикарей окружила его, кричала, била его по спинѣ, какъ будто помогая освободиться опъ роковой косточки. Послѣ множества кривляній и усилій, шарлапанъ поднялся въ попу и успалый, но показывая, что никакой боли не чувсвуетъ. Такая проказа начиналась нѣсколько разъ, и каждый разъ керредаи показывалъ косточки, которыми прежде запасся, и копорыи, какъ въ

были увѣрены, онъ изъ себя выпаскиваетъ. Это, по изъясненію дикарей, дѣлается для полного убѣжденія молодыхъ дикарей, что при операціи имъ не будетъ сильной боли, ибо почтенный керредай предварительно уже мучился за нихъ.

Все это составляло предуготовленія и дѣло перваго дня. На другой день, при восхожденіи солнца, молодые дикари оспавались все еще во вчерашнемъ положеніи, а керредай явился въ числѣ 15, 16 человѣкъ, и нѣсколько обползли все проспранспвою-лаига на чепверенькахъ, какъ будто собаки; деревянные палки, привязанныя сзади у каждаго, представляли что-то похожее на хвосты, будучи укрылены у пояса. Каждый разъ, когда они ровнялись съ молодыми дикарями, взбивали они на нихъ пыль и песокъ руками и ногами. Этимъ передавались молодымъ дикарямъ власнѣ и преимуществво надъ живошными, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывалась польза, какую живошныя приносятъ человѣку.

Немного спусти явились два дикаря, изъ копорыхъ одинъ несъ подобіе кангуру, сдѣланное изъ шравъ и вышвей, а другой пучекъ въшокъ. Не смотря на легкоснѣ ношей, шонъ и другой показывали видъ, будто имъ очень тяжело тащить эти символы; они едва волоклись и оспанавливались, какъ будто отдыхая. Наконецъ оба носильщика положили свои мнимыя тяжесты подлѣ молодыхъ дикарей, и удалились, какъ будто испощенные трудомъ и усталостью. Этимъ передавалось право бишь кангуровъ; чучело значило самыхъ звѣрей, а пучекъ въшокъ лѣса, гдѣ они укрываются.

За симъ слѣдовала продолжительная перемѣнка, во время которой молодые дикари оспавались по прежнему неподвижны. И карредаи также удалились, прицѣпляя къ спинамъ своимъ длинные хвосты изъ древесныхъ вѣтвей. Потомъ выступили они на позорище, подражая походкѣ кангуровъ, то прыгая на ногахъ, то оспанавливаясь и попирая рожи свои руками. Двое дикарей слѣдовали за ними въ кустарники, и казалось, выжидали только случая ударить ихъ копьями, между тѣмъ, какъ особенный дикарь билъ мѣру дубиною по щипу. Сею фигурою изображалась охота за кангурами, и дикари, которымъ препоручено было представлять эпитъ звѣрей, играли роли свои превосходно.

Прибывши опять на ю-лангъ, вся эта смѣшная куча народа прошла мимо молодыхъ дикарей, продолжая свои скачки и прыжки; потомъ, отбросивши далеко хвосты свои, каждый изъ актеровъ схватилъ одного молодаго дикаря, всѣ подняли ихъ на плеча и унесли на то мѣсто, гдѣ должно было разыгрываться последнее дѣйствіе комедіи. Непосреду поставили молодыхъ дикарей на землю, наклонивъ имъ головы и сложивъ руки, какъ будто въ знакъ глубочайшаго благоговѣнія. Сзади спали многіе керредаи, съ копьями въ рукахъ. Впереди находились два пня, фушахъ въ 12-ши, или 15-ши одишъ одинъ другаго разстояніемъ. На обоихъ сѣло по одному дикарю, а на плеча имъ взызло еще по одному, и всѣ четверо пропянули руки къ верху. Между пнями легло много дикарей еще, ничкомъ, одинъ подлѣ другаго.

Поставили молодых дикарей около эпой сидящей и лежащей полны, и съ приближеніемъ ихъ, шъ и другіе начали дѣлать глазами, ртомъ и всѣмъ шѣломъ самыя безобразныя и ошврашипельныя гримасы и кривляканья. Молодыхъ дикарей повели черезъ лежащихъ, и всѣ лежащіе представляли умирающихъ, спеная жалобно и печально. Эшимъ пріучали молодежь къ войнѣ и внушали имъ безспрашіе среди биншъ и опасностей. «Эпо очень хорошо,» отвѣчали дикари на наши вопросы, и увѣряли насъ, что послѣ того молодые люди дерутся съ удивительною храбростью.

Когда кончилась передача храбрости и безспрашія, сдѣлавши еще нѣсколько шаговъ, молодые дикари и Керредаи оспановились и молодыхъ дикарей опять посадили одного подлѣ другаго. Схвативъ свои щипы и копы, Керредаи спали передъ ними полукругомъ. Въ срединѣ, оборотясь лицомъ къ шоварищамъ, споялъ Керредай, игравшій главную ролю во всемъ обрядѣ. Въ одной рукѣ держалъ онъ щипъ, въ другой дубину, кошорою билъ мѣру по щипу. При прешемъ ударѣ эшого урода, бывшаго чѣмъ-то въ родѣ первосвященника, кажется, всѣ Керредаи задвигали копыями, опускали ихъ и въ одинъ махъ касались ими середины щиповъ. Эпо произведено было опмѣнно ловко и ровно, и означало право на употребленіе копы.

Продолживши свои движенія нѣсколько минушъ, Керредаи приспустили къ выбиванью зубовъ, главной цѣли всѣхъ видѣнныхъ нами нелѣпостей. Тяжкое эпо дѣло начали съ молодаго дикаренка, кошо-

рому было не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ; его посадили на плеча одного дикаря. Керредай, кошорому надлежало совершить операцію, взялъ косточку, одну изъ шѣхъ, кошорыя вчера вынималъ изъ себя съ шакимъ шрудомъ поварищъ его. Она была обдѣлана въ видѣ долошца, шакъ, что легко можно было обрѣзать ею самый корень зуба подлѣ десны. Вырубили особенную *вомору* (палочку въ родѣ копѣца), въ 8 или 10 дюймовъ, приставили одинъ конецъ ея къ зубу, и вышибли зубъ, ударивъ камнемъ по другому концу *воморы*. Бѣднаго мальчишка опнесли въ споруку и спарались унять кровь изъ десны, а потомъ надели на него плашье, какое долженъ онъ былъ носить послѣ того нѣсколько дней сряду. Плашье это было поже, что Римская пога совершеннолѣтнихъ, и состояло изъ пояса, на кошоромъ болталась съ боку деревянная шпага. Голову его окутали повязкою съ лисьями *ксанпоррей*, бѣлизна кошорыхъ отражалась на дымчато-мѣлѣтѣ кожи дикаренка. Левую руку долженъ онъ былъ держать на рѣшъ своемъ, не разкрывая его цѣлый день, не упопреляя пици и не говоря ни одного слова. Всѣмъ молодымъ дикарямъ убавили шакимъ образомъ по одному зубу, и во все время операціи присутствующіе кричали во все горло: « *вагъ — вагъ, гага, гага!* » съ видимымъ намѣреніемъ развлечь вниманіе *спрадалъцевъ* и заглушить ихъ вопли. Предоспорожность была бесполезная, ибо всѣ вынесли *спраданіе* съ особенною швердо-спію. Кровь, текущую изъ десенъ, не унимали, и оставляли ее свободно шечь по лицамъ ди-

каренковъ и по головамъ дикарей, копорые носили ихъ на плечахъ. Имя такоаго носителя присоединялось попомъ къ имени носимаго имъ, и пѣмъ устанавлился между ими союзъ родства, въ родъ нашего Европейскаго крестническаго (ragainage). Кровь, на копорой утверждался сей союзъ, не смывали нѣсколько дней попомъ, какъ признакъ заключеннаго союза.

Послѣ совершенія всѣхъ описанныхъ мною обрядовъ, молодой дикарь вслупаетъ во всѣ права совершеннолѣтняго, какъ равно обязывается принять и исполнять всѣ пиягоспи званія. Онъ можетъ употреблять дрошикъ и дубину, являться въ биввахъ и даже похищать дикарокъ, если вздумаетъ жениться. Слѣдовательно гна-лунгъ есть настоящее посвященіе въ шайнства жизни, церемонія перехода отъ дѣлства къ совершеннолѣтію. Спранно, что у самыхъ грубыхъ варваровъ Океаніи находимъ такой обрядъ, копорый до сихъ поръ замѣчали только у народовъ, уже успѣвшихъ въ общественномъ образованіи.

Кромъ гна-лунга, одного изъ самыхъ любопытныхъ обычаевъ дикарей здѣшнихъ, я видѣлъ также въ окрестностяхъ Сиднея похороны. Дикарь раненный, какъ я уже рассказывалъ это прежде, молодой Уру-Маре, умеръ отъ жестокой полученной имъ раны, и Бунгари уведомилъ меня, когда будунтъ его погребать. Я отправился на мѣсто похоронъ. Трупъ лежалъ въ маленькомъ шалашикѣ изъ вѣшвей, покрытый доскушомъ шерстяной шкани, служившимъ вмѣсто плаща покойнику. Кругомъ сидѣли

родные и друзья въ горестномъ видѣ; дѣти и женщины вопили и ревѣли продолжительными завываніями. Опѣ времени до времени мужчины вспаивали попарно и въ честь покойника жестоко били другъ друга копьями и дубинами. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ такимъ образомъ, двое дикарей принесли небольшую корковую лодку, сдѣланную по размѣру шрупа, и положили его туда съ оружіемъ и рыболовными снарядами. Во все время сихъ приготовленій мужчины хранили глубочайшее молчаніе, а женщины и дѣти продолжали завыванія. Лодку съ шрупомъ подняли попомъ на головы два дикаря, и пока поднимали ее, присутствующіе махали надъ нею пучками травы, спараясь прогнать злаго духа. Началось шествіе. Бунгари и еще одинъ дикарь шли впереди, ускоряя шаги и опѣ времени до времени размахивая пучками травы, по оборачиваясь къ шрупу, по показывая видъ, будто ищущъ чего-то въ кустарникахъ. Когда они обращали къ шрупу лица, несшіе гробъ отворачивались, спараясь не глядѣть на нихъ.

Нѣсколько времени шли такимъ образомъ по пробиной дорожкѣ. Но когда приближались къ мѣсту погребенія, гдѣ уже собрались печальныя женщины и дѣти, Бунгари и его шоварицъ бросились въ лѣсъ, какъ будто ища тамъ кого нибудь, и безпрепятственно размахивая пучками травы. Послѣднимъ присоединились они попомъ къ общей церемоніи. Одинъ дикарь кинулъ въ воду два дропика, явно только для обряда, не думая попасть въ кого нибудь; въ то же время Бунгари схватилъ двухъ ребятъ, близ-

кихъ родственниковъ покойнаго, и подтащилъ ихъ ко гробу, не взирая на крикъ этихъ бѣдняковъ, испугавшихся жесноко.

Наступило время погребенія. Неглубокая яма предварительно была вырыта въ уединенномъ мѣстѣ, подъ тѣнью огромнаго эвкалипта. Одинъ изъ дикарей выравнивалъ дно могилы, устлалъ его правою, попомъ легъ, пропнулся во весь роспъ и всячески поворачивался, какъ будто желая испытать, ловко-ли будешь лежать и ворочаться спунъ покойнику. За тѣмъ оспорожно положили въ могилу гробъ, покрыли его землею и въ головахъ и въ ногахъ разспавили полукружьями въшивы, шравы и папорошны укрѣпивши все это большою доскою. Множество мелкихъ обрядовъ, копорыхъ описанъ, а е можно изяснить причину, сопровождалъ все дѣйствіе.

Тѣмъ все кончилось. Мужчины, стоявъ попомъ къ женщинамъ съ грознымъ, угрожающимъ видомъ. Наконецъ всъ разошлись, оставивъ сей системъ состоятъ въ томъ, что ея. Сообразно съ обычаемъ дикарей, называвшихся одинаково, должны были на нѣкоторое время замѣнить себъ имена.

Такъ кончились похороны Уру-Маре, но, кажется, не здѣсь относить частнаго къ общему и полагать, что въ Авспралиі всегда такъ хоронятъ покойниковъ. Напрощивъ, по всему замѣтно, что Авспралийцы неимѣютъ никакихъ посюанныхъ и непреклонныхъ правилъ въ этомъ отношеніи. Видали здѣсь, по мершвецовъ жгли, собирали прахъ ихъ и хо-

ронили его тщательнѣе. Другіе замѣтили, что воиновъ, убитыхъ въ битвѣ, раздѣвали и жгли ихъ товарищи, но неизвѣстно было, куда они дѣвали ихъ останки. Вотъ что рассказываетъ Лейшенантъ Бришпонъ о погребеніи дикарей, убитыхъ на сраженіи:

« Въ ссорѣ, которая началась между двумя племенами на берегахъ Волломби, четверо мужчинъ и двѣ женщины изъ одного поколѣнія были убиты, и ихъ похоронили въ прелестномъ уединеніи слѣдующимъ образомъ: трупы дикарей положили крестообразно, головами вверху, положивъ ихъ навзничъ и привязавши каждого къ шеѣ покрывками по шеѣ, по поясу и по ногамъ. У женщинъ пригнули колѣна и привязали къ шеѣ, а руки привязали къ колѣнамъ и положили ницъ лицомъ. Ихъ могилы составили такимъ образомъ два маленькіе холмика, по три фута въ вышину, неподалеку отъ крестообразной могилы, образованной надъ трупами мужчинъ. Такое расположеніе показывало низшую степень дикарей, не позволяющую имъ быть похороненными ни вверху съ мужчинами. Впрочемъ, опрятность и тщательность, съ какою оба холмика и мужская могила были сдѣланы, стоили замѣчанія. Земля на нихъ была такъ выглажена, такъ уровнена, что не возможно было найдти ни малѣйшей неправильности въ ихъ формѣ. На некоторомъ разстояніи кругомъ, деревья, на 15-ть и 20 футовъ въ вышину, были покрыты нѣжными очерками, какъ будто кангуровъ, эму, опоссумовъ, змѣй, и все это перемѣшивалось съ фигурами раз-

ныхъ упварей. Вокругъ мужской могилы обвели кругъ фушовъ 30-ни въ поперечникъ и тщательнo выпщипали въ немъ всѣ кусарники. Въ этого круга очеркнушъ былъ еще кругъ, и въ узкомъ пространстве между обоими кругами расположили куски древесной коры въ видѣ черепицы на кровляхъ. Злой духъ, говорили дикари, не перескочитъ черезъ эти круги, да и не подползетъ подъ нихъ.

« Четыре дубины были воткнуны въ землю посреди мужской могилы, и дикари сказали, что дубины эти необходимы, ибо когда покойники вспанутъ, имъ не лзя быть безъ оружія, ибо нечѣмъ будешъ прогнать злаго духа, который захочетъ снова вполкать ихъ въ землю. Это могло-бы показатъ какія-то понятія дикарей о жизни за гробомъ, но трудно опредѣлитъ, какія именно эти понятія. Нѣкоторые изъ колонистовъ увѣряютъ, будто дикари вѣрятъ, что будущее состояніе ихъ сдѣлается весьма счастливое; что когда они оживутъ снова, то будутъ бѣлыми людьми и возобладаетъ всѣми богатствами, которыя теперь въ рукахъ Англичанъ; что имъ можно будетъ пить и ѣсть, что угодно и сколько угодно; что вѣчное солнце будетъ согрѣвать ихъ сладостною теплотою, и проч. »

Двѣ недѣли прошло со времени прибытія моего въ Сидней; я употребилъ ихъ съ пользою, осмотрѣлъ колоніи, и случай далъ средства видѣть разные обычаи туземцовъ Австраліи. Совсѣмъ былъ я готовъ къ отъѣзду, когда мой Капитанъ извѣстилъ меня, что его Кангуру назначается къ отплытію

въ Токконію. Дружески проспился я съ Гарри, и корабль нашъ пустился въ море 15-го Января 1832 года. Въ нѣсколько часовъ легкій бригъ нашъ оставилъ крайній мысъ залива къ югу, и мы пошли подлѣ береговъ материка Австралійскаго.

ГЛАВА XCIV.

АВСТРАЛІЯ.—ОТКРЫТІЕ И ГЕОГРАФІЯ.

Почти не лѣзя сомнѣваться, что задолго до прибытія Европейцевъ въ моря Индійскія, Малайцы и особливо Макаassarцы и Бугійцы знали уже Авспраль-ный материкъ. Едва-ли не ежегодно плавали они въ своихъ корабляхъ на ловлю трипанговъ, или голошурій къ сѣвернымъ берегамъ Авспрали. Европейцы встрѣчали въ послѣдствіи цѣлыя флотиліи ихъ, заявивъ сею ловлею. Но привлекаемые частною корыстью, сіи мореходы не думали о географической важности своего открытія. Они знали только, что на югъ есть земля, обильная трипангами, и этого было для нихъ довольно.

Аббатъ Прево и Президентъ де-Брокъ хотѣли присвоить *Польме де-Гонневиллю* первое открытіе Авспральной земли; но оба они утвердились на очевидной ошибкѣ. Описаніе дикарей той земли, куда приславалъ Польме въ 1504 году, не представлялъ никакого сходства ни съ чѣмъ, что извѣст-

но намъ теперь о щедушныхъ и слабыхъ Авспра-
лійцахъ. Сравнивая и соображая всѣ подробности
журнала Гонневилева, и все, что говоритъ онъ о
своихъ сношеніяхъ съ туземцами, должно полагать,
что онъ приспавалъ къ Мадагаскару, и опшуда
привезъ съ собою въ Европу Князя тамошняго
Эсеомерика.

Съ первыхъ лѣтъ появленія своего въ Индіи и
особливо на островахъ пряностей, Португальцы
получили свѣдѣнія объ Авспральныхъ земляхъ. Не
только ловцы шрицанговъ могли сказать имъ объ
нихъ, но, безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ ихъ кора-
блей, сбываясь съ суши, приспавали къ Авспрали.
Такое предположеніе спановинся почти несомни-
тельнымъ, если разсмотримъ спарую карту, озна-
ченную 1542 годомъ. Тушъ, на югъ ошъ Молук-
скихъ острововъ, спспавлена обширная земля, съ
названіемъ: «*Великая Ява,*» и очеркъ ея довольно по-
хожъ на сѣверный берегъ Авспрали.

Авспралія спспавалась однакожъ географическою за-
дачею до самаго 1606 года, когда Голландскій корабль
Дюйтенъ, опсправленный изъ Баншама для изслѣдо-
ванія Новой Гвиней, опспазналъ проптяженіе ея почти
на 300 лѣ, съ сѣвера на З. опъ пролива Торреса.
Все, что извѣстно изъ этого путешеспвія, заклю-
чается въ краткомъ извѣспіи, которое приводимъ
мы здѣсь буквально:

« Сія обширная земля найдена болъшею частію
« пуспынною, но въ нѣкоторыхъ мѣспгахъ видѣли
« однакожъ дикарей, чернокожихъ, свирѣпыхъ и же-

«спокыхъ, и они убили нѣсколько челоуѣкъ изъ
«экипажа. Опѣ нихъ ничего не могли узнатьъ, не
«могли даже доспашъ у нихъ воды и запасовъ, и
«недоспашки шого и другаго были причиною по-
«ворота корабля въ обратный пушъ. Мѣсно, опку-
«да вернулись Голландцы, названо ими мысомъ По-
«ворота (сар Кеер-Weer). »

Точно въ шомъ-же году, плавая по шѣмъ же мо-
рямъ, около Августа мѣсяца, Испанскій мореплава-
шель обозрѣлъ сѣверную часть Авспрали. Это
былъ Луизъ Воезъ де-Торресъ, второй начальникъ
экспедиции, находившейся подъ начальствомъ Фер-
нандеза де-Квироса. Мы уже говорили о неудачной
колонизации Испанцовъ на землѣ Св. Духа. Оспавивъ
еей оспровъ, Торресъ опспалъ опѣ своего Адми-
рала, и плылъ на З.—Въ Августѣ, подъ $11\frac{1}{2}^{\circ}$ широ-
ты Ю., напикнулся онъ на землю, кошорую почелъ
берегомъ Новой Гвиней, но, вѣроятно, это была та
земля, кошорую Бугеивиль назвалъ попомъ Новою Луи-
зіадою. Плывши около 300 льё подлѣ берега, Торресъ
достигнулъ проспраншва моря, усяяннаго оспров-
ками и мѣлями, среди кошорыхъ переходъ былъ весьма
запруднипелень. Около 11° ю. ш. Испанцы увидѣли
много большихъ оспрововъ, жипели коихъ были
черны, наги и сильны. Оружіе ихъ соспавляли
копья, спрѣлы и деревянные головолемы. Торресъ
набралъ до 20-ши дикарей разныхъ племень, что-
бы получить онѣ нихъ надлежащія свѣдѣнія. Около
двухъ мѣсяцовъ упошребилъ онъ для прохода про-
ливомъ, и попомъ опсправился къ С. Нѣтъ сомнѣнія,
что промѣзъ, о кошоромъ говоришь Торресъ, есть

поить самый, что нынѣ извѣстенъ подъ именемъ *Торресова*, а большіе острова, имъ упоминаемые, суть тѣ, которые находятся около мыса Юрка, и, можетъ быть, оспровомъ почтенъ былъ даже и сей мысъ, самый сѣверный уголъ Авспралиі. По всему, Торресу принадлежишь честь важнаго открытія, что великая Авспральная земля отдѣляется отъ Новой Гвиней, въ чемъ убѣдились только послѣ изслѣдованій Кука.

Голландецъ *Диркъ Гаттисъ*, Капитанъ корабля *Eendracht*, опозналъ, въ 1616 году, часть западной Авспралиі, и далъ видѣнному имъ берегу имя своего корабля. Это подтверждается мѣдною доскою, найденною въ 1697 и 1801 годахъ на одномъ изъ оспрововъ въ заливъ *Морскихъ собакъ* (*Chiens-Marins*, по Англійски заливъ *Аккуль*, *Shark's B.*). На ней написано было по Голландски: «1616 года, 25-го Октября былъ здѣсь корабль *Eendracht*, изъ Амстердама. Главный прикащикъ на немъ Жилмесь Мибахъ изъ Липпиша, а Капитанъ Диркъ Гаттисъ изъ Амстердама, и 27-го того-же мѣсяца онъ отправился онъ къ Боншаму. Субрекаргомъ былъ Жан-спинсъ, а первымъ кормчимъ Пешеръ Э. Давесъ Фонъ-Биль. Годъ 1616-й.»

Маерицъ, также Голландскій корабль, кажется, сдѣлалъ въ свой чередъ, въ 1616 году, нѣсколько открытій въ окрестностяхъ *Вильгельмовой рѣки* (*Willem's river*), хотя никакихъ досповѣрныхъ подробностей объ этомъ путешествіи мы не имѣемъ. Долго вѣрили, что нѣкто *Зичемъ* (*Zeachem*) въ томъ же году открылъ побережья *Аргейма* и

Фанъ Діемена, и въ послѣдствіи доказано, что ни одного путешественника сего имени не являлось между первоначальными изслѣдователями Новой Голландіи.

Ж. Фанъ Эдель, въ 1619 году, назвалъ своимъ именемъ часть берега, простирающагося на югъ отъ побережья Эндрашповскаго. Обширная мѣль *Houtman's Abrolgos* полагается открытою въ это-же время, если не самимъ Эделемъ, то однимъ изъ его современныхъ мореплавателей. Черезъ три года пономъ корабль *Левинъ* (Leeuwin) продолжилъ съ Ю. опознаніе извѣстнаго прежде берега. Въ 1623 году, Янъ Карстенсъ, начальникъ кораблей Пера и Арнгеймъ, былъ посланъ съ острова Амбоина обозрѣвать сѣверную оконечность Австраліи, все еще смѣшиваемую съ Новою Гвинеею. Онъ погибъ въ сей экспедиціи, убитый вмѣстѣ съ восьмью матрозами корабля Арнгейма отъ свирѣпыхъ туземцовъ. Но товарищи его продолжали назначеніе экспедиціи, и открыли побережье, получившее имена *Арнгейма* и *Шпульты*, послѣ чего корабли разлучились. Арнгеймъ взошелъ на Амбоинъ, а Пера плылъ еще около берега до рѣки *Штатовъ* (Staten-River), откуда пустился къ островамъ Молукскимъ. «Во всю эту экспедицію,» говоритъ рассказъ плавателей, «мы находили только мѣлководье, безплодные берега, острова, худо населенные различными варварскими, скопообразными и бѣдными народами, отъ копорыхъ Компаніи не льзя ожидать большихъ выгодъ.»

Въ 1627 году *Петръ Нутсъ*, на корабль *Gulde Zeeraard*, проплылъ около 1000 миль прощіянія

подъ южныхъ береговъ Авспралійскихъ. Журналъ путешествія его оспался неизданнымъ, но полагаи, что земли, имъ видѣнныя, находясь между 34—36° шир. южной, должныспивовали предспавлянь, подобно другимъ проспранспивамъ этого пояса земли, спраны обишаемыя, богашыя и плодородныя. — Черезъ годъ пономъ, Вишпъ назвалъ своимъ именемъ побережье, продолжающееся между 14—21° широты южной. — Кажется однакожь, что корабль *Vianen*, за немного мѣсяцовъ прежде, проплыль здѣсь около 200 миль, и по бесплодному и опасному берегу онозналь нѣсколько покрытыхъ зеленою мѣшью, занятыхъ варварскимъ народомъ чернаго цвѣта.

Въ 1629 году корабль *Батавія*, подъ начальствомъ Франциска Пельсарта, разбился на скалахъ Houtman's Abrolgos. Не найдя пунъ на оспровкахъ прѣсной воды, Капитанъ помоспилъ палубу на одной изъ своихъ шлюпокъ и спарался достигнуть материка съ частью своего экипажа. После пѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ усиліяхъ шягоспныхъ и бесплодныхъ, и после плаванія на 400 миль около береговъ, рѣшились опсправиться въ Батавія, откуда Пельсартъ возвратился на яхтѣ Сардамъ, забравъ людей, оспавленныхъ на мѣлахъ. Они успѣли между пѣмъ найдти прѣсную воду въ пуспопахъ ушесовъ, но ошискавъ средства сущеспвования, обуялись мыслями буйспва и неповиновения. Пельсартъ принужденъ былъ прибгнущъ къ спрогоспи, казнилъ нѣсколько зачинщиковъ и двухъ высадилъ на дикій берегъ Авспралиі.

Въ 1636 году *Герритъ Томасъ Поль* былъ отправленъ отъ оспрова Банда на яхпахъ *Klyn Amsterdam* и *Wezel* для той-же цѣли, съ какою прежде отправлялся Каршенсъ; но по странной случайности, подобно этому мореплавателю, онъ былъ также убитъ дикарями, и почши въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда погибъ Каршенсъ. Экспедиція продолжала путешествіе подъ начальствомъ Субрекарга *Петра Петерсена*. По причинѣ противныхъ вѣтровъ, не могли достигнуть западнаго побережья Карпентарійскаго залива, но осмошрѣли землю *Фанъ-Діемскую* въ семъ заливѣ, на протяженіи почши 120 миль. Голландцы ворошились, не воспрѣпившись съ жителями, хотя много разъ видали дымъ, выходившій изъ хижинъ.

Съ 1643 года *Тосманъ* открылъ самую южную часть земли, называемой нынѣ его именемъ, но онъ наименовалъ ее тогда землею *Фанъ Діемена*, хотя симъ именемъ называлась уже значительная часть берега въ сѣверѣ Австраліи. Тосманъ не зналъ, что его открытіе составляетъ отдѣльный отъ Австральнаго материка оспровъ. Почесъ, возданная имени *Фанъ-Діемена*, была слѣдствіемъ уваженія къ тогдашнему Генералъ-Губернатору оспрова Ява. Въ 1644 году Тосмана опять отправили для обозрѣнія Австраліи. На этотъ разъ тщательнѣе изслѣдовалъ онъ заливъ *Карпентарійскій* и земли *Аригейма* и Сѣверную *Фанъ-Діемена*. По несчастію, духъ торговаго мѣлочничества, управлявшій дѣйствіями компаніи Голландской, скрылъ въ глубокой тайнѣ всѣ извѣстія Тосмана. Что мы знаемъ объ

нихъ, по ограничивается немногими предположе-
 ниями. Извѣстно, что онъ имѣлъ довольно сношеній съ
 дикарями, и вопрь какъ говорится въ описаніи
 этого у Дальримпла: « Подъ южною широтою 13°
 « берегъ Австраліи безплоденъ; жилища большіе не-
 « годяи; они нападали на Голландцовъ, хотѣли имъ и
 « не подали къ тому причины. Мѣсто здѣсь весьма
 « заселено. Подъ 15° ю. ш. живутъ народъ дикій
 « и ходящъ нагія; никто не могъ понять путешникаго
 « языка. Подъ 17° нашли дикарей черныхъ, пагихъ
 « и курчавыхъ, злыхъ и жестокихъ, употребляю-
 « щихъ стрѣлы, луки, сагаи и дубины. Однажды
 « пришла ихъ цѣлая толпа, человекъ 50; вооружась
 « всячески, они раздѣлились надвое и хотѣли на-
 « пасть на Голландцовъ, которыхъ вышло на берегъ
 « 25 человекъ, но ружейные выстрѣлы разогнали
 « негодяевъ и обратили въ бѣгство. Дикари дѣла-
 « ютъ лодки корковые; берегъ опасенъ для кора-
 « блей; произрастаніе здѣсь бѣдно, и у жителей нѣтъ
 « домовъ. Подъ 20° ю. ш. дикарей найдено множе-
 « ство; они бросали камни въ шлюпки, посланныя
 « къ берегу, и зажгли по прибрежью большіе огни,
 « вѣроятно, для извѣщенія своихъ земляковъ о при-
 « бытіи чужеземцевъ. По видимому, всѣ эти люди
 « живутъ очень бѣдно, ходящъ нагіе и ѣдятъ инья-
 « мы и другіе корни.»

Впрочемъ, кажется, что послѣ путешествія Го-
 сманова, великій материкъ Австралійскій получилъ
 названіе *Новой Голландіи*, хотя прежде того обозна-
 чался онъ подъ именами « Великой Южной земли и
 « Австралійскихъ земель. » Названіе *Новой Голландіи*

долго существовало попомъ въ нашихъ Географіяхъ, но приличнѣе и лучше, кажется, замѣнить его *Австраліею*, что уже принято и утверждено Англичанами, и что употребляемъ мы здѣсь преимущественно передъ всѣмъ другимъ.

Въ 1688 и 1699 гг. Англичанинъ *Дампьеръ* осмотрѣлъ нѣкоторую часть береговъ С. З., и этому превосходному наблюдателю была одолжена Географія первыми подробными и вѣрными извѣстіями о земляхъ, до сего времени не совершенно вѣдомыхъ. Онъ описалъ многія изъ особенныхъ произведеній *Австраліи*. Видѣвши туземцовъ въ 1688 году, *Дампьеръ* описываетъ ихъ черными, нагими, съ курчавыми, руноподобными волосами, присовокупляя, что они носятъ посрединѣ шѣла опояску, на которой привѣшено бываетъ по клочку правы, либо по три, по четыре въски древесныхъ, служащихъ для прикрытія наготы. У всѣхъ дикарей, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, не доставало по два переднихъ зуба въ верхней челюсти; всѣ мужчины были безбородые. Когда Англичане вышли на берегъ, туземцы грозили имъ копьями и дубинами, но пушечный выстрѣлъ разогналъ нападчиковъ. Никакихъ лодокъ у туземцовъ не замѣтили, но видѣли ихъ впасть достигающихъ отъ одного острова къ другому.

Во второе путешествіе свое, въ 1699 году, *Дампьеръ* видѣлъ опять того-же поколѣнія дикарей, но не имѣлъ случая повѣрить замѣчаній своихъ о недостающихъ у каждого двухъ зубахъ. Одинъ изъ дикарей, казавшійся начальникомъ, имѣлъ вокругъ глазъ

обведенные известкою кружечки, и полоска бѣлая сходилла у него оппо лба до конца носа. Дикари не употребляли ни спрьѣлъ, ни луковъ, и Англичане думали, что у нихъ нѣтъ даже и хижинъ, ибо ни одной они не замѣтили. Прибрежье являлось песчанымъ и бесплоднымъ, съ весьма немногими распеніями. Прѣсной воды нигдѣ не найдено, и ее не могли добыть даже и раскапывая землю.

Въ 1696 году *Вильгельмъ Фламингъ* былъ отправленъ осмотрѣть западные берега Австраліи и особенно постарался отккрыть слѣды корабля *Ridderschap* (*Рыцарство*), копорый полагали погибшимъ шамъ въ 1684-мъ, или 1685 году. Въ концѣ Декабря Фламингъ остановился близъ острова *Роттенеста* (Крысыяго). Тутъ на берегу нашли при оставленные хижины, и 15, или 20 лѣ проплыли вверхъ по рѣкѣ, названной рѣкою *Черныхъ Лебедей* (*Black Swans River*). Въ первый разъ узнали тогда эшихъ пнищъ Австральныхъ, и пару ихъ вывезли въ Батавію. Продолжая обзоръ береговъ, 23-го Января 1697 года Голландцы замѣтили двухъ дикарей, идущихъ по прибрежью, но ничего не могли объ нихъ сказать, кромѣ того, что они были черны, наги и росла обыкновеннаго. Февраля 3-го, при входѣ въ заливъ *Морскихъ Собакъ*, увидѣли надпись, оставленную здѣсь *Диркъ-Гапихсомъ*. Фламингъ снова утвердилъ ее въ дерево, прибавивши къ этому другую о своемъ путешествіи. За тѣмъ просперъ онъ изслѣдованія до залива, лежащаго за мысомъ *С. З.*, назвавши сей заливъ *Вильгельмовою Рѣкою* (*Wilhem's River*). Наконецъ, 21-го отправился онъ

въ Бапавіа, обозрѣвши пропѣженіе береговъ почти на 200 льѣ.

Извѣстія всѣхъ мореплавателей, какъ объ этнологіи Ново-Голландской, такъ и о произведеніяхъ тамошней природы были не такъовы, чтобы, могли возбудить корысполубіе, или любопытство Европейцевъ. Поэтому надолго забыта была въ началѣ XVIII вѣка Новая Голландія. Предѣлы ея къ В. оспавались неизвѣстными. Бугенвиль, въ 1769 году, открывъ, правда, многія изъ мѣлей, сюда прилежащихъ, но опасность плаванія отвлекла его отъ чести быть первымъ изъ Географовъ восточной Австраліи.

Чести эта была предоснавлена славному Куку, спяжавшему уже сколько знаменитости другими подвигами. Въ 1770 году устремился онъ здѣсь къ Австралійской землѣ подлѣ мыса Гоу (Howe), и не упускалъ ее изъ вида до мыса Юрка, составляющаго крайнюю сѣверную точку восточной стороны материка. Одного такого обширнаго изслѣдованія доспадно-бъ было поставивъ имя Англійскаго Капитана въ число именъ оплитѣйшихъ мореплавателей, особливо, если сообразить множество опасностей, какимъ подвергался здѣсь Кукъ, имѣя уже съ собой запасы собранныхъ имъ драгоценныхъ свѣдѣній о другихъ Океанійскихъ видѣнныхъ имъ земляхъ. Страшное бѣдствіе постигло Англичанъ, особенно въ ночь съ 10-го на 11-е Августа 1770 года, пропивъ мыса, получившаго названіе *Tribulation*. Тутъ корабль Кука попалъ внезапно на коралловые утесы, образующіе продолжительную цѣпь подлѣ береговъ.

Волны били его въ этомъ положеніи, опдирали у него обшивку, и Кукъ не полагалъ уже возможнымъ спасеніе въ своемъ опчаянномъ положеніи. Однакожь, послѣ 12-ти часовъ, проведенныхъ между жизнью и смертью, сбросивши въ море для облегченія пушки, запасы, грузъ, Англичане снялись съ утеса и достигли до ближайшаго залива, подлѣ рѣки, названной именемъ Кукова корабля, Endeavour. Принявшись здѣсь за починку, съ ужасомъ усмотрѣли, какая страшная беда грозила кораблю. Между проломами отъ утеса, не только въ обшивкѣ, но и въ самой основѣ корабля былъ одинъ споль обширный, что корабль долженъ былъ неминуемо пошлупать отъ него въ одно мгновеніе, какъ-бы ни опливались плавали. Чуднымъ опредѣленіемъ Божіимъ послѣдовало спасеніе. Кусокъ утеса, сдѣлавшій гибельную скважину, переломился, оспался въ ней, задвинулъ ее собою, и этому обязаны были избавленіемъ. Безъ такого неслыханнаго случая, Кукъ и всѣ его спутники непременно погибли-бы безъ возврата. Но оспавъ мѣсно своего приспанища, безспашный Капитанъ полагалъ еще свой подвигъ неконченнымъ, прошелъ проливомъ Торреса, и разспался съ Новою Голландією только послѣ очерка пропшенія береговъ ея на шесть сотъ льѣ. Помогая географическимъ изслѣдованіямъ Кука, естествоиспытатели Банксъ и Соландеръ собрали драгоценныя и достоверныя свѣдѣнія о природѣ земель Авспралійскихъ и ихъ произведеніяхъ.

Послѣ плаванія Кука, весь очеркъ береговъ Авспралиі былъ уже извѣстенъ. Увидѣли, что это обшир-

нѣйшій островъ, и надлежало рѣшительно отка-
заться отъ столь долго льстившей Географамъ
мечты о материкѣ Австральномъ, буди-бы не-
обходимомъ для равновѣсія материка сѣверному. Но
все собранныя о семъ великомъ островѣ свѣдѣнія
были еще далеко неполны и неопредѣленны, даже
часто въ географическомъ и мореходномъ отношеніи.
Новыя изслѣдованія подробностей являлись необхо-
димыми; и они были совершены послѣдовательно
Англійскимъ и Французскимъ правительствомъ.

Мы упомянемъ здѣсь только о *Сентъ-Алмуарнѣ*,
который на корабль *gros-ventre*, въ 1772 году
осмотрѣлъ нѣкоторыя части западнаго берега, но
не оказалъ значительныхъ успѣховъ; *Маклуеръ*, въ
1791 году изслѣдовавъ часть сѣвернаго при-
брежья, и наконецъ о *Блѣ*, *Эдуардѣ*, *Першлукѣ*,
прибавившихъ въ 1789, 1791 и 1798 годахъ полез-
ныя дополненія къ извѣстному прежде о *Торресовомъ*
проливѣ. Послѣднимъ отъ сихъ путешествен-
никовъ перейдемъ къ *Ванкуверу*, открывшему въ
1791 году превосходный заливъ Короля Георгія и
съ замѣчательною точностію обозначившему не-
большое пространство прилежащихъ къ нему бе-
реговъ. Жителей въ Георгіевскомъ заливѣ онъ не
видалъ, но замѣтилъ множество слѣдовъ ихъ пре-
быванія.—На слѣдующій годъ, *Дантркасто* осмотрѣлъ
весьма большое протяженіе береговъ въ этой-же
спиронѣ, и опредѣлилъ ихъ положеніе съ большою
точностію.

Хирургъ *Бассъ*, на простой шлюпкѣ, поплылъ въ
1797 году по проливу, отдѣляющему Австралію

опѣ Тасманіи, получившему послѣ сего имя *Бассова*. Въ 1800 году *Грантъ* обозначилъ побережье на 120 льѣ, до тѣхъ поръ никѣмъ не видѣнное, къ С. З. опѣ мыса Опвая. *Боденъ* и *Флиндеръ*, первый со стороны Франціи, другой со стороны Англіи, въ 1801 и 1802 гг., подробно осмопрѣли каждый свой участокъ, одинъ на западномъ, другой на южномъ берегу. Описанія сихъ обоихъ путешествій распространяли въ Европѣ множеству важнѣйшихъ свѣдѣній о великомъ островѣ Австралійскомъ, споль мало дополъ вѣдомомъ. Естествоиспытатели *Перонъ* и *Броунъ* пояснили здѣсь множеству задачъ геогнозій и естествознанія.

Позднѣ ихъ, въ шеченіе пяти льнѣ, съ 1818-го по 1823 годъ, Капитанъ *Кингъ* дополнилъ подробное опознаніе сѣверной части Австраліи. Находясь на судахъ небольшого размѣра, немного захватывавшихъ воды, онъ могъ постоянно держаться между утесами и берегомъ, проникая такимъ образомъ въ множество заливовъ, куда его предшественники не смѣли и подумашъ двинуться съ своими большими кораблями. Трудъ Кинга навсегда останенся образцомъ точности и шертвнѣя, и, конечно, долго пройдепъ, пока успѣюшъ прибавипъ еще что нибудъ къ тому, что онъ изслѣдовалъ. Естествоиспытателю *Куннингаму*, бывшему при экспедиціи Кинговой, мы обязаны полношю и богатствомъ Флоры и Фауны осмопрѣнныхъ въ это время побережьевъ.

Наконецъ надобно еще вспомнить о Капитанахъ *Фрейсингъ* и *Дюмонъ Дюрвиль*. Первый, въ 1818 году, собралъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній о заливѣ

Морскихъ Собакъ. Впорой, въ 1821 году, осмопрѣль заливъ Короля Георгія, Западный поршь и заливъ Джервиса. Всюду имѣлъ онъ дружескія сношенія съ дикарями, и могъ замѣнить, что Джервисскіе пуземцы были сильнѣе и складнѣе другихъ Авспралийцовъ. Разумнѣемъ казались они превосходнѣе земляковъ своихъ, обитающихъ при заливѣ Георгіевскомъ, и Французы могли только похвалиться ихъ честностью, кропосью и оспорожностью въ поведеніи. У нихъ видѣли лодку. Шалаши ихъ были устроены изъ длинныхъ полосъ коры, соединенныхъ къ верху и покрытыхъ лисьями восперы; они казались опрясны и пакъ просшорны, что въ каждомъ могло помѣститься отъ восьми до десяти человекъ. Наконецъ Французы замѣтили на прибрежныхъ утесахъ начертанія кораблей и шлюнокъ, весьма порядочныя.

Если весь периметръ Авспраліи нынѣ уже хорошо осмопрѣнь и извѣстенъ, за то, касательно исправныхъ и сколько нибудь обширныхъ свѣдѣній о внутренности его, можемъ мы указать только на изслѣдованія по южному побережью, куда какъ будто сосредоточились все усилія путешественниковъ. Заведенія Англичанъ по берегамъ побуждали ихъ къ изслѣдованію внутреннихъ областей. Это изслѣдованіе показало, что великій Авспральный островъ, если и представляется онъ наиболѣе дикимъ и безплоднымъ по побережью, за то, когда проникающъ въ него далѣе, являетъ земли плодотворныя, способныя ко многимъ родамъ воздѣлки, и

особенно обширныя и превосходныя пажити для живошныхъ всякаго рода.

Свойства земной поверхности не представляли никакого препятствія колонистамъ для изслѣдованій до подошвы горной цѣпи, которая названа *Синими горами*. Не высота горъ полагала здѣсь препятствіе, ибо самыя возвышенныя вершины ихъ не болѣе 400 футовъ, но каждый разъ, когда хотѣли перейти черезъ верхи горъ, слѣдуя болѣе или менѣе проходимыми ущельями и долинами, встрѣчали всегда, на нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, безконечныя, опшѣсныя, природою образованныя сѣтны, кончащіяся пиками и недоступныя для восхода на нихъ. Это остановило предпріятія Басса, Калея, Бавальера, которые принуждены были, послѣ неслыханныхъ усилій и жестокихъ трудностей, отказывавшся отъ надежды перейти за Синія горы. Мнѣніе, что онѣ непроходимы, мало по малу утвердилось между колонистами, и еще шѣмъ болѣе, что Австралійцы самыя не могли указать Англичанамъ ни одного мѣста, гдѣ можно-бъ было пробраться во внутреннія обласпи.

Наконецъ, въ 1813 году, страшная засуха поразила колонию. Травы погорѣли до самой цѣпи горъ по всему побережью, воды высохли, источники ихъ изсякли, скотъ погибалъ повсюду. Тогда при ошважные колониста *Блаксландъ*, *Вентвортъ* и *Лаусонъ* рѣшились поыыпаться на изслѣдованіе, не найдется-ли какихъ нибудь пособій за Синими горами. По счастливой нечаянной мысли, вмѣсто того, чпобы блуждать въ ущельяхъ и проходахъ горъ,

они рѣшились постоянно слѣдовать по ихъ вершинамъ. Послѣ множества изворотовъ, заспаивавшихъ ихъ не однажды приходивъ на прежнія мѣста, откуда пошли, они увидѣли наконецъ себя на западной оконечности горной цѣпи, миляхъ въ 25-ти на З. отъ рѣки Непинъ. Можно вообразить себѣ ихъ радость, когда передъ ними открылась великолѣпная долина, орошенная водою и покрытая прами! Инженеръ колоній, В. Эвенсъ, идя по слѣдамъ спранснвовашелей, вскорѣ открылъ долины *Батурста* и протекающія черезъ нихъ рѣки *Маккари* и *Лачланъ* (Lachlan). На слѣдующій годъ уже проложена была здѣсь черезъ горы дорога, и нынѣ быстрыя и свободныя сообщенія существуютъ между побережьемъ и внутренними спранами.

Въ 1817 году, *Окслей* и *Куннингамъ*, слѣдуя теченіемъ Лачлана, копорую долго считали протокомъ Маккари, увидѣли, что сія рѣка протекаетъ значительное протяженіе береговъ и слегка-холмистыхъ долинъ, не сливаясь ни съ какимъ другимъ замѣчательнымъ теченіемъ воды. Земля показывала здѣсь явные признаки наводненія въ дождливое время. Почти въ 400 миляхъ внутрь земли окончилось продолжительное и драгоцѣнное изслѣдованіе. Путешественники увидѣли себя наконецъ остановленными непроходимымъ болотомъ.

На слѣдующій годъ *Окслей* рѣшился на обзорнѣе рѣки Маккари, но едва прошедши на С. З. за горою Гарриса (соевющею подлѣ берега и возвышенною надъ долинами Фушовъ на 200) протспранснво лѣ 50-ти, онъ увидѣлъ сію рѣку теряющуюся въ

безконечныхъ боломахъ, образующихъ какъ будто родъ внутренняго моря. Окслей повернулъ на В., и достигая берега при гавани Маккари, открылъ богатые и живописныя долины Ливерпульскія.

Послѣ сихъ различныхъ и драгоцѣнныхъ изслѣдованій, вниманіе колонистовъ обратилось къ югу отъ Англійскихъ заселеній. Осмотрѣли Арджиль и открыли новую рѣку, текущую во внутреннюю область. Дикари называли эту рѣку *Моррумбиджи*. Въ 1823 году одинъ изъ морскихъ офицеровъ дошелъ по сей рѣкѣ почти до ея источниковъ, въ обширныхъ пажитяхъ, которыя назвалъ онѣ долинами *Брисбана* (Brisbane-Downs). Тогда утвердили, что черта раздѣленія водъ, текущихъ къ З. и къ В., должна находиться въ цѣпи *Синихъ горъ*, во все протяженіе Новаго Валлиса на югъ, а далѣе отъ юга въ цѣпи *горъ Варрагонгскихъ*, непрерывно продолжающихся по видимому до полуострова Вильсонова.

Въ концѣ 1824 года, два смѣлые путешественника, *Говелль* и *Гюмз*, отправились сухимъ путемъ отъ Арджильскаго Георгіевскаго озера до побережья къ гавани Филиппа, что въ Бассовомъ проливѣ. Это затруднительное странствованіе много прибавило къ познанію южной Австраліи. Земли, видѣнныя путешественниками, не рѣдко гористыя, представляли имъ плодородныя пространства и превосходныя пажити. При возвращеніи взято было направленіе болѣе на З. и найдена поверхность болѣе ровная и почти холмистая. Открыты разныя теченія водъ, изъ коихъ главныя названы *Гюмовымъ*, *Овено-*

вымъ, Гоульбурновымъ; всѣ они направлены уже внутрь Австраліи.

Куннингамъ нѣсколькими походами въ окрестностяхъ Ливернуля прибавившій разныя подробности къ извѣстному прежде, въ 1827 году былъ офиціально назначенъ въ посылку важнѣйшую. Надлежало осмотрѣть всю землю между рѣкою Гуншера и заливомъ Моретонскимъ, проникнувъ до значительнаго разстоянія во внутреннюю область. Осправясь 30-го Апрѣля отъ береговъ Гуншера, Куннингамъ прошелъ цѣбую горъ, возвышенныхъ здѣсь почти на 3000 фузовъ, и продолжалъ путь черезъ высокую землю, прилежащую къ Ливерпульскимъ долинамъ съ востока. Подъ 30° широты онъ слѣдовалъ около 16 миль зеленѣющею, тучною долиною, и потомъ увидѣлъ себя на берегахъ довольно значительной рѣки, названной имъ *Пилелою* (Peel). Ея русло было не менѣе 120 фузовъ въ ширину, и масса воды должна была составлять не менѣе 12—15 фузовъ глубины. Отъ засухи эта рѣка являлась тогда небольшимъ ручьемъ, и ее легко можно было перейти въ бродъ. Тутъ замѣтили слѣды кочевья дикарей. Подъ 29° широты появились обширныя долины, гдѣ на неозримомъ пространствѣ не было видно ни одного дыма, который бы обличалъ-бы здѣсь пребываніе человека. Русло значительнаго теченія воды рѣки *Думеранга* было перейдено, и здѣсь оказалось нѣсколько глубокихъ водныхъ лагуновъ, не смотря на стоявшую тогда засуху.

Находясь путь въ 50 льѣ отъ моря, Куннингамъ направился къ С. В., съ намѣреніемъ достигнуть

приморьевъ. Дорога вначалѣ шла по спранѣ чрезъ
вычайно безплодной, до того, что лошадамъ едва
могли находить немного травы. Такъ продолжалось
однакожь только до 28°, гдѣ открылись долины
Дарлингвы и Пилевы, болѣе обильное и болѣе спо-
собное къ обитанію пространствъ земель. Юня
16-го Куннингамъ былъ почти въ 20 лѣ отъ Мо-
репонскаго залива, но состояніе лошадей застави-
ло его повернуть обратно. Направляясь болѣе къ В.,
онъ слѣдовалъ по дорогѣ гораздо затруднительнѣе
прежней, чрезъ гористыя и утесистыя простран-
ства, основаніемъ коихъ былъ весьма крѣпкій гра-
нитъ, гдѣ много встрѣчалось кварцу. Путешест-
венники снова перешли Думерангъ, 50-ю милями
ближе прежняго къ его источникамъ, и барометри-
ческія наблюденія показывали здѣсь возвышеніе
земли на 900 футовъ надъ поверхностью моря. Да-
лѣе перейдена была еще рѣка значительная, назван-
ная *Гейдеръ* и образуемая соединеніемъ Пилевой съ
другою, названною *Гортоновою*. Потомъ близко
слѣдовали къ цѣпи горъ *Гарквикскихъ*, основу коихъ
составляли красноватый гранитъ, съ разсыянными
въ немъ обломками фельдшпата. Тупыя нѣкоторыя
оспроконечныя вершины, какъ будто чепыресто-
роннія башни, должнышву ютъ простираются, по ви-
димому, на 500 и 600 фузовъ вышины. Отсюда,
послѣ множесва частныхъ наблюденій, которыя
долго надлежало-бы изчислять, Куннингамъ прибылъ
къ берегамъ Гунпера, послѣ 13-ти недѣль отсут-
ствія, перейдя въ это время около 1800 миль по
внутреннимъ землямъ, дошолъ вовсе неизвѣстнымъ.

На слѣдующій годъ Куннингамъ отправился снова. Съ Морепонскаго приморья могъ онъ достигнуть, черезъ горную цѣпь, шой самой почки, гдѣ остановился въ прежнемъ спранспивованіи, и здѣсь увидѣлъ онъ, что удобное сообщеніе могло бытъ устанавлено между обильными высопами Дарлингскими и заселеніемъ въ Морепонскомъ заливѣ. Это было важное обстоятельство для преуспѣянія памошней колоніи. Потомъ взошелъ онъ по рѣкѣ Брисбановой до того мѣста, гдѣ она являеица уже малымъ ручьемъ, образующимъ въ разныхъ мѣстахъ болопа. Почти тогда было уже доказано, что эта рѣка просто береть свое начало на западной сторонѣ приморскихъ горъ, когда прежде предполагали, напротивъ, долгое время, что она образуеица устье рѣки Маккари, и что сія послѣдняя, выходя изъ поглотившихъ ее болопъ, вновь начинаеица теченіе уже на С. В. и впадаетъ въ заливъ Морепонскій. Но все это надлежало положишельнѣе доказать двумя прудными и обильными на выводы путешествіями отважнаго Капитана *Стурта*.

Онъ спранспивовалъ почти въ тоже время, когда Куннингамъ обзрѣвалъ окрестности залива Морепонскаго. Но три года колоніи спрадали тогда онъ ужасной засухи, и можно было предполагать, что болопа, преградившія путь Окслею, были уничтожены ею и сдѣлались проходимы. Декабря 20-го 1827 года, находясь на вершинахъ горы Гарриса и осматривая оисюда долины, Спуртъ съ радостью и изумленіемъ замѣнилъ, что дѣйствительно обширныхъ споячихъ водъ, видѣнныхъ его предше-

сственникомъ, уже нѣтъ болѣе, и что на ихъ мѣстѣ простирается зеленая площадь ровной земли, безъ малѣйшаго возвышенія. Спуртъ перешелъ сію великую долину, распреснутую въ разныхъ мѣстахъ, и за 50 миль далѣе, русло Маккари, до тѣхъ поръ невидимое, появилось снова въ небольшой рѣчкѣ, соединяющей воды свои съ печеніемъ рѣки *Кастлерига*, открытой немного далѣе на сѣверъ.

Спуртъ продолжалъ свои изслѣдованія въ С. З. направленіи опъ безконечныхъ долинъ, гдѣ неоднократно спутники его и самъ онъ спрадали опъ недоспашка воды. Едва въ иныхъ мѣстахъ нѣкоторыя возвышенности прерывали однообразіе сихъ неблагоприятныхъ странъ. Небольшое печеніе водъ, по которому шли спутники, довело наконецъ до русла обширной рѣки, названной *Дарлинговой*, и взглядъ на нее возбудилъ большія надежды. Это было подъ 30° широты и почти въ 150 льѣ опъ восточнаго приморья. Но величайшее разочарованіе ожидало спутниковъ — они увидѣли, что въ Дарлингъ вода соленая! Почти на 40 миль слѣдовали они ея печеніемъ, по направленію къ Ю. З., и не находили никакой перемѣны въ рѣчныхъ водахъ. Ширину рѣчнаго русла въ томъ мѣстѣ, гдѣ вышли къ нему, можно было положить въ 30 фузовъ, а возвышеніе береговъ опъ 30-ши до 40 фузовъ. Наконецъ недоспашокъ воды для пища, безплодіе земли и недоспашокъ запасовъ рѣшили Спуртъ и его товарищей поворотивъ обратно. Мѣсто, гдѣ они оставили печеніе Дарлинга, находилось подъ 30° 16' ш. Ю. и 144° 50' д. в.

Во все время путешествія, съ дикарями были многія и ежедневныя сношенія. Сшуршъ полагаетъ до 250-ти число видѣнныхъ и наблюденныхъ имъ туземцовъ. Поведеніе ихъ было дружеское, и они оказывали Англичанамъ услуги. Вирочемъ, вопъ общій очеркъ Сшурша о сихъ опдаленныхъ земляхъ: «Дурныя свойства воды, копорую употребляютъ бродячіе здѣсь дикари, причиняетъ имъ накожныя болѣзни, опъ копорыхъ они быспро погибаютъ. Пшицы, видимыя на деревьяхъ, какъ будшо съ шрудомъ влачатъ здѣсь бышіе въ воздухъ густомъ и знойномъ. Дикая собака, или *динго*, влачнся здѣсь медленно, и слабосъ ея мѣшатъ ей даже убѣгать опъ приближенія людей. Мѣкое произраспаніе стараешъ совершенно, и самыя деревья шаютъ медлительно, по причинѣ проникновенія зноа до самой глубины ихъ корней. Многіе изъ нашей экспедиціи получили глазную болѣзнь опъ опраженія солнца на долипахъ. Термометръ въ пѣни (100-градусный) показывалъ 50° въ шри часа по полудни и 30° при захожденіи солнца.»

Важныя извѣстія Сшурша о сшранахъ, лежащихъ къ С. З. опъ колоній, рѣшили правительсшво опправитъ его на Ю. З., для изслѣдованій по пшенію Моррумбиджи. Все шогда извѣстное о сей рѣкъ состояло въ томъ, что получивъ начало въ западной части Варрагонгскихъ горъ, въ области Муррайской, миляхъ въ 80-ти опъ воспочнаго приморья, она принимаетъ въ себя сначала много незначительныхъ пошочковъ, и пошомъ слѣдуетъ на З. болѣе, нежели на 300 миль, образуя множесшво извилинъ, но ни съ чѣмъ

не сливаясь. Рѣка Лачланъ представляла почти такой-же характеръ, находясь лѣ въ 30, или 40 къ северу, и легко поняшь, по чему долины, находящіяся между сими двумя теченіями водными, представляють почти вообще зрѣлище безплодія.

Въ Декабрѣ 1829 года Спуртъ приступилъ къ своимъ новымъ изслѣдованіямъ. Онъ пошелъ правымъ берегомъ Моррумбиджи, пока миновалъ всѣ быстрины и перемычки, могущія препятствовать плаванію по ней. Тутъ, почти на ровномъ разстояніи отъ морскихъ береговъ на воспокъ, западъ и югъ, онъ установилъ родъ шатора, спустилъ на воду лодку, привезенную сухимъ путемъ изъ Сиднея, и успѣлъ поспроить еще другую лодку. Мѣсто шатора было около 27 миль отъ того, гдѣ Окслей видѣлъ исчезновеніе рѣки Лачланъ въ обширныхъ болошахъ. Спуртъ нашелъ русло Лачлана, входящее въ Моррумбиджи, миляхъ въ 12-ти отъ своего становища. Тамъ и здѣсь по рѣкѣ были перемычки мѣлей, производившія водопады и быстрины, опасныя для плаванія. Наконецъ, послѣ 90 миль плаванія черезъ однообразную, ровную землю, Января 7-го 1830 года, Спуртъ достигъ конца теченія Моррумбиджи — она вливалась здѣсь въ прекрасную рѣку. Эта рѣка текла далѣе по широкому въ 400 футовъ руслу, съ быстрой 2½ миль въ часъ. Ее называли рѣкою *Муррай*, и все заставляло полагать, что ее составляло сліяніе рѣкъ Гюмовой, Гоумбургеновой и Овеновой, открытыхъ Говелемъ и Гюмомъ въ 1824 году.

Послѣ 9-ти дней плаванія по теченію Муррай, въ

продолженіе коихъ миновали около 100 миль на З., не видя никакой перемѣны въ однообразной и печальной спранѣ по берегамъ, экспедиція неожиданно увидѣла рѣку, протекавшую отъ С. В., и не меньшую объемомъ самого Муррая. Капитанъ Никольсъ плылъ къ верху ея на нѣсколько миль, и нашелъ, что ширина русла расширяется до 50-ти футовъ. Берега, населенные дикарями, казались красивѣе Муррайскихъ. Глубина рѣки доходила до 11-ти футовъ; вода была въ ней мутная, но совершенно прѣсная. Спуршъ не колебался утвердить, что эта рѣка *Дарлингъ*, открывая имъ въ прошломъ году. Но шуръ слѣдуетъ еще изяснить, почему же соленая вода Дарлинга сдѣлалась здѣсь совершенно прѣсными?

Принявши въ себя Дарлингъ, какъ полагаетъ Спуршъ, въ 20, или 25 миль далѣе на З., Муррай увеличивается еще довольно значительнымъ впаденіемъ съ юга, который назвали рѣкою *Линдсея*, хотя она кажется та самая, что Гюмъ и Говелль называли Гоульбурновою. Пошомъ земля вдругъ измѣняетъ видъ и дѣлается гористаю. Северное побережье рѣки образуетъ высокія спремнины, отчасти казущіяся волканическими. За ними другія горы, известковыя, выпягивающія вдоль по прибрежью опивѣнными спѣнами, въ 200 футовъ вышины, и въ нихъ можно видѣть множество коралловъ и ископаемыхъ роковинъ. Наконецъ, 3-го Февраля, послѣ долгаго и шруднаго плаванія, находясь почти подъ 137° 25', путешественники вдругъ замѣтили измѣненіе въ Мурраѣ: рѣка повертывается

здѣсь онъ С. къ Ю.; воды ея, глубокія, мушныя и пихія, пекутъ въ извилинахъ береговъ, и лёдъ въ 30-ти послѣ обороша на югъ, вливаются въ обширное, соленое озеро, названное *Александритскимъ*. Это обширѣйшій водоемъ. Спуртъ полагаетъ его не менѣе 50 миль въ длину и 30—40 миль въ ширину. На самой срединѣ своей озеро это не глубже 4-хъ футовъ, слѣдственно, собственно говоря, составляетъ оно большое соленое болото, сообщающееся плучиснымъ пропотокомъ съ заливомъ Encounter.

Съ вершины нѣкоторыхъ песчаныхъ прибрежьевъ Спуртъ могъ видѣть внизу море и снятъ положеніе мыса Джервисова. На берегахъ озера замѣтили шюленей, а на южномъ берегу, издали, нѣсколько дикарей, вооруженныхъ и расписанныхъ красками, что не показывало пріязненныхъ намѣреній съ ихъ стороны. Дикари не показали ни малѣйшаго желанія приблизиться къ Англичанамъ. Можно-бы сказать, что они были на спорожъ онъ эшихъ посылителей. Спуртъ опправился обратно и прибылъ прежнею дорогою со всѣми товарищами къ мѣсту своего пабора.—Такимъ образомъ онъ былъ первый изъ прошедшихъ Авспралію онъ одного берега до другаго, правда, неполнѣ, ни въ ширину, ни въ длину, но доспапочно однакожъ для опкрытія пуши другимъ изслѣдователямъ и для рѣшенія важной проблемы о гидрографической системѣ обширной страны Авспралійской.

Въ началѣ 1832 года, Маіоръ *Митчелль* также опправился для изслѣдованія земель къ С. З. — Хотѣли узнать и повѣрить, что было досновѣрнаго

въ извѣстїи одного бѣглеца, который нѣтъ лѣтъ прожилъ съ внутренними дикарями и принялъ всѣ ихъ обычаи. Этого бѣгльца, по имени *Барберъ*, былъ захваченъ опрядомъ конной полиціи, и вопреки чпо собственно узнали отъ него:

Два раза, говорилъ Барберъ, проходилъ я всю Австралію въ С. З. направленіи, слѣдуя теченіемъ рѣки, выходящей изъ западной оплогости горной цѣпи, ограничивающей долины Ливерпульскія. Эта рѣка течетъ сначала по широкому и глубокому руслу, на нѣсколько сотъ миль, безъ всякаго препятствія, а потомъ вливается въ озеро, весьма обширное, сообщенія котораго съ Океаномъ онъ Барберъ не могъ замѣтить. Дикари сказывали однакожь, что отъ времени до времени являющіяся плуны какіе-то *чужеземцы* и рубящія по берегамъ *пахучее дерево*, увозя его весьма большое количество. Эти чужеземцы, которыхъ дикари весьма боялись, вооружены бывающъ двумя копьями, большимъ и маленькимъ, но бросаютъ въ непріятеля только маленькое. Безъ сомнѣнія, этимъ хотѣли дикари изъяснить, что у чужеземцевъ, о которыхъ говорили они, есть копья и стрѣлы. Они приплываютъ, продолжали дикари, въ деревянныхъ лодкахъ, когда лодки всѣхъ Австралійцевъ, напротивъ, дѣлаются корковыми. Одежду чужеземцевъ составляетъ родъ рубашки съ рукавами до локтей и шаровары до коленъ. Всѣ эти подробності походили на описаніе одежды Малайцевъ. Къ рассказамъ дикарей Барберъ присовокупилъ отъ себя, что онъ видѣлъ ннн деревъ, явно срубленныхъ топоромъ, а у одного изъ дикарей еще свѣжи были

рубцы отъ раны, нанесенной маленькимъ мешапелънымъ копьемъ, которое чужеземцы бросаютъ чрезвычайно мылко.

Экспедиція Маіора Мишчелля продолжалась около чепырехъ мѣсяцовъ. Пошперя частпи запасовъ и погибель двухъ изъ людей, измѣнически убишыхъ дикарями, воспрепятствовали Мишчеллю продолжити изслѣдованіа столь далеко, сколько-бы хотѣлось ему. Новыхъ открытій не сдѣлано, и только снова осмотрѣны шеченія воды, которыя прежде обозрѣвалъ Куннингамъ, рѣки Гюркъ, Гвидеръ и Думерангъ или *Караула*, при чемъ найдено, что дѣйствительно онѣ суть только протоки, присоединяющіеся къ рѣкѣ Дарлингъ.

Дикари на берегахъ Караулы не покушались открыто напасть на караванъ Мишчелля, но спарались подстеречь его внезапно, по преслѣдуя сзади, по идя съ нимъ рядомъ, шолною, человекъ по сошнѣ. Изъ этого выходило, что Англичане должны были безпрерывно осперегаться и каждый иочлегъ выбирать въ мѣстахъ естественнo укрѣпленныхъ, чтобы защититься отъ ночныхъ нападений. Ночью были убишы два Англичанина, когда они вели къ спановищу скошину и снаряды.

Самое дальнее разстояніе, какого достигли на западномъ берегу, было миляхъ въ 120-ши, подѣ 32° ш. ю.—Земля здѣсь въ красивыхъ неровностяхъ, плодородна по наружности, хорошо орошена и повсюду обильна обширными пажитями. Въ половинѣ дороги увидѣли красивую рѣку, которую называли *Леонъ*; она течетъ отъ Ю. къ С., и шеченіе ея

было осмопрѣно миль на 30-ть. На ея берегахъ, подѣ огромнымъ гранишнымъ утесомъ, Даль ошкрылъ обширную пещеру; круглый сводъ ея можно было почесѣ произведеніемъ искуства. « На одной изъ стѣнъ пещеры, » говоришь Даль, « было грубо изображено что-то въ родѣ солнца: кругъ, около 18-ти дюймовъ въ поперечникъ, съ лучами въ лѣвую сторону и съ фигурами въ срединѣ, линіями, пересѣкавшими одна другую подѣ прямыми углами. Подлѣ видны были изображенія руки и множесѣва кишпей руки. » Только прехъ дикарей вспрѣпили по печенію Авона, казавшихся ласковыми и гошовыми услуживъ, но кромѣ шого замѣпили слѣды еще многихъ.

Лейшенантъ Рое шелъ сухимъ путемъ отъ колоніи на Лебяжьей рѣкѣ къ порту Короля Георгія, придерживаясь въ 60 или 70 миляхъ отъ береговъ, ошдѣляемый отъ нихъ цѣпью горъ Дарлингскихъ, проиянушою на всемъ эшомъ проспранспивъ. Горы сіи гранишнаго основанія; средняя вышина ихъ около 1000 фушовъ, но оспроконечная вершина передѣ гаванью Георгіевскою не болѣе 550 фушовъ. За горами разспилается, почти на 80 лѣ, спрана слегка волнистая, съ зелеными долинами и превосходными пажипями, орошаемая множесѣвомъ ручьевъ и пошюковъ. Никакой значишельной рѣки здѣсь не вспрѣпилось; самыя большія печенія водъ не шире 15—20 шуазовъ.

Наконецъ докторъ Вильсонъ недавно осмопрѣлъ внушрѣннія земли около залива Георгіевскаго, на разспяніи миль около сша. Онъ могъ удосшовѣ-

ринься, что *рѣка Французовъ* дѣйствительно беретъ свое начало подлѣ высокихъ разспресснувшихся горъ, находящихся къ сѣверу отъ гавани, и что все ея теченіе можно положить въ 30, или 40 миль. Въ 45 миляхъ отъ моря, Вильсонъ видѣлъ озеро *Катарина*, обильное черными лебедями и другими водяными птицами. Далѣе открыты рѣки *Слиманъ*, *Гай*, *Денмаркъ*, всѣ при впадающія въ лагуны, за горою *Гиллеръ*, пробѣжавъ пространство отъ 30-ти до 40 миль. Можно было замѣтить, что земля нунъ вообще плодородна и съ большимъ успѣхомъ можетъ быть обрабатываема.

Этимъ заключились до нынѣ всѣ внутреннія изслѣдованія обширнаго Австралійскаго материка. Не переходя еще къ общему очерку его, мы почтили необходимымъ объяснить новѣйшія изысканія Англійскихъ путешественниковъ, нѣмъ болѣе, что подробности ихъ мало извѣстны въ Европѣ.

Австрія, или иначе *Новая Голландія*, имѣетъ предѣлами 11° и 39° ш. ю. и 111° — 152° долг. вост., отъ Парижскаго меридіана. Слѣдственно составляетъ она обширнѣйшій островъ, около 1000 мѣ въ длину, и средняя ширина котораго до 450 мѣ, такъ, что площадь Австраліи равняется почти прѣмъ четвертиямъ Европы. Разсматривая сію землю на картѣ, или на глобусѣ, нельзя не замѣтить въ очеркѣ этого великаго материка сходства во многомъ съ Африкою. Тотъ и другой материкъ простирающіеся углами къ конечностямъ; оба вырѣзаны въ юговосточной сторонѣ, у обоихъ ширина наиболѣе къ срединѣ. Только проливъ Басса, отдѣ-

ляя Тасманию, дѣлаешь несходство южной части Австраліи съ Африкою.

Бассовъ проливъ раздѣляетъ Австралію отъ Тасманіи, а Торресовъ отъ Новой Гвиней. На востокъ, около 500, или 400 миль морскаго пространства, отдѣляющъ отъ Австраліи Новую Зеландію и Новую Каледонію, а на западъ весь Индійскій Океанъ простирается между нею и Африкою.

Множество острововъ разной величины разсыпано около береговъ Австралійскихъ, особливо сѣверныхъ, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ образуютъ они непрерывныя перемычки, присоединяясь мѣлами къ большому материку. Важнѣйшіе изъ острововъ сунъ: на сѣверѣ *Принца Валлійскаго*, *Веллеслей*, *Большой* (Groote) и *Мельвилль*; на западѣ *Дампировъ*, *Баррова*, *Диркъ-Гатисъ* и *Rottenest*; на югѣ *Изысканія* (Archipelago of the Recherche), *Нуитцовъ*, *Кангуровъ*, *Кинговъ* и *Великій* (I. Great); наконецъ, на востокъ *Моретонъ*, *Козерога*, *Нортумберландъ* и *Кумберландъ*.

Обширный заливъ *Карпентарійскій*, не менѣе 150 миль углубленія, при 110 миль ширины, значительно вырѣзывается берега Австраліи къ сѣверу. Другія замѣчательныя впадины моря сунъ заливы: «*Фанъ-Діеменскій*, *Кембриджскій*, *Эксмоушовъ*, *Морскихъ Собакъ*, *Спенсеровъ*, *Сенъ-Винцентскій*, *Glass-House* и *Гервеевъ*.» Берега Австралійскіе представляютъ кромѣ того множество добрыхъ пристанищъ, способныхъ вмѣстить и охранить многочисленныя флоты. Таковы: «*Порпъ-Джаксонъ*, *Бошанибей*, *порпъ Западный*, *Филлиповъ*, *Короля Георгія*,» и

наконецъ великолѣпный заливъ *Джервисъ*, столь обширный и надежный.

Легко понять, что на землѣ, столь обширной, климатъ долженъ разниться въ различныхъ мѣстахъ, смотря по ихъ географической широтѣ. На всемъ сѣверномъ приморьѣ почти непрерывные и палящіе жары. Въ средней полосѣ, отъ 25-го до 30° ш. ю., климатъ становится умереннымъ, и наконецъ на южныхъ приморьяхъ годъ дѣлится на обыкновенныя двѣ половины, жара и холода, дождя и засухи. Но времена года однакожь не раздѣлены здѣсь такъ правильно, какъ у насъ въ Европѣ. Тщательныя наблюденія 1822 и 1823 гг. въ Параматтѣ показали самую большую степень холода—3° (100 градусныхъ) и 44° льдомъ. Средняя температура зимою по наблюденіямъ оказалась однакожь отъ 10° до 11°, а льдомъ отъ 22° до 23-хъ. Перемены температуры, впрочемъ, бывающія часты и внезапны; не однажды видали въ одинъ день переходы термометра отъ 12 до 15°.

Ужасныя засухи опустошаютъ все пространство Новаго Южнаго Валлиса, и не рѣдко шесть, семь мѣсяцовъ проходитъ такъ, что не упадетъ ни одной капли дождя. Тогда пожары, иныя нечаянно, другіе отъ зажиганія лѣсовъ и справъ дикарями, губящія произрастаніе и угрожающія безопасности жепелей и спадъ ихъ. Во все время, пока они продолжаются, воздухъ наполненъ бываетъ облаками удушающаго дыма, и долго потомъ страна является печальною и обгорѣлою. Иногда наспунаютъ дожди, льющія съ такимъ обиліемъ, что, кажется,

угрожаютъ пошопомъ. Теченія рѣкъ мгновенно расширяются, заливаютъ окрестныя долины, образуютъ среди ихъ обширныя озера, изъ коихъ видны только вершины высокихъ деревьевъ. Такимъ образомъ, въ 1799 году, русло Гавкесбури мгновенно возшло на 40 футовъ надъ своимъ обыкновеннымъ уровнемъ, а въ 1806 году неслыханное возвышеніе этой рѣки дошло до 80 футовъ. Правда, наиболѣе приписываютъ здѣшнія бысприя и внезапныя повышенія водъ сосѣдству Синихъ горъ и самой природѣ земли, орошаемой водами Гавкесбури; но рассказы путешественниковъ, видѣвшихъ въ тѣхъ-же мѣстахъ обширныя озера и осушившіяся долины, подтверждаютъ, что перемѣнчивость дождя и засухи есть общій характеръ всего материка Австралійскаго. Другимъ утвержденнымъ фактомъ можно почесть то, что количество дождевой воды, упавшей въ Параматта въ теченіе одного года, почти равно тому, сколько падаетъ его въ Шотландіи, а именно до 80 дюймовъ.

Донинѣ не открыто въ Австраліи ни одной горы, которая равнялась-бы вышиною съ Европейскими горами перваго разряда. На восточномъ приморьѣ цѣпь Синихъ горъ, идущая параллельно съ берегомъ, на разстояніи отъ моря 15—20 мѣ, рѣдко возвышается до 400 футовъ надъ уровнемъ моря. Sea-View-Hill, самая высокая точка въ этой системѣ горъ, одна только достигаетъ до 700 футовъ. Но и столь небольшой высоты достаточно для раздѣленія водъ, текущихъ къ В. и З.

Горы *Варрагонскія*, иначе именуемая отъ Англи-

чанъ *Австраійскими Альпами* и *Бѣлыми горами*, служащъ къ югу продолженіемъ *Синихъ горъ*. Ихъ вершины покрыты, какъ говорятъ, вѣчными снѣгами. Между ними и моремъ находится цѣпь *Черныхъ горъ*, видимыхъ за 20-ть и 30 лье съ моря; слѣдовательно, можно положить возвышеніе ихъ до 1000 фузовъ, хотя онѣ еще не измѣрены надлежащимъ образомъ. На западномъ приморьѣ, отъ рѣки *Лебедей* до залива *Короля Георгія*, идутъ горы *Дарлингскія*. Одна только изъ вершинъ ихъ, гора *Виллиамова*, имѣетъ около 450 фузовъ возвышенія, а все остальное гораздо ниже.

На сѣверныхъ берегахъ до сихъ поръ замѣчали только земли низкія, неровныя, камъ и сямъ усыпанныя опѣлѣлыми, невысокими горами, не составляющими никакой горной системы. Правда и то, что до сихъ поръ извѣстны здѣсь только берега песчаные и гладкіе. Напротивъ, южный берегъ усыпанъ почти сплошь высокими утесами, за которыми во внутреннихъ земляхъ видны горы средняго возвышенія.

Долго полагали, что въ *Австраліи* нѣтъ собственно населяющихъ рѣкъ, ибо, слѣдуя по печеніямъ водъ, при успяхъ своихъ походившимъ на рѣки, почти всегда находили, что они оканчиваются незначительнымъ сборищемъ испоконъ, почти пересыхающимъ во время жаровъ. *Непинъ*, или *Гавкесбури*, подлѣ *Портъ-Джаксона*, составляла единственное исключеніе изъ общаго правила. Рѣки *Маккари*, *Лачланъ*, *Георгіева*, *Гунтеръ* и *Гастингсъ* являли собою ничтожную массу водъ. Но открытія въ по-

слѣдніе годы значительно измѣнили общее повѣрье. Рѣки: *Брисбанова, Дарлингова, Муррай, Авонъ*, конечно, не суть такія, какія находимъ въ Европѣ и Азіи, но однакожь онѣ значительны, глубоки и способны къ плаванію на большомъ просяженіи. Такъ Муррай, или *Моррумбиджи*, значительнѣйшая изъ всѣхъ, простирается въ прямой линіи отъ В. С. В. къ З. Ю. З., почти на 200 льё.

ГЛАВА XCV.

АВСТРАЛІЯ. — ПРИРОДА ЗЕМЛИ.

Во время открытія Австраліи, на сей обширной землѣ только одно живошное напоминало собою живошныхъ другихъ часпей свѣта—это была *собака*. Всѣ другія представляли *новые роды*, и почти всѣ ихъ надлежало причислить къ разрядамъ *мшечныхъ* или *двуутробокъ*.

Австралійская *собака* походитъ на лисицу, хотя немного больше ея ростомъ, ибо она около 2-хъ футовъ вышиною на ногахъ и два съ половиною фута длины. Голова ея почти лисья, уши прямыя, цвѣтъ бываетъ различный, хотя всего чаще онъ темно-красноватый; собака Австралійская жалобно воеетъ, но не лаетъ. Часто нападаетъ она на овецъ и птицу, производя величайшія опустошенія. Укушеніе ея считается для живошныхъ смертельнымъ. Она весьма ловка, и потому убить ее трудно. Нападая на кангуровъ средняго роста, она бросается сзади и кусаетъ звѣрю спину, и если онъ

оборошится на бой, собака убѣгаетъ; но она ждетъ случая снова, и едва кангуру побѣжитъ, возобновляетъ нападеніе, шакъ, что звѣрь изнемогаетъ наконецъ въ неравной битвѣ. Колонисты не рѣдко пользуются боями собакъ съ кангурами и берутъ себѣ добычу.

Кангуровъ счисляются много родовъ, шакъ, что не менѣе 12-ти ихъ находятъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Самые большерослые, фушовъ по пяти длиною, опережающіе на бѣгу собакъ и иногда бьютъ ихъ хвостомъ своимъ. Самка рѣдко рождаетъ болѣе одного дѣтеныша, и никогда болѣе двухъ. Обыкновенные скачки кангуровъ простираются отъ 12-ти до 15 фушовъ, но на ровномъ мѣстѣ они прыгаютъ иногда на сорокъ слишкомъ фушовъ. У кангуру много непріятелей, и между ними орелъ одинъ изъ самыхъ упорныхъ.

Другія животныя суть: *коала*, обыкновенно называемый колонистами лѣнливцомъ, величиною съ обыкновенную собаку, съ превосходною шерстью, питающійся листьями и корою деревъ, на копорыя лазитъ; *вомбатъ* или *десманъ*, небольшой звѣрокъ, нѣсколько похожій на медвѣдя; мясо его уважается; *опосумы*, или лѣтучія бѣлки, иначе называемыя есписвоиспытателями *фалангисты* и *петауристы*, небольшіе звѣрки, обыкновенно живущіе на деревьяхъ, гдѣ они питаются насѣкомыми и прозябаніями; *перамелы* особый родъ ихъ, менѣе ростомъ, живущій въ пняхъ гнилыхъ деревьевъ.

Увѣряютъ, что въ Синихъ горахъ встрѣчаются *дазіуры*, хищные звѣри, изъ коихъ самые большіе

величиною съ волка; но эшо не доказано, и вообще полагають, что дазіуръ естъ обипашель Тасманіи. *Орниторинкъ* естъ самый странный здышній звѣрь, издавна бывшій предметомъ споровъ и состязаній между учеными. Онъ въ одно время шюлень и плища, и живеть въ рѣкахъ и болошахъ. Зоологи долго не рѣшали, живородящій-ли онъ, или яицеродный, и кажется, что вопросъ рѣшенъ наиболее въ пользу перваго изъ сихъ мнѣній. Впрочемъ, долго еще будешь увлекать вниманіе физиологовъ непонятный орнито-ринкъ, съ его рыбимъ шѣломъ и его ушными лапами и клювомъ. *Эхидна* здышняя также физиологическая, задача походя на ежа и обипая въ земль; рыло у нея весьма острое, лапы снабжены когтями, и ошъ того быспро можетъ она врываться въ землю, но ея укушенье ошибочно почишалось ядовитымъ.

Лѣтъ за тридцать, или за сорокъ, южный берегъ Австраліи былъ усыпанъ множествомъ *тюленей*, особливо изъ рода *otarie*; но непрерывныя преслѣдованія промышленниковъ, убивавшихъ ихъ изъ жиру и для полученія кожъ, значительнo уменьшили ихъ число. Нѣкоторыя породы совершенно исчезли, пошому ли, что ихъ рѣшишельно всѣ выбили, или пошому, что они удалились на другіе берега. Полагають, что *дугонги* обипали на нѣкоторыхъ мѣстахъ западнаго побережья; но эшо доннынъ не подтвердилось.

Крокодилы или *аллигаторы*, какъ называютъ ихъ Англичане, обипують въ пропюкахъ на сѣверномъ берегу, и достигаютъ значительной величины. Зе-

лелая черепаха живелъ на многихъ мѣстахъ. Ящерицы здѣшнія многоразличны, и нѣкоторыя бывающъ до 4 фушовъ въ длину. Одна изъ нихъ, видѣнная Куннингамомъ на С. З. берегу, была около двухъ фушовъ и украшена широкими перепонками сзади головы и вокругъ шеи, такъ, что эполъ родъ ожерелья придавалъ ей совсѣмъ необыкновенный видъ. Змѣй находятъ множество родовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ ядовиты, какъ на примѣръ черная змѣя (black-snake), самая опасная изъ всѣхъ. Другую называютъ Англичане брилліантовою (diamond-snake), и она бываетъ 15 фушовъ длины, но такая величина рѣдка. Одни утверждаютъ, что брилліантовая змѣя ядовита, но другіе спорятъ противъ этого. Еще особый родъ змѣй называется смертью, или глухою змѣею (death, deaf-adder). Онъ были-бы пагубны для человека, если-бы укушеніе ихъ дѣйствительно имѣло ужасныя послѣдствія, которыя приписываютъ ему общее мнѣніе. Недавно еще, какъ сказываютъ, одинъ изъ колонистовъ былъ ужаленъ и погибъ мгновенно. Кровь пошла у него глазами, носомъ, ртомъ и ушами; едва умеръ онъ, началось гніеніе шруна, и въ самое краткое время достигло до того, что съ шрудомъ успѣли донести мертваго до могилы. Прибавимъ однакожь, что рассказывающій это событіе не ручается за достоверность его.

Птицы находятся въ Австраліи довольно много породъ. По росту всѣхъ замѣчательнѣе ему, родъ казоара, весьма высокъ на ногахъ и мясомъ весьма вкусенъ. Другія птицы сущъ: пеликаны, черныя лебеди, *цереопсы*, *менуры* съ лирообразнымъ хвостомъ,

дианры прелестныхъ оранжевыхъ и серебряныхъ цвѣтовъ, орлы, соколы, черные какаду, а также бѣлые и сѣрые, попугаи и *перрюши* всѣхъ цвѣтовъ и опшѣнковъ, цапли, разныхъ родовъ гуси и утки, вороны, зимородки, рыболовы весьма большого роста; далѣе голуби, горлицы, куропапки, усприцеѣды, *корби-калао* съ хохлашею головою, *кукалы*, *кассиканы-говорунны*, удивительные *лоріоты регента*, блестящія *Королевскія эппмаки*, и наконецъ *тракетты*, пшички весьма небольшія, ясписоваго цвѣта съ богатыми, блестящими опшѣнками.

Не столь обширное, какъ въ Спаромъ Свѣтъ, царство насѣкомыхъ представляетъ энтомологическую особенность, свойственныя Авспраліи. *Чешуекрылыя* вообще немногочисленны и рѣдко отличаются блестящими цвѣтами, исключая однакожь сѣверный берегъ, гдѣ находятся также многіе роды Ново-Гвинейскихъ молюсковъ, но за то въ Авспраліи множество *жесткокрылыхъ*, съ любопытными формами. Мухи, муравьи, мушкетеры весьма обыкновенны и весьма несносны; находили въ Авспраліи муравейники въ 30 и 40 футовъ окружностью и отъ 10-ни до 12 футовъ вышины. Эти насѣкомыя губятъ и опустошаютъ насажденія, а иногда въ прахъ испачиваютъ пни деревьевъ. *Гусеницы* составляютъ въ иные годы также истинную язву и совершенную гибель надеждъ земледѣльца.

На берегахъ Авспралійскихъ собрано множество неизвѣстныхъ прежде раковинъ, и въ первое время послѣ открытія съ жадностію искали ихъ любители Конхіологіи. *Фазіанеллы* обилуютъ на бере-

гахъ западныхъ, *теребратулы* въ Западномъ порпѣ. Перонъ и Куа нашли тамъ живую *тригонію*, до пѣхъ поръ извѣстную только въ ископаемомъ видѣ. Морской рыбы весьма много и почти все вкусной. Несмотря на малыя печенія, рѣки здѣшнія также весьма рыбны. Кислородныя всѣхъ величинъ водятся подлѣ береговъ Австралійскихъ. Наконецъ въ зоофитпахъ сдѣланы здѣсь открытія особенныхъ породъ.

Флора Австралійская обогатила извѣстное прежде расщепленное царство множествомъ новыхъ родовъ, опличныхъ разнообразными и прелестными формами. Садоводство Европейское взяло уже себѣ нѣсколько изъ здѣшнихъ красивыхъ прозябеній и многія изъ нихъ съ успѣхомъ разведены въ садахъ любительцевъ, особенно Англичанъ. Но въ замѣну того, природа опказала здѣшнимъ спранамъ въ пищательныхъ расщепіяхъ, рѣдкими и немногими изъ нихъ одаривши Австралійскія обширныя пущыни. Тщепно будете здѣсь искать котораго нибудь изъ драгоценныхъ произведеній, расщупшихъ на всѣхъ земляхъ Океаніи. Самаго кокоса, этого всеобщаго и пищательнаго прозябенія, находимаго на всѣхъ островахъ Океанійскихъ и въ Малезіи, нѣтъ на самыхъ знойныхъ побережьяхъ Австраліи. Ни однимъ изъ расщепій, доставляющихъ дикарямъ здѣшнимъ бѣдное прощипаніе, немогли воспользоваться Англіійскіе колонисты, и пошому спарались они немедленно ввести Европейскія пищательныя расщепія, изъ коихъ многія уже успѣшно обрабатываются на здѣшней почвѣ.

Самыя густыя деревья Австраліи представляютъ

мало тѣни, по причинѣ формы и расположенія ихъ лисновъ. *Эвкалипты*, *казуарины*, или *лептоспермы*, издали обѣщающія свѣжестъ и прохладу, вблизи едва доставляющъ достаточную сѣнь для спасенія путешественника отъ лучей солнца.

Всего болѣе различій находится въ Австралійскихъ прошейныхъ, мирповыхъ, бобковыхъ, сложныхъ, эпакридовыхъ и діосмовыхъ породахъ. Изъ нихъ являея наиболѣе великорослыхъ произведеній природы. Самыя полезныя изъ деревьевъ здѣшнихъ суть *эвкалипты*; древесина ихъ служишь для всякихъ подѣлокъ, если только она здорова, что бываетъ весьма рѣдко. *Красный кедръ* (*red cedar, cedrela Australis*) даетъ доски красноватаго цвѣта, легкія, но прочныя. *Тристанія* и *мелія азедарахъ* служатъ для поспройки лодокъ, а изъ *ксилемели* дѣлаютъ ружейныя ложи. Можно упомянуть еще объ одномъ или двухъ родахъ *араукари*, двухъ *каллитри*, *флиндерси*, разныхъ *казуаринахъ*, *трихили* съ розовымъ запахомъ, *ангофортъ*, *дакриди*, *брибани*, разныхъ *банксіяхъ*, нечислая уже дальнѣйшаго многообразія прозябений, дерева коихъ употребляются на множество попребъ.

Куннингаму одолжены недавнимъ открытіемъ дерева изъ семейства бобковыхъ, плоды коего содержатъ въ себѣ широкія зерна, довольно пріятнаго вкуса, когда ихъ пережгутъ. Нѣкоторыя изъ мимозъ даютъ превосходную гумму. Одна изъ породъ *эвкалипта* снабжаетъ сахарною манною, совершенно похожею на Воспочную.

Нашли въ Австраліи нѣсколько родовъ пальмъ,

но плоды всѣхъ ихъ ни къ чему негодящся. Одно прелестное лилейное распеніе, *doryanthes excelsa*, выбѣгаетъ иногда въ вышину на 18 и 20 футовъ. Ксанторрея и кингія оканчиваются къ верху широкими пучками длинныхъ, узкихъ, расположенныхъ розетками листьевъ, унадающихъ къ низу въ видѣ воды, переполняющей кувшинъ; первое изъ нихъ даетъ весьма вязкую гумму.

Изъ коры *hibiscus heterophyllus* можно-бы выдѣлывать веревки. *Caladium macrophyllum* покрывается шишками, годными въ пищу въ случаѣ недородовъ. *Leptomeria* и *Billardiera* приносятъ маленькія ягодки, копорыя ѣдятъ дикари и дѣши колонистовъ, хопя вкусъ ихъ не весьма хорошъ. Не смотря на близость Молукскихъ оспирововъ и сходство климата, приносятъ здѣсь нѣтъ. Нашли здѣсь только родъ мушкатника, названный *myristica insipida*, но вовсе безполезный, какъ доказываетъ самое имя его.

Между морскими распеніями, унизывающими прибрежные утесы, одно замѣтно по своимъ широкимъ плодамъ, изъ коихъ дикари выдѣлываютъ грубыя чаши для пиши. Отсюда происходитъ названіе распенію, данное Лабиллардьеромъ, *fucus rotatorum*.

О царствѣ минеральномъ, до нынѣ худо изслѣдованномъ, много сказано нѣчего. Только недоспащныя еще замѣчанія имѣемъ мы объ Австралійской геологіи. Горы, въ различныхъ мѣстахъ, являютъ первозданныя и выпороспешенныя скалы. Утесы Георгіевской гавани граничные, такъ-же, какъ и горы между нею и Лебяжьей рѣкою. Гора Лид-

зай, одна изъ высокихъ почекъ сей цѣпи, оканчивается четырёхсторонною плоскостью, въ 1500 футовъ вышины, весьма плошною, устьяною обломками кварца, съ огромными глыбами гранита по угламъ. Полагаютъ, что гранитъ составляетъ также основу большей части здѣшнихъ высокихъ горъ.

Слоистый пещаникъ, или горизонтальные слаты, образуетъ основаніе всѣхъ утесовъ по южному побережью, а мадрепоровый известнякъ преимущественно на берегахъ сѣверныхъ; онъ-же обилуетъ и по берегамъ залива Морскихъ Собакъ. На Лебяжьей рѣкѣ нѣрѣдко встрѣчаются известковые и пещаные горизонтальные слои; ими закрыты раковины, корни и даже пни деревьевъ.

Присущіе желѣза показываютъ во многихъ мѣстахъ крупинки хлороидной руды желѣзной, и особливо въ нѣкоторыхъ новыхъ земляхъ, состоящихъ изъ песчанистой глины. Слѣды мѣди и свинцу находили въ Новомъ Южномъ Валлисѣ и на рѣкѣ Лебяжьей; свинецъ въ семъ послѣднемъ мѣстѣ, по видимому, содержитъ въ себѣ серебро, или ртуть. Впрочемъ, ни одинъ мѣшаль и никакія драгоценныя камни не открыты еще достоверно на пространствѣ великой земли Австралійской. За то учинены открытія болѣе драгоценныя—копей землянаго угля, въ окрестностяхъ Нью-Кеспла и по берегамъ рѣки Гунпера. Уголь найденъ богатыми жилами, на великомъ пространствѣ, слоями по три фута толщиною и въ глубинѣ только отъ 15-ти

до 20 футовъ. Попомъ нашли еще уголь и въ другихъ мѣстахъ, но нигдѣ не явился онъ столь обилень.

Въ слояхъ пещаника и аспида, находящихся подъ слоями угля, замѣчены оппечашки расцѣпій, изъ коихъ многіе, какъ говорящъ, показывали также слѣды цвѣштовъ, и въ числѣ ихъ, какъ увѣряютъ, оппечашки особенно *zamia spiralis*. Равномѣрно найдены еще многочисленныя оппечашки фишоповъ, въ спрощаобразномъ лигнитѣ, копорый встрѣчается около вершины Йоркской, въ Синихъ горахъ.

Известкового камня нѣтъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, и колониспы замѣняютъ его черепкожними, раковины коихъ лежатъ на ближнихъ кораллахъ сплошными грудями. Въ разныхъ мѣстахъ Австраліи известъ является въ состояніи сѣрно-кислой и угле-кислой. Самородныя квасцы нерѣдко встрѣчаются въ кристаллизованной глинѣ, весьма чистыя. Въ окрестностяхъ Сиднея опыскали пѣнку (*piegge de pıre*) превосходной доброты.

Хотя не на одномъ мѣстѣ побережьевъ находили и собирали пемзу, но существованіе огнедышащихъ горъ донынѣ не только неопкрыто въ Австраліи, но незамѣчено даже никакихъ слѣдовъ новѣйшихъ волканическихъ изверженій. Больше другихъ обильныя пемзою мѣста около Морепонскаго залива заснавливали подозрѣваніе, что въ двухъ ближнихъ вершинахъ могутъ таиться крашеры, но тщательное изслѣдованіе непоказало однакожъ ничего похожаго на волканы.

Въ 1818 году открыли горящую гору, которая была названа *Вингенъ*, и въ дальнемъ разстояніи почли ее настоящимъ volcano, но потомъ оказалось это горѣніе совершенно чуждымъ всякому вулканическому дѣйствію. Явленіе само по себѣ такъ однакожь было любопытно, что мы почищаемъ излишнимъ предсказать здѣсь рассказъ объ осмотрѣ его въ 1830 и 1831 гг. почтеннымъ Вильсономъ, капелланомъ Нью-Каспльскимъ, въ ближайшемъ къ Вингену селеніи.

«Гора эта,» говоритъ онъ, «находится на восточной оплогоспи горной цѣпи, раздѣляющей низменности, орошаемая рѣкою Гвинперомъ, опъ долины Ливерпульскихъ, подъ $31^{\circ} 54'$ ш. ю. и $148^{\circ} 36'$ д. в. — Возвышеніе горѣвшей горной вершины было неменѣе 1300, 1400 футовъ надъ поверхностью моря. Во время перваго моего посѣщенія, въ началѣ 1830 года, запаленіе проспиралось на двѣ возвышенности горы, составленной изъ плоскаго пещаника. Огонь шелъ съ верху къ низу на сѣверной высотѣ, превосходящей южную, и потомъ всходилъ на южную высоту. Казалось, что онъ занимаетъ углубленіе между двумя пиками горы, и это обстоятельство заспаляло перваго путешественника, посѣдившаго Вингенъ, думать, что горній верхъ составляетъ краверъ, но на дѣлѣ оказалось, что по мѣрѣ того, какъ подземный огонь усиливался, камень дѣлился на множество шрецинь различной величины, и я могъ удобно разсмотрѣть самую широкую изъ нихъ. Упесь, состоящій изъ твердаго пещаника, являлъ здѣсь промежутки въ два фута

шириною, оставляя наружъ верхнюю и южную часть заpalенія; оштакъ повалился и упалъ въ пустошу, образованную дномъ горячей чашни. Наблюдая и осматривая это мѣсто, въ глубину почти на 15 футовъ, видѣли стѣны утеса перекаленные до-бѣла, какъ будто ошъ горѣнія известки; сѣрные и квасцовыя испаренія вылепаютъ изъ щрешины, при подземномъ громѣ, гремящемъ съ величайшею силою. Спавши на обломкѣ утеса, ошдѣленномъ ошъ верхней чашни, я бросалъ камни въ щрещину. Звуки, ими производимые въ паденіи, казались записавшимися въ глубочайшей безднѣ, находившейся подъ моими ногами. Пространство, занятое дѣйствіемъ огня, можно было положить около полушора акра. Все оно было изрѣзано множествомъ щрещинъ различной величины, изъ коихъ непрерывно испоргалась столбы сѣрнисаго дыма, сопровождаемые блестящимъ огнемъ. Края этихъ ошдушинъ были покрыты кристаллами вывѣтрѣвшей сѣры, цвѣтъ коихъ измѣнялся ошъ красно-оранжеваго, производимаго примѣсью желѣза, до блѣднаго соломеннаго, что дѣлала примѣсь квасцовъ. Черное вещество, блестящее и смодисное, вѣроятно родъ битума, находилось во множествѣ по краямъ многихъ щрещинъ. Съ трудомъ могъ я достать нѣсколько кусочковъ его, по причинѣ внутреннего жара почвы подъ моими ногами и удушающаго свойства паровъ, изъ нея вылепавшихъ. Ни лавы, ни прихипа какого нибудь рода, здѣсь не находились; нѣтъ даже слѣдовъ землянаго угля, хотя онъ и обилуетъ въ окрестности. Очевидно, что гора Вин-

генъ горитъ съ давняго времени; множеству акровъ земли, ниже горящаго нынѣ распространя, покрытыхъ старыми деревьями, носящими слѣды прежняго здѣсь запаленія, и разбросанныя между ними, остеклявшіе каменья, служатъ пому доказательствомъ. Огонь сильно свирѣпствуетъ и все предвѣщаетъ, что онъ еще болѣе усилился. Опъ времени до времени, дѣйствіемъ-ли электричества, или по другой причинѣ, подземныя вещества воспламеняются, и расширяющая сила жара и испареній ломаетъ въ огромные куски самыя твердыя утѣсы, непрерывно образуя такимъ образомъ новыя щелины. Сѣрнистые и квасцовыя произведенія Вингена были удачно употреблены при леченіи коросты на овцахъ. »

По приморью, въ 4-хъ миляхъ отъ Нью-Кеспля, въ 1828 году также замѣтили горящій утѣсъ, извергавшій сѣрнистые пары, и по краямъ щелины на немъ собирали минералъ, хорошо кристаллизованный, который по изслѣдованію оказался солекислымъ нашатыремъ, смѣшаннымъ съ сѣрою. По огонь пошухъ здѣсь въ 1830 году, различаясь тѣмъ отъ огней Вингенскихъ, видѣнныхъ снова г-мъ Вильсономъ въ 1831 году.

« Я нашелъ, » говоритъ сей наблюдатель, « что запаленіе не только что не уменьшилось со времени моего перваго посѣщенія Вингенскихъ вершинъ, но распространилось на протяжении двухъ акровъ. Теперь дѣйствовало оно съ увеличенною свирѣпостью на возвышеніи къ Ю. и Ю. Ю. З., и даже на незапа-шой имъ прежде части горы, но еснѣ, холмъ къ

С.—Блещащія сѣрные кристаллы находились по прежнему на краяхъ главныхъ прещинъ, а по нѣкопрымъ были кристаллы квасцовые; отсюда изъ разсѣлинь непрерывно выходили удушающія испаренія. Огонь продолжалъ глухой ревъ свой подъ землею; камни, бросаемя въ прещины, опзывались при паденіи своемъ въ ужасной глубинѣ внушренней бездны. Слѣды ниспроверженія, упесы пещаника громадной величины, разлещившіеся осколками, безчисленныя прещины на поверхности земли, обвалы слоевъ, ниспроверженные и полусгорѣвшіе при деревьевъ, другіе, ожидавшіе только паденія спремниъ, на копорыхъ они удержавались, чпобы повалились въ свою очередь; улещученные, возвышавшіеся кругомъ чары, среди рыканія подземныхъ огней, красный и бѣлый жаръ горящихъ разсѣлинь—все это вмѣстѣ и порознь образовывало такое зрѣлище, на которое нельзя было взирашь безъ изумленія, испытывая въ тоже время прискорбіе, что невозможно изъяснить съ нѣкоторою степенью вѣроятности первоначальныхъ естественныхъ причинъ такого страннаго явления.

« Въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ горячей нынѣ часни нашли мы на Вингенѣ пещаниковый слой, состоящій изъ двуплверсныхъ раковинъ, копорыя казались принадлежащими къ роду шеребрапулъ; другіе останки подобныхъ черепокожихъ встрѣчались на другихъ часняхъ горы. Донынѣ найдено въ Авспрали только два рода ископаемыхъ существъ, принадлежащихъ къ окаменѣлымъ живошнымъ кошпямъ, по близости горы Агава, неподалеку отъ

Вингена. Это были креспець (sacrum) какого-то большого звѣря, опысканный на пещаникахъ Гольдсвордскихъ, и вѣроятно зашейный позвонокъ особеннаго звѣря, миляхъ въ десяти отъ Морепона. Та и другая окаменѣлость небыли скрышы въ слояхъ почвы, но лежали на поверхности. По сему, следуя всей очевидности, полагаю, что онъ современны окаменѣлому дереву, которое разсыяно въ величайшемъ количествѣ по всему пространству Австраліи. Подлѣ пропѣженія болотъ Королевства (Kingdom), образующихъ одинъ изъ источниковъ Гунтера, и въ немногихъ миляхъ на С. З. отъ Вингена, находящаяся стоящая еще пни деревъ, перешедшіе въ окаменѣлость на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они росли некогда. Въ нѣкоторыхъ участкахъ сіи пни сильно проникнуты желѣзомъ. — Также по берегу отъ Нью-Кеспиля, въ 5-хъ миляхъ на С., на линіи высокаго прилива, въ устьѣ, подлѣ слоевъ каменнаго угля, недавно найденъ былъ стволъ окаменѣлаго дерева, въ отвѣсномъ положеніи; разломивши его, нашли сердцевину превосходнаго чернаго цѣльна, являющую собою переходъ дерева въ габанъ. На вершинахъ горы, гдѣ находится Нью-Кеспильскій телеграфъ, опысканъ пень дерева, лежавшій горизонтально, на футъ глубиною отъ земной поверхности; кора этого дерева была прекраснаго бѣлаго цвѣта. Въ той и другой находкѣ были замѣчены тонкія хлещидонообразныя жилки.

Оканчивая географическій обзоръ Австраліи, должно прибавить, что никакъ невозможно теперь принять для нея наименованій, какія даны были

различнымъ частямъ Австралийскаго материка прежними его открывателями, какъ-то: «земля Нюинца, Виппа, Аригейма, берегъ Eendracht, берегъ Leeuwin, и проч.—Всѣ сии произвольныя и неопредѣленныя дѣленія ничего не показываютъ и во всякомъ случаѣ относятся только къ побережьямъ. Гораздо важнѣе и любопытнѣе было-бы узнать названія, придаваемыя каждой части земли туземцами, ибо, вѣроятно, что они соотвѣтствуютъ мѣстному расположенію жилищей; но никакъ не успѣлъ еще собрать для такой работы достаточныхъ матеріаловъ. Напрощивъ, Англичане даютъ нынѣ непрерывно названія по новымъ раздѣленіямъ, принимая имена, взятыя съ областей и городов своего первоначальнаго ошечесства. Вѣроятно, эти имена останутся навсегда, и для поколѣній, которыя послѣдуютъ за нами, *Новая Голландія*, съ большою точностью, можетъ быть названа—*Новой Англіею*.

ГЛАВА XCVI.

АВСТРАЛІЯ. — ОБИТАТЕЛИ.

Племена, заселяющія Авспралію, принадлежатъ къ породѣ самой ничтожной и выродившейся изъ породъ Меланезійскихъ. Если надобно по сему отношенію предположить какую нибудь объяснительную гипотезу, то должно положить такъ, что обширный материкъ Авспралійскій населенъ съ береговъ Новой Гвинеи черезъ проливъ Торреса. Переходя здѣсь съ утеса на утесъ и съ острова на островъ, но всѣмъ въоряніямъ, дикари могли достигнуть неблагоприятныхъ береговъ Новой Голландіи. Тупы, лишеныя пипательныхъ прозябень первобытной опчизны, принужденные къ быту бродячему, спраждущему, несчастному, они могли уничижиться, изуродоваться, спастъ на ту степень, гдѣ находятся теперь, послѣднюю въ лѣствицѣ человеческого бытія. Если предположить такое переселеніе въ Авспралію, то можно будетъ опять спросить, какимъ образомъ Гвинейскіе выходцы утрани-

ли употребленіе лука и стрѣлъ, пѣканье и разныя земледѣльческія и промышленныя занятія, копорыя извѣстны ихъ прежнимъ родичамъ? Эпоить вопросъ легко можно разрѣшитъ: новое опечеснво непредспавило переселенцамъ ни одного изъ средствъ, бывшихъ въ обладаніи ихъ въ опчизнѣ первобытной. Не находя ни дерева для своихъ оружій, ни веществъ для выдѣлки пѣканей, по симъ причинамъ впапи они постепенно въ униженное и скопоподобное соспояніе. Прибавимъ, что переселенія сюда изъ Новой Гвиней не могли быть ни внезапны, ни произвольны; дикари, перешедшіе на берега Авспралійскіе и основавшіеся здѣсь, вѣроятно были прогнаны войною и междоусобіемъ изъ благословенныхъ эквапориальныхъ земель.

Но такъ, или иначе, дикарь Авспралійскій является намъ сложеннымъ не лучше безобразнаго Сааба южной Африки и уродливаго Печерея Огненной Земли. Всякое земледѣльческое занятіе остается ему невѣдомо, и едва немногіе изъ Авспралійцовъ достигли до слабыхъ понятий о мореплаваніи, но и здѣсь непротперлись они далѣе поспройки какого-нибудь плота, или небольшой лодки изъ древесной коры.

Авспраліецъ вообще малорослъ и сложенія щедушнаго; оконечности плѣла его хилы и несоразмѣрны съ основою; брюхо нерѣдко велико, лобъ сжатъ, носъ приплюснутъ, ноздри бывающъ всегда расширены, глаза углублены и малы, ротъ широкъ, челюсти выпавлены, борода черная, густая и щепинистая. Цвѣтъ кожи различенъ, опъ желтаго, или темно-бронзоваго, до весьма чернаго. Волосы бьва-

юшъ, по длинны и прямы, по черны и кудрявы, но всего чаще вкочены и завишпы; никогда неувидише ихъ однакожь руноподобными, и это единственная черта, рѣзко различающая здѣшнихъ дикарей отъ Африканскихъ Араповъ, съ коими во всѣхъ другихъ отношеніяхъ сближаются они изумительнымъ образомъ. Только нѣкоторые изъ Австралійскихъ племенъ, по вліянію-ли мѣснаго климата, или отъ пищи, болѣе, нежели у другихъ обильной, являютъ признаки сложенія болѣе возвышеннаго. Въ числѣ подобныхъ опличныхъ поколѣній, путешественники упоминаютъ о племенѣ Марригонскомъ, а также о дикаряхъ окрестъ заливовъ Морешонскаго, Джервисова и Западнаго.

Съ молоду дикарки небываютъ безобразны, подобно мужчинамъ. Формы тѣла, гибкія и легкія, являютъ даже какую-то дикую прелесть. Но все это продолжается не далѣе первыхъ родовъ, и къ старости Австралійскія женщины становятся самыми отвратительными, какихъ только можетъ себѣ вообразить, твореніями.

Австралійцы ловки на бѣгу; какъ будто кошка какая нибудь, скоро и проворно вскарабкиваются они на вершины деревьевъ; зрѣніе ихъ сильно, слухъ тонокъ и нѣженъ, зубы крѣпки и красивы. Рыбій жиръ между ними въ большемъ употребленіи; они мажутъ имъ свое тѣло, и это поспешенно придаетъ имъ отвратительный запахъ. Иногда они вздвигаютъ на голову рыбы внутренности, предославая солнечному зною выпаливать изъ нихъ жиръ и влагу. Это отвратительное средство, покрывая жирнымъ

веществомъ все плѣло дикаря, за то охраняетъ его отъ укушенія мушпиковъ.

Прибрежные дикари находятъ важныя средства для пропитанія своего въ рыбъ и ракушкахъ. Для внутреннихъ жилищей сіи средства несуществуютъ, и они ограничиваются кореньями папоротней, рѣчными раковинами, пищею, змѣями, ящерицами и гусеницами, какихъ могутъ собрать. Все приготовленіе снѣдей ограничивается почти всегда поднесеніемъ ихъ на минушу къ огню, чтобы онъ немножко припеклись. Если успѣваютъ убить кангуру, что не бываетъ часто, такая удача является большимъ праздникомъ для дикарей. Но самымъ великолѣпнымъ торжествомъ считаютъ, когда на берегъ выкинетъ мертвѣго кита. Дикари жрутъ свою лакомую находку нѣсколько дней сряду, и оставляютъ ее тогда только, когда плѣло китовое окажется совершенно загнившимъ. Замѣчательную странность составляетъ предразсудокъ, въ свѣдѣніе коего, споль неразборчивые на всякую пищу, Австралійцы ни за что не станутъ ѣсть скапа.

Долгое время думали, что Австралійцы не люди, но сдѣланныя изслѣдованія неоспаиваютъ уже никакихъ сомнѣній, что внутреннія племена дикарей челоуѣкоядцы. Куннингамъ повѣствуетъ, что находясь въ гостяхъ у одного своего пріятеля колониста, миляхъ въ 40-ка отъ Сиднея, онъ видѣлъ возвращеніе дикарей изъ похода противъ обитателей, живущихъ около гавани Батурсна, нападшихъ первоначально. На вопросъ Ангійскаго путешественника, одинъ изъ нихъ показалъ ему пясть своихъ

пальцовъ, давая эшимъ разумѣть, что онъ убилъ пятерыхъ непріятелей, въ числѣ коихъ была одна женщина. Грудь сей несчастной хранилась въ мѣшкѣ и ее показали Куннингаму. Дикари нескрывались, что они также съѣдятъ и эшонтъ оспашокъ, какъ съѣли все другое. Въ подтвержденіе словъ дикарей, одинъ колонистъ сказывалъ Куннингаму, что за нѣсколько времени прежде видѣлъ онъ часпъ шѣла человеческого, положенную въ такой шочно мѣшокъ, и хранимую, какъ запасъ съѣснаго для дороги. Когда послѣ неудачной бипвы, шрупы Англичанъ попадались дикарямъ, они пожирали ихъ.

Въ южной части Австраліи, самой гористой и холодной, дикари носятъ небольшіе плащи изъ кангуровыхъ, или опоссумовыхъ кожъ, но эшо одѣяніе, закрывая только спину и плеча, оставляетъ почти все оспальное шѣло ихъ открытымъ. Для украшеній дикари носятъ въ волосахъ перья, пучки щенины, рыбы и пипичьи кости, зубы животныхъ, склеенные вмѣстѣ родомъ гумми. У большей части дикарей сквозь носъ продѣвается косточка, или деревянная наложка. При большомъ нарядѣ мажутъ себѣ лицо и шѣло бѣлымъ, чернымъ и краснымъ, для чего употребляютъ раковинная известь, земляная охра и уголь. Распредѣленіемъ цвѣшовъ и рисунка отличаются различныя племена.

Рубчатый пануажъ здѣсь въ великомъ почтѣ. Для эшого дѣлаются довольно глубокія наръзки по кожѣ, образующія разныя фигуры рубцами, когда раны заживаютъ. Обряды дикарей производятся съ условною пышностью, какъ мы видѣли эшо выше,

при описаніи празднествъ гна-лунга; самая цѣль эпой церемоніи—переходъ изъ младенчества въ совершенный возрастъ, за что платится поперею одного изъ переднихъ зубовъ, обстоятельство замѣчательное для народа, находящагося, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ глубочайшемъ невѣжествѣ. Зубы выбиваются при семъ случаѣ керредаями, имѣющими право на такую операцію. Но керредаи вообще занимаютъ въ окрестностяхъ Поршъ-Джаксона одну роль съ пою, которую играютъ мулгарадоки между дикарями залива Георгіевскаго. Вездѣ въ Австраліи находясь эти шарлатаны, жрецы и лекаря, въ одно время употребляющіе въ свою пользу болѣзни, невѣжество и суевѣріе земляковъ.

Молодыхъ дикарокъ въ окрестностяхъ Поршъ-Джаксонъ также подвергаютъ мучительной операціи: въ дѣшствѣ опрубаютъ имъ два сустава у мизинца лѣвой руки. Немогли узнать настоящей цѣли такого обряда. Можетъ быть, съ нимъ соединенъ какой нибудь предразсудокъ суевѣрный. Другіе полагаютъ, что дикари думаютъ этимъ придать болѣе ловкости женщинамъ въ вязаньи съптей.

Вообще между Австралійцами замѣчаютъ мало уродливостей. Дикарки родятъ дѣтей весьма легко. При немногихъ болѣзняхъ, какимъ подвергаются дикари, лекаря ихъ, или керредаи, употребляютъ родъ заклинаній, къ чему присоединяется сильное напираніе тѣла. Иногда даютъ они больнымъ ксанпоррейную гумму, и другія лекарства, пользующіяся между дикарями особенною довѣренностью. Мулгарадоки, по признанію самихъ Англій-

скихъ хирурговъ, искусны въ операціяхъ, особливо при вынятіи обломковъ копья изъ раны; извлеки ихъ, засыпають они рану особеннымъ порошкомъ, а потомъ перевязываютъ мягкой и нѣжною древесною корою, укрѣпляя ее бинтами.

У самыхъ образованныхъ племенъ Австралійскихъ жилища состоятъ въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ широкихъ кусковъ коры, сложенныхъ на подобіе ульевъ. Ихъ покрываютъ землею и облокаютъ морскими распеніями, что совершенно защищаетъ ихъ отъ мокроты. Но наиболѣе образуютъ хижины дикарей здѣшнихъ въпьяныя племешки, покрытыя проспникомъ, корою и листьями ксанпоррей. Въ своихъ переходахъ дикари непринимаютъ на себя труда соорудить какое нибудь временное жилье; для защиты отъ дождя и непогоды довольствуется каждый изъ нихъ широкимъ пласкомъ коры, содранной съ ближайшаго эвкалипта, согрѣвая между тѣмъ переднюю часть пѣла огонькомъ, вокругъ котораго всѣ ложатся спать. Таковъ бываетъ ежедневный ночлегъ дикарей, и переходя лѣсами Синихъ горъ повсюду видяще слѣды огнищъ, а кругомъ ихъ лоскутья коры и оспанки распеній, служившихъ лищею дикарямъ. По симъ признакамъ узнаютъ слѣды кочеванья дикарскаго. Что касается до постройки лодокъ, то самыя образованныя племена Австралійцевъ умѣютъ дѣлать ихъ только корковыми, сшивая по краямъ и заливая потомъ особеннымъ родомъ резины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дикари оспаются проглотидами, и живутъ въ натуральныхъ горныхъ

пещерахъ. На плоскости Кларковой, подлѣ мыса Мельвилева, Куннингамъ видѣлъ и осматривалъ одну изъ шакихъ пещеръ; ея стѣны, покрышыя слоемъ красной охры, были исчерчены изображеніями рыбъ, пресмыкающихся, лодокъ, калebasъ, и шакихъ фигуръ находилось шупъ болѣе полушораспа; всѣ онѣ были начерчены кусками бѣлой глины, разведенной на водѣ, и какъ ни грубы казались, но показывали уже собою начало идеи изящнаго искусства—живописи.

Обыкновенное орудіе Австралійцевъ—копье изъ швердаго дерева, и они умножаютъ силу его при бросаніи, упошребляя небольшую палку, въ два, или три фута длиною, у кошорой съ одного конца выемка. Принимаясь за копье, держатъ палку почти оплѣсно въ правой рукѣ, между плѣтъ, какъ копье схватываютъ посрединѣ пальцами лѣвой руки, а конецъ его находящійся на выемкѣ палки. Уравнявши и намѣтивши копье, бросаютъ его весьма сильно и удивительно мѣтко на невѣроятное разстояніе, часто попадая въ цѣль въ 70-ти и 60 футахъ. Копье дикарское просто заоспренная длинная палка, иногда съ зазубринами на концѣ, либо съ коспью и кускомъ раковины. Головолемы, или *вадди*, у Сиднейскихъ дикарей дѣлаются изъ крѣпкаго дерева, и иногда оканчиваются на концѣ огромною шишкою, что дѣлаетъ удары ихъ весьма опасными. Мы упоминали уже о *вомерангъ* и спраннымъ средствѣ его упошребленія.

Для рыбной ловли дикари упошребляютъ родъ багра, или оспирогі, либо загоняютъ рыбу въ широ-

кіе заколы, дѣлаемые изъ каменевъ, или кольевъ, переплетенныхъ въпьями, что при опливіи оспаеи-ся почти незакрышо водою. По рѣкамъ ловяиъ ры-бу сѣпьями, захватывая иногда ими все рѣчное пе-ченіе. Орудія рабочія сущъ попоры и ножи, весьма грубой опдѣлки. Первые состояиъ только изъ об-ломка камня, весьма крѣпкаго, кое-какъ заоспременнаго съ двухъ споронъ, и попомъ приклееннаго къ дере-вянной ручкѣ ксанпорреевою гуммью. Такой попоръ служииъ и вмѣсто молотка. Ножи дѣлаюиъ изъ оспрыхъ обломковъ кварца, припаиваясь къ деревян-ной ручкѣ ксанпоррейною гуммью; ими можно поль-ко пилииъ, а не рѣзати. Дикари чрезвычайно доро-жанъ обломками спекляиныхъ бупылокъ, и шча-тельно собираюиъ ихъ для замѣны кварцовыхъ кусковъ. Огонь добываюиъ они подобно другимъ дикарямъ, сильно и быспро верши кусокъ сухаго дерева въ другомъ кускѣ. Для избѣжанія опъ шруда, съ какимъ сопряжено эшо добываніе огня, Авспра-лійцы, какъ говорилъ я, берегунъ зажженныя го-ловни банкси. Общій обычаи у нихъ выжигати сухую праву, и онъ немало способспвовалъ къ шому, что лѣса Авспралійскіе сдѣлались доступны Евро-пейцамъ.

При всей своей бродячей жизни, племена Авспра-лійцовъ сохраняюиъ весьма опредѣленныя поняшя о правахъ поземельной собспвенности. Каждое изъ нихъ вѣдаешъ свои предѣлы и спрого защищаешъ ихъ опъ перехода сосѣдей. Нерѣдко нарушеніе по-граничныхъ межей бываешъ причиною кровопролищ-ныхъ ссоръ. Иногда ссоры эши переносяиъ передъ

общее собраніе дикарскихъ племенъ, и здѣсь, подвергнувшись разбирашельству и суду, рѣшаются они битвою, болѣе похожею однакожь на шурниръ, нежели на настоящее сраженіе. Женщины присушествуютъ при такихъ рѣшеніяхъ дѣлъ, и нерѣдко берутъ въ нихъ дѣятельное участіе.

Въ Южной Австраліи инныя племена, почти никогда несоставляющія болѣе 30, или 40 человекъ всего на все, соединяются семействами, подъ властью, или старшихъ, или болѣе храбрыхъ. Власть эшихъ начальниковъ весьма ограничена, если вѣрныя разсказы нѣкоторыхъ путешественниковъ; но, по словамъ другихъ, она положишельна и дѣйствительна, будучи при томъ облечена разными преимуществами, какъ-то: правомъ имѣть многихъ женъ и взимать лучшіе участки изъ добычи на охотѣ и рыбной ловлѣ.

Австралійцы приучаютъ собакъ для охоты за малыми родами опоссумовъ и кангуровъ, а также для открьтія слѣдовъ большихъ кангуровъ и ему, безъ чего добыча была-бы весьма нелегка. Обученная собака считается драгоценностью, и дикарки даютъ даже иногда собакъ сосать свою грудь. Лейненантъ Брешонъ повѣспвуетъ, будто дикарки Австралійскія убиваютъ дѣтей своихъ, чпобы вмѣсто нихъ кормить грудью щенятъ, но только одинъ этотъ путешественникъ передаетъ намъ извѣстіе о такомъ странномъ обстоятельствѣ.

Въ окрестностяхъ Порты-Джаксона браки дикарей совершаются самымъ звѣроподобнымъ образомъ. Молодой дикарь, желающій жениться, спарается

захвативъ какую нибудь дикарку изъ другаго племени; онъ нападаетъ на нее, бьетъ ее палкою, взваливаетъ себя на плеча и тащитъ въ свою семью, гдѣ насильно заставляеиъ повиноваться своей волѣ. И между тѣмъ, похищаемыя такимъ образомъ, женщины привязываются къ своимъ мужьямъ, и спановаясь пошомъ добрыми манерами семействъ. Впрочемъ эшопъ звѣрскій и уродливый обычай не-всеобщъ въ Авспрали. Во многихъ мѣстахъ супружества заключающа съ обрядами чуждыми насилія.

Почести, воздаваемыя умершимъ, различны по мѣстамъ и племенамъ. Индѣ зарываютъ мертвыхъ въ землю съ извѣстными церемоніями; въ другихъ мѣстахъ жгутъ умершихъ на кострахъ; въ иныхъ бросаютъ трупы въ море. Наконецъ, и эшо замѣчено особливо въ окрестностяхъ Морепюнскихъ, иногда родные и друзья сдираютъ съ мертвеца кожу, сожигая послѣ сего трупъ. Чшо они дѣлаютъ съ кожею, не извѣстно. Каковы-бы гдѣ ни были похороны, почти общій обычай запрещаетъ произносить имена умершихъ въ теченіе нѣкотораго времени, изъ опасенія вызвать съ шого свѣща духъ покойника. Дикари спараются также неходитьъ впереди могилы, боясь, чшо въ такомъ случаѣ мертвецъ явится и удавитъ неосторожнаго. Только керредаи имѣютъ право безнаказанно бродить около могилъ, но чшобы сдѣлаться керредаемъ, надобно напередъ отважиться провести цѣлую ночь подлѣ какой нибудь могилы. Во время сна при семъ случаѣ, по словамъ дикарей, изъ могилъ выхо-

дѣлѣ мертвецы, вскрываютъ животоу смѣльчака, переворачиваютъ у него кишки, попомъ кладутъ все на прежнее мѣсто. За то послѣ этой, впрочемъ довольно непріятной операціи, смѣло можете встрѣчаться хоть съ цѣлою дюжиною мертвецовъ.

Если послѣ смерти махери останется грудное дитя и никто не вызовется принять на себя обязаніе погребенія, то его безъ всякой жалости хоронятъ съ покойницею. Черныя и бѣлыя полосы по лицу означаютъ трауръ, и ихъ носятъ дольше или короче, смотря по степени печали, какую хотѣли изъяснить объ умершемъ. Кромѣ того, дикари сдираютъ еще кожу съ носа и запрещаютъ всякое украшеніе.

Пляски Австралійцевъ имѣютъ характеръ символическій. Обыкновенно мужчины и женщины пляшутъ раздѣльно, какъ мы уже говорили объ этомъ, описывая увеселенія дикарей Георгіевскаго залива. Бретонъ рассказываетъ, что онъ былъ очевидцемъ пляски Волломбискаго племени, въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, и вотъ какъ она происходила: мужчины спали въ кружокъ около чепырехъ женщинъ и пустились плясать. Дикарки легли между нѣмъ на землю, подогнувъ подъ себя руки и ноги, сполкнувшись головами вмѣстѣ и по временамъ брыкая по одною, по другою ногою. Поднявъ руки по медвѣжьему, лукаво глядя на дикарокъ и поправлявая головами, дикари бѣгали кругомъ, соблюдая нѣкопорую мѣру въ движеніяхъ своихъ. Черезъ нѣсколько минутъ женщины поднялись, а мужчины продолжали свои движенія, и вскорѣ вся эша, и безъ того

довольно неблагоприспосойная пантомима кончилась такимъ отвратительнымъ зрѣлищемъ, котораго описывать невозможно.

Авспраііецъ вѣришь духамъ, силѣ сновъ, околдованію и чародѣйству. Злымъ навожденіямъ приписываетъ онъ почти всѣ свои болѣзни, и поному самыя употребительныя лекарства керредаевъ и мулгарадоковъ суть заклинанія, или новое колдовство, для разрушенія прежняго. Нѣкоторые изъ племенъ Новаго Южнаго Валлиса вѣряють, что есть добрый духъ *Койанъ* и злой *Потойанъ*. Койанъ занятъ только оказываніемъ человѣку благодѣтельныхъ услугъ, но дикари ужасно боятся Потойана, непрерывно утраченного злыми дѣлами. Появленіе этого негодяя возбуждается особеннымъ, тихимъ и продолжительнымъ свистомъ. Колонисты, знающіе сіе свистѣе дикарей, избавляются иногда отъ докучливости ихъ тѣмъ, что свистуютъ имъ на подобіе Потойана. Идя подлѣ утеса, дикарь опіюдь неосмѣлился свистнуть, опасаясь, что утесъ отъ этого развалится и задавитъ его. Дикари увѣрены также, что если начать жарить рыбу ночью, то подымется проливной вѣтеръ, и Коллинсъ рассказываетъ по сему случаю довольно забавный анекдотъ: «Одна изъ колонистскихъ лодокъ была задержана въ гавани проливными вѣтрами, и, отъ нѣчего дѣлать, мапрозы собрали нѣсколько ракушекъ, располагаясь изжарить ихъ за ужиномъ. Тутъ находился какой-то дикарь; онъ важно покачалъ головою и сказалъ имъ: «Если спанете жарить ночью рыбу, вамъ nebudeтъ хорошей погоды.» Мапрозы хохотали, но на завтра

оправдалось предсказаніе дикаря, неблагопріятный вѣтеръ усилился, и Англичане напали на бѣднаго прощипашеля, ушверждая, что онъ былъ причиной ихъ бѣды. Право, трудно рѣшить — прибавляетъ Коллинсъ — кто былъ глупѣе: дикарь Австралійскій или мои просвѣщенные соотечественники!»

Австралійскіе горцы вѣрятъ, что есть родъ земноводнаго животнаго, въ родъ крокодила, какое-то *варви*; что оно живетъ во внутреннихъ рѣкахъ и выходитъ изъ нихъ иногда, хватая дѣшей и пожираетъ ихъ. Еще есть особенное чудовище, по рассказамъ дикарей, *кутиръ*, съ человѣческою головою; оно живетъ въ недоступныхъ пещерахъ, и иногда пожираетъ черныхъ; но бѣлыхъ, къ счастью, прогнать никогда не смѣетъ.

Донинѣ невозможно было подвергнуть дикарей Австралійскихъ никакому статистическому учету. Еслибы рѣшились опредѣлить какую нибудь сумму, восходящую извѣстнаго къ неизвѣстному, то никакъ нельзя положить ее болѣе 100,000, отдавая половину на побережье, и считая это побережье въ десять миль кругомъ по берегу. Безконечныя промежутокъ земель были пройдены внутри Австраліи, такъ, что ничего не представлялось на нихъ, кромѣ рѣдко разсѣянныхъ племенъ, и такое малолѣтство дѣлается понятно, если сообразить недостатокъ средствъ для пропитанія тамъ дикарей. Съ открытіемъ новыхъ водныхъ путей, особливо въ самую внутренность Австраліи, конечно, встрѣялись еще неизвѣстныя досель Австралійскіе обитатели, но

сомнительно, чтобы и тогда все народонаселение можно было оценить больше, нежели в 150,000 человекъ.

Впрочемъ, повсюду, куда только ни появлялись поселенцы высшаго образованія, непременно уничтожались передъ ними поспешенно первобытные, дикіе жители. Всѣ колонизаціи оканчивались испреблѣніемъ первобытныхъ туземцовъ, и Австраліи, какъ Америки и Африки, неизбежно подобной участи. Около Портъ-Джаксона дикія племена видимо убываютъ, и такая убыль неминуемо доведетъ ихъ до конечнаго испреблѣнія. Что непокоряется образованію, то всегда гибнетъ отъ его превъсѣющей силы. Таковъ законъ медленныхъ, но неизбежныхъ успѣховъ человѣчества. Въ слѣдствіе сего, Австраліецъ, получеловѣкъ, полузвѣрь, неимѣющій ни одного качества для соединенія съ Европейцемъ, изъ чего могли-бы произойти, какъ въ другихъ мѣстахъ, метисы и креолы, долженъ уничтожиться. Черезъ два столѣтія Австралія будетъ Европою Южнаго полушарія, и тогда, можетъ быть, щедро будутъ исканы въ ней жители первобытныхъ; слѣды ихъ останутся только въ нашихъ книгахъ, отголоскъ описанія древнихъ обитателей эпохи Южной Европы.

конецъ IX-й части.

Отмечка Издателя была причиною, что въ листы
15—19-й этого тома вкралось много опечатокъ. Вотъ

главныя:

спрѣв.	спрок.	Напечатано.	Читать.
226	14	упесовѣ	Упесовѣ
—	—	Дергингъ	Дербингъ
—	19	Валліамъ	Вилліамъ
227	31	Сквира	Сквира
228	5	мызы	мызы.
—	6	блакслонда	Блаксланда
—	30	коммиссаріатски-	коммиссаріатски-
229	20	фессе	фессе
230	11	баскешы	боскешы
—	30	Говкесбури	Гавкесбури
231	20	----	----
—	21	Викберфорсъ	Вильберфорсъ
232	12	арпоновъ	арпановъ
233	15	Говкесбури	Гавкесбури
234	16	Илаваша	Илавара
—	17	Апожилъ	Арджилъ
235	9	Макодама	Макадама
236	31	fataga	fataga
237	1	brandy	brandy
—	24	взошли	взошли
238	10	керредки	керредаи
240	9	временн	времени
—	26	Маредень	Марсденъ
241	1	----	----
—	11	Виллисъ	Валлисъ
—	—	Маредень	Марсденъ
—	16	----	----
245	5	Морригонгъ	Марригонгъ
—	9	Мор —	Мар —
—	17	ношъ	лашъ
247	16	Морригонгъ	Марригонгъ
—	28	Тупъ	Тогда
249	22	Уру-Море	Уру-Маре
252	4	Морригонгскаго	Марригонгскаго
—	13	Морригонговъ	Марригонговъ
—	25	South-Head	South-Head
253	9	----	----
255	10	нѣсколько	нѣсколько разъ
—	14	ровна-	равня-
256	5	карредан	керредан
257	5	кривляканья	кривлянья
258	8	вомору	вомару
—	11	воморы	вомары
261	15	копорыхъ	копорыхъ невозможно
262	30	эму	ему

спран.	спрок.	Напечатано.	Читать.
263	3	эпаго	эпого
264	1	Токконію	Тасманію
265	15	де-Брокъ	де-Броссъ
267	7	Кеер	Кеер
—	11	Воезъ	Ваезъ
268	20	бахсъ	баксъ
—	22	бонпаму	Банпаму
—	—	Жан —	Ян —
—	25	Галландскій	Голландскій
—	62	1616	1618
269	1	и	но
—	8	Abrolgos	Abrolhos
270	16	—	—
271	5	мореплаванію	мореплаванію
—	8	путешествіе	путешествіе
—	—	Субрекарта	субрекарта
—	16	Тосманъ	Тасманъ
—	20	—	—
—	25	Тосмана	Тасмана
—	30	компаніи	Компаніи
—	31	Тосмана	Тасмана
272	5	Авспрадіи	Авспрадіи
—	9	ходятъ нагой	ходишь нагой
—	27	То —	Та —
275	5	чтобы,	чтобы
277	7	число	число
—	12	gros-ventre	Gros-Ventre
—	30	проплыть	проплыть
278	4	Флиндеръ	Флиндеръ
283	3	Кунингамъ	Кунингамъ,
—	17	Пилею	Пилею
285	9	вошелъ	вошелъ
289	12	эпа	эпо
—	28	роковинъ	раковинъ
295	6	спва,	спва
—	15	и	и
296	5	земль,	земль
298	17	берега	берега,
—	30	и	и
300	7	мышечныхъ	мышечныхъ,
302	13	гическая, задача	гическая задача,
—	29	Крокодилы	Крокодилы,
303	29	казуара	казуара
—	—	высокъ	высокая
—	30	вкусенъ	вкусная
304	8	регента	Регента

О П И С А Н І Е

рисунковъ, принадлежащихъ къ *девятой*
частии *Всеобщаго Путешествія*.

Листъ. Изображ.

ОСТРОВЪ ТИМОРЪ.

- CLXXXIX. 352. Видъ Купангскаго залива (ч. IX. стр. 7.)
305. Малайское кладбище въ Кунангъ (стр. 10).
CLXXX. 354. Всадникъ Тиморскій (стр. 12).
355. Примѣрная бытва Омбайскихъ островитянъ
(стр. 13).

ОСТРОВЪ ЯВА.

- CLXXXI. 356. Улица въ Батавіа, въ опдѣленіи новаго города
(стр. 64).
357. Яванскій раджа въ обыкновенномъ нарядѣ (стр. 82).
CLXXXII. 358. Бунтениоргъ, загородный домъ Батавійскаго
генераль-губернатора (стр. 83).
359. Малаецъ въ придворной одеждѣ, съ *кри* и *ве-*
дунгомъ, и Малаецъ въ военной одеждѣ, съ *према* *кри*, въ *шеда-*
нахъ (стр. 86).
CLXXXIII. 360. Церамскіе Малайцы, мужчина и женщина (стр.
86).
361. Малаецъ и Малайка въ подвѣсочномъ платьѣ
(стр. 87).
CLXXXIV. 362. Жилище Голландскаго резидента, въ Сурабага
(стр. 91).
363. Житель Банкалангскій на островѣ Мадуре
(стр. 98).

II

Листы. Изобраз.

CLXXXV. 364. Торжественный въезд Сулпана Банкалангского (стр. 91).

CLXXXVI. 365. Видъ части города Сурабаи (стр. 91).

366. Жилище Голландскаго резидента въ колоніи Баніу-Вангуи (стр. 105).

CLXXXVII. 367. Музыканты Банкалангскаго Сулпана (стр. 94).

368. Однорогій носорогъ Яванскій (стр. 106).

CLXXXVIII. 369. Развалины дворца и храма въ Кулассанъ (стр. 114 и 166).

370. *Ронгенъ*, или Яванская плясунья, пляшущая *тендажъ* (стр. 159).

CLXXXIX. 371. Развалины храма и статуи Будды въ Брамбанъ (стр. 114 и 165).

372. Театральныя маски, кивжалы и маріонетки Яванскія (стр. 156 и 158).

CXC. 373. Развалины Буддйскаго храма въ Боро-Бодо (стр. 167).

374. Одна изъ 400 нишъ, съ статуею Будды, въ храмѣ Боро-Бодоскомъ (стр. 167).

CXCI. 375. Браминскій жрецъ на островѣ Бали (стр. 104).

376. Яванскія знамена, оружіе и щиты (стр. 162).

CXCII. 377. Изваянія въ разныхъ Буддйскихъ храмахъ, въ Боро-Бодо, Кедира, Синга-Сари и Малангъ (стр. 168).

CXCIII. 378. Жилище Малайское (стр. 160).

379. Жилище Яванскаго простолюдина (стр. 160).

380. Жилище Яванскаго начальника (стр. 160).

АВСТРАЛІЯ.

CXCIV. 381. Гавань Короля Георгія (стр. 177).

382. Дикари въ окрестностяхъ Георгіевской гавани (стр. 182).

CXCV. 383. Ущесы на рѣкѣ Французовъ и рыбные заколы дикарей (стр. 183).

384. Охота за кангуру въ окрестностяхъ Георгіевской гавани (стр. 181).

CXCVI. 385. Kangaroo-Heat, на островѣ Кангуровъ (стр. 204).

386. Охота за пюменами въ Западномъ заливѣ (стр. 215).

CXCVII. 387. Заливъ Джервисъ (стр. 296, 279) и жилища дикарей (стр. 322).

III

388. Входъ въ Порпъ-Джаксонъ и видъ города Сиднея издали (спр. 220).

СХСVIII. 389. Видъ Сиднея вблизи (спр. 220).

390. Георгіевская улица (George-Street) въ Сиднеѣ (спр. 222).

СХСIX. 391. Маякъ на высотахъ South-head, близъ Сиднея (спр. 252).

392. Площина на рѣкѣ Параматтѣ (спр. 228).

СС. 393. (Сей рисунокъ принадлежитъ къ спр. 13, X-го тома Всеобщ. Пут.).

394. Казармы въ Сиднеѣ (спр. 223).

ССI. 395. Сліяніе рѣкъ Муррай и Дарлингъ (спр. 288).

396. Могилы дикарей (спр. 262).

ССII. 397. Обрядъ *гна-лунга*, или выбиванія зуба въ знакъ совершеннолѣтія (спр. 258).

398. Похищеніе невесты между дикарями (спр. 250).

ССIII. 399. Погребеніе дикаря (спр. 261).

400. Дикарь Австралійскій (спр. 317). Изображеніе дикарки принадлежитъ къ X-му тому Всеобщ. Пут.

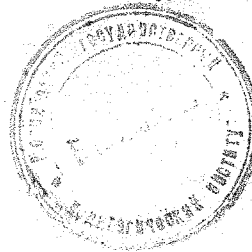
ССIV. 401. Дикари, приготовляющіе корковую лодку (спр. 322).

402. Казуаръ, или *ему*, и лирообразная менура (спр. 303).

ССV. 403. Пляски дикарей (спр. 327).

404. Орннпоринхъ и дзіуръ (вамбашъ или десманъ), живописныя Австралійскія (спр. 301, 302).

30850

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Океанія* (продолженіе *Малезіи*): оспрова *Тиморъ, Борнео, Ява; Австралія* (Новая Голландія): *Новый Южный Валлисъ*.

ГЛАВА LXXXVI. *Малезія. Острова Тиморъ.* Прибытіе въ заливъ *Бабайскій*. Крепость *Конкордія*. Городъ *Купангъ*—Малайское кладбище; загородные дома богачей; праздникъ у вдовы Малайскаго раджи, пляски и шурниръ Малайскій. Описаніе *Тимора*—положеніе, обоготвореніе крокодила, богатство природы; исторія завоеванія *Португальцами* и *Голландцами*; нравы, одежда, обычаи, правленіе *Тиморцовъ*; племена, искусства. Окресные оспрова: *Симао, Роппие*; названіе *Сумбава-Тиморскими*. Оспрова *Сумбава*—о гнедышащая гора.—Оспрова *Ломбокъ, Солоръ, Сумбасаву*..... 7

ГЛАВА LXXXVII. *Малезія. Борнео.* Переходъ и остановка въ успь рѣки *Баньермассингъ*. Величина оспрова, названія, положеніе, колоніи *Европейцовъ*. Опыпы и неудачи *Англичанъ* и *Голландцовъ*. Незвѣсность частей *Борнео*. Наносныя побережья, рѣки, горы, произведенія природы. Дѣленіе областей—*Борнео*, жилища, правленіе, столица. Другія области: *Самбава, Мумпава*—*Кишайская* колонія въ *Моншрадокъ*; *Поншіанакъ, Лаидакъ, Мапанъ*; народъ *Дайакъ*. Алмазы. Спрасъ дикарей къ черепахъ. Другіе жуземцы. Роды и племена

на. Недостоверность и непрочность известий о Борнео.	41

ГЛАВА LXXXVIII. Малазія. Островъ Ява. Море Яванское.

Батавіа — видъ съ гавани; острова по заливу, переправа на берегъ. Описаніе города — части его, положеніе; прежній Батавіа, улучшенія мѣстности и климата, число жителей, зданія, рынки, торговля, промышленность, житіе, роскошь, училища, общество, забавы. — Поездка къ Яванскому раджѣ, въ Бунпенцортъ и въ Церамъ. Малайцы. Отбытіе изъ Батавіа. Сурабаѣа — описаніе города. Островъ Мадуре. Разсказъ Лапласа — пиры у Султана Банкалангскаго; Безукіе на Ява; Султанъ Суманаскій на Мадуре; Балийскіе пирапы; колонія Баніу-Вангун — пиры и единороги. Отбытіе отъ Ява. 65

ГЛАВА LXXXIX. Островъ Ява. Внутреннія его области и мѣста.

Обзоръ всѣхъ резиденцій на Ява — число жителей, мѣстоположеніе, торговля, города. Острова Мадуре и Бали. 108

ГЛАВА XC. Островъ Ява. Всеобщій географическій очеркъ,

нравы, религія, древности, Исторія. Имя, положеніе, величина, рѣки, горы — вулканы, провалъ Панадайанскій — климатъ, произрастаніе — дерево упасъ — звѣри, бивны буйволовъ съ пиграми, пшеницы, салангановыя гвѣзда, гадъ, рыбы. Жители — сложеніе, характеръ, мусульманство, браки, похороны, пища — бепель, или сири, напитки, опиумъ — *амокъ, мата-глабъ*, игры и увеселенія, пѣсньи, пляски, жилища, прежнее правленіе и чиновначіе, одежда. Поэзія, образованіе, оспашки прежнихъ храмовъ. Исторія — покореніе Голландцами. Знанія и науки. Полишика Голландцевъ. 122

ГЛАВА XCI. Австралія (Новая Голландія), гавань короля

Георга. Переходъ къ Австраліи. Заливъ короля Георга. Видъ земли. Дикарь. Оспавленная колонія, прогулка, видъ окрестностей, жилища дикарей, кангуры; плаваніе по рѣкѣ Французовъ — обиліе дичины. Могилы дикарей, похоронныя обряды, комдуны, болѣзни, бра-

ки, восприимчивость, пляски, начальники, гостеприимство, законъ мщенія, войны, языкъ. Охота за кангурами. . . 175

ГЛАВА XXXI. *Австралія. Островъ Кангуровъ и Западный портъ.* Переходъ въ Наппинскій заливъ—островъ Кангуровъ, названіе, положеніе, величина, дикари. Погибель каппипана Баркера. Переходъ въ Западный портъ на островъ Филиппа—пиолени и охота за ними; прогулка. Опытъ колонизаціи. 203

ГЛАВА XXXII. *Австралія. Новый Южный Валлисъ.* Переходъ къ Портъ-Джаксону. Городъ Сидней—дома, улицы, строенія, число жителей. Ссылные и опущенники. Поѣздка въ Параматта—ручные кангуры; Виндзоръ и Ливерпуль; возвращеніе въ Сидней. Визитъ Бунгари, начальника дикарей. Грубость и скотство туземцевъ; тщетныя усилія образованъ ихъ; отношенія ихъ къ Англичанамъ; прогулка въ торжественное собраніе дикарей—видъ ихъ, ршеніе споровъ и наказанія за убійство, примѣрныя битвы, игры, пощенія невѣстъ. Маякъ Сиднейскій. Обрядъ гна-лунга. Похороны и могилы дикарей. Опытныя изъ Австраліи. 219

ГЛАВА XXXIII. *Австралія. Открытіе и Географія.* Первоначальныя извѣстія: Малайцы, Польмъ де-Гонневиль, Великая Ява. Исторія открытія береговъ Австраліи: корабль Duythen, Торресъ, Гаагхсдт, Фанъ-Эдель, Нуишъ, Пельсарпъ, Полю; Тасманъ—имя Новой Голландіи; Дампьеръ, Фламингъ; Кукъ, Ванкуверъ, Бассъ, Боденъ, Флиндерсъ, Кингъ, Фрейсине и Дюрвилъ. Путешествія внутрь земли: преграда Синихъ горъ; Блэксландъ и его сопутники, Окслей и Куннингамъ, Спурнъ—открытіе рѣки Муррая; рассказы Бербера, Митчелъ, Рое, Вильсонъ. Очеркъ Австраліи, острова, заливы, климатъ, засухи, дожди, горы, рѣки. 265

ГЛАВА XXXIV. *Австралія. Природа земли.* Царство животныхъ, земноводныя, пресмыкающіяся, птицы, насѣкомыя, раковины, прозябанія, минералы, горячія горы и утесы. Замѣчанія о географическихъ названіяхъ. . . 300

ГЛАВА XCVI. Австралія. Обитатели. Порода жителей; мысль о происхожденіи ихъ изъ Новой Гвиннеи; ихъ сложеніе и физическія свойства; пища, лододѣство, одежда, танцажъ, леченіе, жилища, оружіе, ремесла, общественныя установленія, браки, похороны, пляски, сувениры, число ихъ и постепенное истребленіе. .	516
Описаніе <i>пятидесяти трехъ</i> рисунковъ, принадлежащихъ къ <i>девятой</i> части Всеобщаго Путешествія.	I

